

ISSN 2587-7844

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ

ФОРУМ

2018. № 4 (4)

Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведен Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одновременно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии 10.00.00

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований

Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. Россия, 660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

Индексирование

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Редакционная коллегия

Editorial board

Васильева С.П., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)
Vasilieva S.P., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Editor-in-chief)

Ковтун Н.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)
Kovtun N.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Deputy Editor-in-chief)

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Vasiliev A.D., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

Бенет Винсент, доктор филологических наук, профессор, INALCO (Франция)
Benet Vincent, Doctor of Philology, Professor, INALCO (France)

Войводиц Ясмينا, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреб (Хорватия)
Voyvodich Yasmína, Doctor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia)

Игнатьева Т.Г., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Ignatieva T.G., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

Йонг-Хван Парк, PhD, профессор, PAI CHAI UNIVERSITY (Корея)
Yong-Hwan Park, PhD, Professor, PAI CHAI UNIVERSITY (Korea)

Керо Энрике, Университет Гранады (Испания)
Kero Enrique, University of Granada (Spain)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Osetrova E.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

Пикколо Лаура, профессор, Университет РИМ-3 (Италия)
Piccolo Laura, Professor, RIM-3 University (Italy)

Проскурина Е.Н., доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
Proskurina E.N., Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Philology of SB RAS (Novosibirsk)

Протасова Е., доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, Университет Хельсинки (Финляндия)
Protasova E., Doctor of Education, PhD in Philology, University of Helsinki (Finland)

Садырина Т.Н., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Sadyrina T.N., PhD in Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

Самотик Л.Г., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Samotik L.G., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

Тышковска-Каспршак Э., доктор филологических наук, профессор, Вроцлавский университет (Польша).
Elzbieta Tyszkowska-Kasprzak, Doctor of Philology, Professor, Wroclaw University (Poland)

Цветова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Tsvetova N.S., Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University

Черняк В.Д., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Cherniak V.D., Doctor of Philology, Professor, Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg)

Шмелёва Т.В., доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Shmeleva T.V., Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod)

СОДЕРЖАНИЕ TABLE OF CONTENTS

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ LITERARY STUDY

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ HISTORY OF LITERARY CRITICISM

Проскурина Е.Н.
«ОБЩЕЖИТИЕ» В. ЗАЗУБРИНА
КАК «НЕУДАВШИЙСЯ» РАССКАЗ
(НА МАТЕРИАЛЕ КРИТИЧЕСКИХ ОЦЕНОК
СОВРЕМЕННОКОВ И ПАРТЦЕНЗУРЫ)
Proskurina E.N.
“DORMITORY” BY V. ZAZUBRIN AS A “FAILED” STORY
(ON THE BASIS OF CRITICAL ASSESSMENTS
BY CONTEMPORARIES AND PARTY CENSORSHIP)

[4]

Андреева Е.А.
ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ
ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ “ПАТРИОТОВ” 2000-х гг.
Andreeva E.A.
INTERPRETATIONAL STRATEGIES OF “PATRIOTS”
LITERARY CRITICISM OF 2000s

[19]

ГОРИЗОНТЫ ПОНИМАНИЯ HORIZONS OF UNDERSTANDING

Шевчугова Е.И.
АРХЕТИП БАБУШКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.А. ГОНЧАРОВА,
М. ГОРЬКОГО И В.П. АСТАФЬЕВА:
ТРАДИЦИИ И АВТОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
Shevchugova E.I.
GRANDMOTHER'S ARCHETYPE IN WORKS
BY I.A. GONCHAROV, M. GORKY AND V.P. ASTAFYEV:
TRADITIONS AND AUTHOR'S INTERPRETATION

[31]

Ким Джун Сок
ПРОБЛЕМА «ДОМА» В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
СОЦИОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МИХАИЛА БУЛГАКОВА
Kim Joon Seok
“HOME-LIFE” IN SOVIET SOCIETY: SOCIAL PSYCHOLOGY
IN THE WORKS BY MIKHAIL BULGAKOV

[37]

Марков А.В.
ОБРАЗНОСТЬ БОТТИЧЕЛЛИ
В ПОЭЗИИ ВАСИЛИЯ ФИЛИПPOBA
Markov A.V.
THE IMAGERY OF BOTTICELLI
IN THE POETRY OF VASILY FILIPPOV

[50]

АКТУАЛЬНАЯ РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ В ДИСКУРСЕ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE IN THE DISCOURSE OF TRADITIONALISM

Кевин Дж. Маккенна
ПРИТЧА Л.Н. ТОЛСТОГО «ЧЕМ ЛЮДИ ЖИВЫ»
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РОМАНА А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА
«РАКОВЫЙ КОРПУС»
Kevin J. McKenna
“WHAT MEN LIVE BY”: LEO TOLSTOY'S
PROVERB-PARABLE AS A SOURCE FOR ALEKSANDER
SOLZHENITSYN'S NOVEL, CANCER WARD

[61]

Вавжинчак Александр
«НОВЫЙ РЕАЛИЗМ» КАК ПОПЫТКА ПРЕОДОЛЕНИЯ
МИФОПОЭТИКИ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА.
ВАЛЕНТИН РАСПУТИН И РОМАН СЕНЧИН
Aleksander Wawrzyńczak
NEW REALISM AS AN ATTEMPT TO OVERCOME
THE MYTH-POETICS OF TRADITIONALISM.
VALENTIN RASPUTIN AND ROMAN SENCHIN

[71]

Степанова В.А.
РОМАН З. ПРИЛЕПИНА «САНЬКА»:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА
Stepanova V.A.
Z. PRILEPIN'S NOVEL “SANKYA”:
TRANSFORMATION OF TRADITIONALISM

[81]

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ TOPICAL PROBLEMS OF LINGUISTICS

Михайлова Т.В.
ТОЧКА ЗРЕНИЯ И ОЦЕНКА
В РУССКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ НАЧАЛА XVII в.
Mikhaylova T.V.
POINT OF VIEW AND ASSESSMENT IN RUSSIAN PUBLICISTIC
TEXTS OF THE EARLY SEVENTEENTH CENTURY

[91]

Сун Дандань
ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ РОССИИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ
ГАЗЕТЫ «ЖЭНЬМИНЬ ЖИБАО»: ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
Song Dandan
LANGUAGE IMAGE OF RUSSIA IN THE RUSSIAN-LANGUAGE
VERSION OF THE NEWSPAPER “RENMIN RIBAO”:
GEOGRAPHICAL ASPECT

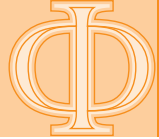
[105]

Устьянцева Е.В., Устьянцева К.Е.
АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «МОРЕ»
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И ИСПАНЦЕВ
Ustyantseva E.V., Ustyantseva K.E.
ASSOCIATION FIELD OF “SEA” IN THE LINGUISTIC
CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS AND SPANIARDS

[114]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

[122]

УДК 82

«ОБЩЕЖИТИЕ» В. ЗАЗУБРИНА КАК «НЕУДАВШИЙСЯ» РАССКАЗ (НА МАТЕРИАЛЕ КРИТИЧЕСКИХ ОЦЕНОК СОВРЕМЕННОК И ПАРТЦЕНЗУРЫ)¹

Е.Н. Проскурина (Новосибирск, Россия)

Аннотация

Цель работы – анализ восприятия рассказа сибирского писателя В. Зазубрина «Общежитие» в критике 1920-х гг. К анализу привлекаются материалы из архивного фонда Государственного архива Новосибирской области, сибирской периодики 1920-х гг. и переписка Зазубрина с М. Горьким. После первой публикации в 1923 г. в журнале «Сибирские огни» рассказ был переиздан только один раз – в сборнике «Общежитие», выпущенном Новосибирским книжным издательством в 1990 г. Однако сравнительный анализ текста в данной публикации с публикацией 1923 г. показал, что в нем оказались существенные сокращения, касающиеся наиболее откровенных натуралистических описаний «коммунистического быта». Обращение к фондам Государственного архива Новосибирской области показало, что первая публикация «Общежития» вызвала резкую критику Главлита РСФСР, после чего была существенно усилена цензура всей местной литературы. В статье проанализирована поэтика рассказа в контексте тех претензий, которые выдвинуты автору. Показаны тематические сближения «Общежития» с произведениями Б. Пильняка, И. Бабеля, С. Малашкина и других авторов 1920-х гг., включавших в свои тексты эротические эпизоды. В конце 1920-х гг. они были расценены как «порнографические», а к 1930-м гг. литературная эротика входит в разряд запретных тем. Проведенный анализ критических отзывов на рассказ подвел к выводу, что именно публикация «Общежития» открыла роковую страницу в судьбе Зазубрина, трагически завершившейся в подвалах Лубянки в 1937 г., после чего его имя было забыто на десятилетия.

Ключевые слова: творчество В. Зазубрина, рассказ «Общежитие», архив ГАНО, поэтика сюжета, литературная критика 1920-х гг., эротика в литературе.

*Ты черным белое по прихоти зовешь:
Сатиру пасквилем, поэзию развертом,
Глас правды мятежом...*

А.С. Пушкин. Послание цензору

В соответствии с целью исследования в работе используются следующие *методы*: историко-литературный, литературно-критический, описательный, сравнительный.

Постановка проблемы. Рассказ сибирского автора В. Зазубрина (настоящая фамилия Зубцов, 1894–1937) «Общежитие» был создан в 1923 г., в период наибольшей творческой продуктивности писателя. В 1920-е гг. он известен главным

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках проекта № 18-412-540003 «“Паралипоменон” сибирской литературы XX века в архивах и книжных собраниях Новосибирской области».

образом как создатель романа «Два мира», написанного в 1921 г. и получившего высокий статус «первого советского романа», что широко ввело его имя в новую литературу: за первые годы после публикации «Два мира» претерпели порядка десяти переизданий. Еще одной «визитной карточкой» В. Зазубрина было его активное участие в собирании сибирских литературных сил, увенчавшееся созданием журнала «Сибирские огни», где в 1923 г. он опубликовал два своих рассказа: «Бледная правда» и «Общежитие». Однако именно публикация «Общежития» открыла роковую страницу в судьбе Зазубрина, трагически завершившейся в подвалах Лубянки в 1937 г., после чего его имя было забыто на десятилетия. Причины этого кроются в идеологической позиции писателя, противоречащей основным максимам эпохи, а также в поэтике его произведений, основные черты которой мы постараемся показать на примере рассказа «Общежитие».

Прежде чем перейти к анализу рассказа, отметим, что в литературном наследии Зазубрина и на сегодняшний день забытых произведений гораздо больше, чем известных. Современный читатель может его знать прежде всего как автора повести «Щепка», созданной в том же продуктивном 1923 г., но не увидевшей свет при жизни писателя. Первая публикация состоялась лишь в 1989 г. в «Сибирских огнях». В 1991 г. по повести Зазубрина режиссером А. Рогожкиным был снят фильм «Чекист». Причина отказа от публикации «Щепки» не только в сибирских, но и в столичных журналах заключена в выбранной автором теме: революционного террора, кровавых будней Сибчека [Подробно см.: Проскурина, 2002; Проскурина, 2018; Яранцев, 2012]. Несмотря на попытку дать вторую жизнь прозе Зазубрина, предпринятую сначала Н. Яновским во втором томе «Литературного наследия Сибири» (1972), а затем републикацией романа «Два мира» иркутским литературоведом и критиком В. Трушкиным в 1980 г. и новосибирским литературным деятелем А. Горшениным в 1988 г., а также подготовленным в 1990 г. Новосибирским книжным издательством корпуса не переиздававшихся после первой публикации произведений писателя, ни его имя, ни его творчество не получили широкой известности. Ждали своего времени и архивные материалы, относящиеся к творческой биографии Зазубрина. Большая работа в этом направлении проведена новосибирским исследователем В. Яранцевым, выпустившим в 2012 г. «повесть-исследование» «Зазубрин. Человек, который написал “Щепку”» (2012). Возбуждение читательского интереса провоцируется знаковым произведением писателя, включенным в название этой книги. Однако современное литературоведение лишь приступает к глубокому изучению «пропущенных» страниц наследия Зазубрина. Данная статья – первое исследование, специально посвященное самому скандальному его произведению, проводящееся с привлечением архивных свидетельств и опубликованных в печати 1920-х гг. критических отзывов.

Если повесть «Щепка» не была допущена к изданию, то рассказ «Общежитие» Зазубрина удалось опубликовать в своем детище – «Сибирских огнях». Однако почти сразу же после публикации на него последовала скандальная реакция

центральной, а вслед за ней местной цензуры. Показателен тот факт, что местные органы агитации и пропаганды оказались менее «бдительны», чем Главлит РСФСР, тщательно контролирующей уже в начале 1920-х гг. не только столичную, но и региональную периодику. «Просмотрев журнал “Сибирские огни” № 5–6 за 1923 г., Главлит обнаружил в нем места, указывающие на крайне поверхностное, невнимательное отношение бывшего Сиблита к разрешаемым произведениям», – так начинается «Письмо Главлита РСФСР в Сиббюро ЦК по поводу публикации в журнале “Сибирские огни” рассказа В. Зазубрина “Общежитие”» (ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 35. Л. 6). Предметом критики явились изображенные в рассказе неприглядные общежитские «картины быта коммунистов».

Действительно, основой сюжета произведения послужила характерная для периода 1920–1930-х гг. бытовая необустроенность, жилищная теснота, на фоне которой развиваются отношения между жильцами общежития – ответственными парработниками, с любовными конфликтами, кратковременными связями, в результате которых все персонажи оказываются зараженными венерическими заболеваниями. «...если революция несет с собой поголовное заражение венерическими болезнями, если общежития являются лишь рассадниками этих болезней, если ответственные коммунисты суть передаточные инстанции, а советский поп – Завзагсом – проститутка, то не является ли вопиющим злом сама идея коллективизации быта и весь советский строй? Такой вопрос напрашивается после прочтения этой пошлейшей пасквили» (Там же), – делают вывод авторы письма².

Тем же не понравился рассказ и М. Горькому, одному из самых высоких для Зазубрина литературных авторитетов. Ему на Капри переправлялась подшивка «Сибирских огней» начиная с 1922 г. – времени создания журнала. Переписка Горького с Зазубриным началась в 1928 г. Тогда же одно из писем он практически целиком посвятил «Общежитию». По причине малоизвестности приведем эту часть письма полностью:

«Дорогой Владимир Яковлевич!

“Общежитие”, на мой взгляд, вещь неудачная.

Вы взяли так называемую “вечную” тему и заключили ее в условия случайные, потому что ведь современная жилищная теснота – явление временное, нехарактерное; Тристан – Изольда, Тангейзер, Дон-Жуан, Ловелас, Вертер и прочие – страдали не от жилищной тесноты так же, как Ромео и Юлия. Это – одна Ваша ошибка. Она не была бы таковой, если б Вы “жилищную тесноту” расширили и углубили, показав ее как неизбежное условие структуры классового общества, но для этого Вам, конечно, пришлось бы взять другой материал. А с тем материалом, который Вы взяли, у читателя получается пессимистический и несправедливый вывод: при сов[етской] власти половая путаница осложнена жилищной теснотой и ведет к поголовному заражению сифилисом.

² Послушный ответ Сиббюро ЦК РКП(б) на письмо Главлита РСФСР последовал в следующем месяце, 7 апреля: «Агитпроп Сиббюро ЦК РКП(б) доводит до вашего сведения, что во избежание в будущем помещения в журнале “Сибирские огни” вредных по своей тенденции художественных произведений редакции журнала дано распоряжение все произведения, могущие вызвать споры в оценке их, предоставлять на предварительное заключение Агитпропу» (ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 35. Л. 5).

Иронический тон рассказа не кажется мне уместным и оправданным. Над чем тут иронизировать? И – с какой точки зрения допустима ирония? “Крейцеров-ва соната” и Шопенгауэр? Стоит ли нам, людям второй четверти XX в., отправляться к суждению о проблеме пола и буддизма? Затем: в описаниях Вы впадаете в злейший “золаизм” – рвота, сопля, пот, ночные горшки и т.д. Зачем это? Тот факт, что Шекспир, Толстой, Ленин посещали уборные, как все люди, вовсе не характерен для людей и еще менее характерен для “больших” людей. А ведь веков нужно рассматривать применительно к лучшим представителям рода, а не применительно к сопливым кретинам.

“Философические” суждения о “поле” и героев Ваших, и лично Ваши – впечатления не меняют.

Пишите Вы плохо и мало заботитесь о точности, ясности. И слишком много дано в рассказе *черного* (курсив авт. – Е.П.). Нет. Не понравился мне рассказ. Жалею об этом» [Литературное наследство Сибири, 1972, с. 263].

Однако в том, что Горькому из его итальянского далёка виделось как нехарактерное, случайное, имеющее сугубо классовый характер, Заzubрин выявил черты, оказавшиеся типичными именно для советского бытоустройства, с его жилищной теснотой, неизбывными коммуналками и общежитиями. Сибирский писатель одним из первых в советской литературе творчески откликнулся на проблемы, вскоре составившие особую литературную традицию изображения бездомного существования советских людей с такими вошедшими в нее именами, как М. Зощенко, М. Булгаков, А. Платонов, П. Романов, Б. Пастернак и др. После кампании «уплотнения», основанной на разрушении дома – родового гнезда, предметом мечтаний человека советской эпохи не случайно оказалось решение «квартирного вопроса», ставшего «проклятым вопросом» времени. В рассказе Заzubрина намек на эту разрушительную инициативу содержится в начале первой главы:

«Дом № 35

Он – голубой с мезонином. Стоит на углу Октябрьской и Коммунистической улиц. Ранее принадлежал вдове статского советника Обкладовой. Теперь – национализирован. Занят общежитием сотрудников Губисполкома.

От прежней хозяйки в доме остались – широкие деревянные кровати, кожаные кресла и диваны, кривоногие столы и тюлевые занавесочки на окнах... туи и олеандры на подоконниках и едва уловимый запах залежавшегося старого платя, нафталина, ладана.

Больше ничего.

Живут в доме новые люди – сотрудники Губисполкома...»³

Мимолетные отношения жильцов общежития не имеют ничего общего с той «вечной темой», которая возникает в начале письма Горького через имена Тристана и Изольды, Ромео и Джульетты, Тангейзера, Вертера. Нет в них и интриги соблазнения, что также делает неубедительной проведенную Горьким парал-

³ Заzubрин В. Общежитие // Сибирские огни. 1923. № 5–6. С. 72. Далее цитаты из рассказа приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках.

лель с Ловеласом и Дон-Жуаном. Зазубрин рисует бытовые картинки послерабочего досуга «ответственных парработников», для которых вступление в половые отношения не более чем способ избавления от скуки и удовлетворение физиологической потребности. Это характерный для начала 1920-х гг. разворот «вечной темы» в сторону теории «стакана воды», отрицавшей любовь и сводившей отношения между мужчиной и женщиной к удовлетворению сексуального влечения. Именно сюда и направлена авторская ирония, доходящая порой до сарказма.

Понять претензии Горького к поэтике «Общежития» как «грязному» письму можно, обратившись к первой публикации в «Сибирских огнях», где текст приведен полностью, без купюр. Именно к нему мы обращаемся при цитировании. В републикации 1990 г. составитель сборника «Общежитие» А. Горшенин «подчистил» текст, сделав в нем существенные купюры, убрав наиболее острые натуралистичные фрагменты, в результате чего поэтика стала более сглаженной. Однако такое «причесывание» зазубринского текста искажает авторскую манеру письма, характерную не только для «Общежития», но для всего раннего творчества писателя. В «Общежитии» в связи с заявленной темой она лишь приобрела бóльшую рельефность. «Грязным рассказом» назвал «Общежитие» и современник Зазубрина, сибирский прозаик Ф. Тихменев. Однако в его оценке нет той однозначности, которую отличает позиция М. Горького. «От первой части повести так резко и остро пахнет смрадом, пошлостью обнаженного мещанства, что кажется будто сами страницы книги в потеках грязной и липкой слюны. Их страшно перелистывать, хочется вымыть руки. С точки зрения достижений художественно-описательного эффекта, это, бесспорно, замечательнейшие страницы в нашей литературе» [Тихменев, 1928, с. 226]. Свое впечатление от «Общежития» Тихменев определяет словом «ошеломляющее». Таким же «ошеломляющим» оказался рассказ Зазубрина и для другого его современника – писателя Ник. Смирнова, в качестве особенностей авторского письма отметившего «ярчайшую изобразительность, четкую типизацию героев и, одновременно, пристрастие к сгущению красок в показе темных “страстей человеческих”» [Литературное наследие Сибири, 1972, с. 431]. Признак художественного бесстрашия как отличительной черты творческого поведения Зазубрина увидел в «Общежитии» его соратник по «Сибирским огням» В. Правдухин: «В. Зазубрин определенно талантлив. Правда... он портит многие страницы неумеренно обнаженным реализмом. В этом отношении он с какой-то трагической силой, крепким, броско отчетливым отчаянием подводит читателя вплотную к самым страшным картинам жизни» [Правдухин, 1924, с. 222]. Впечатлительность, резкость, горячность, неприятие людских пороков – черты характера Зазубрина, отразившиеся на поэтике его произведений. В «Общежитии» они проявились как на уровне поэтики персонажей, так и при изображении бытовой обстановки.

Выбранный Зазубриным способ письма близок сценарному, что особенно отчетливо дает о себе знать в первой главе, разделенной на подглавки: «Комната № 1», «Комната № 2» и т.д., содержащие описание общежитских жилищных условий и образа жизни самих обитателей голубого с мезонином дома № 35:

«Комната № 1.

Это мезонин.

Занимает ее советский поп-баба – завзагсом... Зинаида Иосифовна Спинек.

Зинаида Иосифовна Спинек лежит с Петром Петровичем Крутиковым. Постель широкая, матрац мягкий, пружинный, одеяло теплое... В комнате тепло, темно, тихо...» (с. 72);

«Комната № 2.

Внизу, первая направо от входной двери, против кухни.

Над столом светлая груша электрической лампочки... раскрытая книга Бухарина “Исторический материализм”... Но не Бухарин в голове лектора Губпартшколы товарища Русакова. Товарищ Русаков думает, что Анна Павловна Скурихина... его соседка по комнате и жена его начальника, – женщина необыкновенная. <...> Но товарища Русакова отделяет от Анны Павловны толстая перегородка и муж...» (с. 73);

«Комната № 3.

Рядом с комнатой товарища Русакова. Анна Павловна, голая, потная, с дрожащими коленями, со спутанными волосами, с телом ослабевшим, только что освободившимся из объятий мужа, разводит в большой стеклянной чашке квасцы. (Ей кто-то сказал, что если с квасцами, то детей не будет.)

Вениамин Иннокентьевич Скурихин – коммунист, завхоз Губпартшколы, человек дисциплинированный, аккуратный. Чистоплотный, много читавший по гигиене... стоит в одних тиковых полосатых кальсонах перед умывальником и тщательно намыливает руки...» (с. 73);

«Комната № 4.

В ней темно. Одеяло у Вишняковых, как и у Спинок, двуспальное, стеганое. Но не шелковое и очень старое. Подкладка у одеяла продралась, грязная вата лезет клочьями. От одеяла пахнет потом, застарелой постелью.

<...>

В черной щели между одеялом и простыней, в клочьях грязной ваты лежат два холодных тела – мужа и жены Вишняковых...» (с. 74);

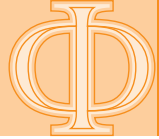
«Комната № 5.

Две, собственно. Но под одним номером. Живет в них доктор Лазарь Исаакович Зильберштейн с женой Бертой Людвиговной. Одна комната у доктора – спальня. Другая – кабинет и приемная.

В спальне две кровати. На одной спит Берта Людвиговна. Доктор сидит в кабинете.

Доктор уже несколько лет работает над половым вопросом...» (с. 75).

Работа доктора направлена на искусственное оплодотворение, не зависящее от «функций мужа и жены» (с. 78). В противном случае, по его мнению, «человечеству грозит всеобщее заражение сифилисом и, следовательно, вырождение» (с. 78). Этот вывод Зильберштейн делает на основе статистических данных, составленных из сводок и таблиц посещения его кабинета. В финале список вене-

рических больных пополняется именами жильцов дома № 35, в числе которых и жена доктора, разделявшая убеждения мужа, но имевшая тайного любовника из комнаты № 3 – Скурихина.

Рассказ Зазубрина встраивается в актуальную для 1920-х гг. «проблему пола», широко обсуждаемую в печати и нашедшую отражение в литературе. Здесь, с одной стороны, актуализировался вопрос о чистоте отношений между мужчиной и женщиной, не замутненной страстным зовом плоти, что стало одной из тем литературной утопии начала XX в. в ее богатом сюжетном разветвлении. На Зазубрина, вероятнее всего, повлияла концепция строительства коммунистического быта Л. Троцкого, который в книге «Литература и революция», опубликованной в 1923 г., в частности, писал: «Коммунистический быт будет... строиться сознательно, проверяться мыслью... Человек примется наконец всерьез гармонизировать себя самого. Он... захочет овладеть... процессами в своем организме: дыханием, кровообращением, пищеварением, оплодотворением – и, в необходимых пределах, подчинит их контролю разума и воли. Жизнь, даже чисто физиологическая, станет коллективно-экспериментальной...» [Троцкий, 1990, с. 195]. Подобный утопизм иронически развенчан Зазубриным в сюжетной линии доктора Зильберштейна, наивно полагавшего, что беременность жены – результат его научного эксперимента по искусственному оплодотворению. С другой стороны, в эти же годы в литературных произведениях активизируется обратная тенденция: откровенное изображение половых отношений, что объясняется культурной ситуацией в стране, где тем же Л. Троцким были заложены начала «нового быта», поддержанные «письмом к трудящейся молодежи» А. Коллонтай «Дорогу крылатому Эросу!». Не случайно ее имя появляется в тексте рассказа. Свободой эротического письма отмечены в 1920-е гг. произведения Б. Пильняка («Метель», «Иван да Марья», 1922), С. Малашкина («Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь», 1927), И. Калининкова («Монахи и женщины», 1925–1927) и др. «Общежитие» Зазубрина оказалось в том же литературном ряду. Однако с середины 1920-х гг. и даже ранее, когда положение Троцкого как партийного лидера начинает расшатываться, нарастает острота дискуссии «о порнографической литературе», явившейся одним из приемов политической борьбы с «левыми оппозиционерами». К концу 1920-х гг. дискуссия завершилась полным запретом изображения эротики в литературе, выведя ее за пределы официально дозволенных тем [Подробно см.: Кочеткова, 2004].

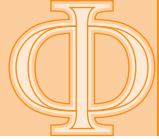
В этот же короткий период 1920-х гг. в русскую прозу входит тема венерических болезней, открытая в межреволюционное время повестью А. Куприна «Яма» (1915). Исследователь данной темы М. Яванович останавливает внимание на наиболее ярких образцах, таких как «Голый год» и «Иван Москва» Б. Пильняка, «конармейский» дневник 1920-го г. и отдельные произведения И. Бабеля этого периода, «Белая гвардия» М. Булгакова и «Тихий Дон» М. Шолохова. При этом автор отмечает, что во всех случаях данная тема не является ведущей в сюжете и сходит на нет в 1930-х гг. [Jovanovic]. Наиболее открыто она представлена

в произведениях, не предназначенных для печати, как, например, в «Венерологических поэмах» (1920-е) М. Касьянова [Касьянов, 2010] или «Санитарной оперетте» (1926) В. Гусева [подробно см.: Лошилов, 2010]. Можно заключить, что зазубринское «Общежитие» среди опубликованных произведений – единственное в своем роде, поскольку в нем венерическая тема охватывает весь сюжет и всех персонажей. Эта особенность рассказа была отмечена в критическом отзыве «напостовца» Г. Лелевича, написанном в резко обличительной тональности 27 марта 1924 г., т.е. ровно через неделю после «Письма Главлита РСФСР в Сиббюро ЦК», датированного 19 марта 1924 г.: «У нас не было еще такого *позорного, отвратительного, слюнявого пасквиля на революцию* (курсив автора. – Е.П.), на коммунистическую партию. Этот сифилитический бред человека, который ухитрился превратить местную организацию РКП в какой-то сплошной дом терпимости, оставил далеко позади такие перлы клеветы, как “Навьи чары” Сологуба, “Иван да Марья” Пильняка, “Морская болезнь” Куприна и мн. др. У читателя, по прочтении этого грязного рассказа, остается кошмарное впечатление, будто революция, будто партия сгнили на корню, и надо бежать от этого убежища проклятых. Говорят, что наша цензура иногда слишком придирчива и порой действует довольно головотяпски по отношению к художественным произведениям. Может быть, это и так, но на этот раз она сделала большое упущение, не задержав возмутительного рассказа Зазубрина» [Лелевич, 1924, с. 40–41].

Однако рассказ Зазубрина по своему пафосу не подпадает под определение «пасквиль», как назван он в книге Лелевича и в письме Главлита РСФСР. Основными характеристиками пасквиля являются оскорбление, клевета, навет. Позиция же автора «Общежития» не противопоставлена советской идеологии, в чем он не раз признается в своих письмах. Например, в письме Ф. Березовскому от 27 марта 1923 г. горячо пишет: «Я правда изматерил Вас из душеньки в душеньку, когда узнал, что Вы изволили сказать, что я писатель не Ваш, т.е. не советский» [Проскурина, 1994, с. 63]. Мнение Березовского относится, вероятнее всего, к повести «Щепка», которая в это время широко обсуждалась в московских литературных кругах. Рассказ «Общежитие» был опубликован в летнем 5–6 номере «Сибирских огней», т.е. позже, чем велась переписка Зазубрина и Березовского. В том же письме Зазубрин убеждает адресата, что «Щепку» замысливал как произведение революционное, полезное революции. «Если не вышло, так не от злого умысла» [Там же]. То же можно сказать и о рассказе «Общежитие», где, кроме «картин быта коммунистов», представленных приемами монтажной техники, есть лирические страницы – это переписка центральных героев: Зинаиды Спиринек и Виктора Вишнякова, в которой сквозит охватившее обоих истинное чувство, жажда чистых отношений, полноты семейного счастья:

«Я пишу Вам... Разве любовь может быть без писем?»

За окном снег. <...> Зима. Зима всегда – белое слепящее веселье, бодрящая сила. <...> Нет еще подлинной слепящей зимней радости в наших отношениях. (Зимнее – верное, крепкое. Ясное.) Дни наших встреч – снежинки. Чистые,

белые снежинки еще падают на серое, чужое, еще мешаются с серым дымом прошлого. Но неотвратим, белокрепок лёт снега времени. Еще немного, и белый снег завалит, забелит, засеребрит все осеннее, прошлое... Я вижу эти дни – зимние, верные, крепкие, ясные. Ты в сумерках будешь лежать и слушать монотонное ворчание огня в железной кривоногой печке. Ты будешь ждать меня, большая, сильная, ласковая.

Я буду приходить вечером. Мы закроем двери. Красная ласково-теплая печка будет беззлобно ворчать у нас в ногах. В окна мы увидим звездное небо и снежные сине-белые сверкающие просторы полей.

Белы, крепки, чисты будут наши тела и горячи, как снег...» (с. 88–89).

Образ Спинек сопровождает мотив Травиаты, являющийся не только символом падшести, но и победы настоящей любви над кратковременными увлечениями. Однако прошлое с его беспорядочными связями настигает героев, не давая сбыться их чистым мечтам: оба они оказываются зараженными сифилисом. Начиная рассказ в сатирическом ключе, автор к финалу усиливает драматическую ноту, усложняя тем самым и образы главных персонажей, и семантику сюжета. Именно сюжетная линия Спинек и Вишнякова добавляет произведению новые краски, показывая на бытовом материале владение Зазубриным разными техниками письма⁴.

Отрицающий пафос «Общежития» направлен на реалии постреволюционной действительности, в чем идеологически соответствовал концепции «нового быта» Л. Троцкого, в основе которой – идея созидания новой, коммунистической семьи, освобожденной от бытовых забот, передаваемых государству, и вытекающих отсюда равноправных отношений между мужчиной и женщиной. Кажется бы, именно в этой связи возникают в цитированном нами письме Горького имена Толстого как автора «Крейцеровой сонаты», с ее критикой традиционных норм семьи и брака, и Шопенгауэра, утверждавшего в «Метафизике половой любви» идею о том, что «всякая влюбленность, каким бы эфирным созданием она ни представала, коренится всецело в половом влечении, да и сама она есть лишь точнее определенное половое влечение» [Шопенгауэр, 1994, с. 65]. Однако, развивая свою мысль, Шопенгауэр провозглашает половое влечение как проявление «воли к жизни», причем воли к жизни «нового индивида, которого... могут и желают произвести на свет» двое любящих [Там же, с. 69]. Именно в таком, шопенгауэровском ключе развиваются отношения между Вишняковым и Спинек, радующейся возможности завести ребенка от любимого мужчины. Однако в письме Горький связывает имена Толстого и Шопенгауэра исключительно с иронической модальностью «суждений о проблеме пола», словно не замечая, что за внешне жесткими изображениями бытовых картин и свободы половых связей скрывается авторская надежда на иные взаимоотношения и иной быт.

В предисловии к сборнику «Общежитие» А. Горшенин отметил, что, рисуя изыяны советского быта, Зазубрин поднимает в рассказе проблему цельности

⁴ О разных техниках письма в романе Зазубрина «Два мира» см.: [Проскурина, 2018].

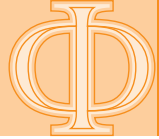
личности коммуниста, его нравственного реноме [Горшенин, 1990, с. 22]. Основанием к такому заключению служат фрагменты текста, где акцентируется социальная роль каждого персонажа:

«Живущие в общежитии и уходящие из него на день днем делают большое нужное дело. <...> Скурихин, Вишняков, Русаков, Спинек, доктор Зильберштейн днем несомненно нужные люди. А ночью? Разве доктор Зильберштейн откажется идти на другой конец города к больному? И разве коммунисты Скурихин, Вишняков, Русаков не схватят винтовки и не прибегут на площадь по первой партийной тревоге? Или Спинек откажется от дежурства в Губисполкоме? <...> Все пойдут, когда вызовут.

Но если никуда не вызывают и за окнами с шелестом черных мокрых юбок шлепает по грязи темная ночь. Если двuspальные стеганные одеяла грязны и в комнатах пахнет нафталином, старым залежалым грязным бельем и лампадным маслом. Тогда – каждый делает, что хочет и как хочет» (с. 84).

Авторская презентация героев как нужных стране людей, встраивание в текст лирических признаний и раздумий, отраженных в письмах героев (кроме Вишнякова и Спинек, это переписка Феди Русакова и Анны Павловны Скурихиной), расшатывают жанровую однородность рассказа как сатиры на советский быт. Это, однако, не было замечено не только ярим «напостовцем» Лелевичем и членами Главлита, но и М. Горьким, а также сибирскими литераторами и критиками, устроившими в январе 1924 г. обсуждение «Общежития» на заседании кружка литераторов при Коммунистическом клубе. Некто Н-ой, представивший ход заседания кружка (которым, кстати сказать, руководил сам Зазубрин) на страницах газеты «Советская Сибирь», отметил, что на нем выступили все собравшиеся семнадцать человек. По отношению к рассказу они разбились на группы с различным подходом и оценкой.

Ярые критики выразили свое мнение в предельно резкой форме: «Повесть в целом злостная карикатура на советский быт» (Кохи) [Н-ой, 1924]; «Зазубрин торжествует вместе с доктором Зильберштейном, что в городе тысячи сифилитиков» (Каплан) [Там же]; «Повесть написана пороногафически и сладострастно» (Попов) [Там же]. Отметим, что к отрицательной стороне «Общежития» этот критик относит зов автора «к старому, реакционному быту, к укреплению семьи и брака» [Там же], распознав-таки главный пафос рассказа, но увидев в нем возврат к изжившему себя прошлому. Другая группа, тесно связанная с журналом «Сибирские огни» (В. Тумаркин, В. Вегман, В. Итин), оказалась самой лояльной по отношению к рассказу, утверждая, что для ломки старого быта необходимо его знать, разоблачать его пережитки. В. Итин рассмотрел в Зазубрине продолжателя того резкого сатирического направления в искусстве, склонного к «окошмариванию сюжета», которое представлено в творчестве испанского художника Франсиско Гойи. Причем если критически настроенные участники заседания увидели в «Общежитии» защиту «семьи и брака», то защитники Зазубрина, наоборот, «удар семье, косному опошленному быту» [Там же]. В третьей группе писателя обви-

нили в клеветничестве «на коммунистическую верхушку губернского города», в неумении «создать образ положительного коммуниста» [Там же]. Защитное слово Зазубрина имело оправдательный характер, в котором звучала нота недоумения: «В заключительном слове Зазубрин сказал, что он очень удивлен обвинениями в сифилизации партии на 100 проц. Зазубрин напомнил, что в его повести больны только два коммуниста⁵, что, основываясь на работе докторов Гельфмана и Залкинда, он имел право говорить, что среди коммунистов есть и больные, и люди неправильно оценивающие роль половых отношений в комплексе физиологических отправления организма. Зазубрин говорил, что его главной задачей было – ударить по опошленному быту и сказать, что наше отношение к женщине грубо варварское, хищническое» [Там же].

Дискуссии подобного идеологически обличительного характера проходили и в других городах Сибири, например в Иркутске [см.: Власть труда, 1924]. В итоге восторжествовала оценка произведения как ущербного и политически вредного. Выдвигаемые автору обвинения, как правило, сводились к чисто политическим мотивам «антисоветчины» и «антикоммунизма».

В качестве своего непрямого оправдания Зазубрин публикует в «Сибирских огнях» за 1925 г. (№ 1) статью профессора Н.Н. Топоркова «Сифилис», в которой подробно, с медицинским обоснованием изложена угроза «сифилизации» не только населения советской страны, но человечества в целом. Основной причиной выдвигается «империалистическая и следующая за ней гражданская война» [Топорков, 1925, с. 197], под которой автор понимает «революцию в целом» [Там же, с. 198], когда «миллионы мужей были оторваны от своих жен», а «миллионы жен остались без мужей» [Там же, с. 197]. Ранее, в 1920 г. «страшная правда» о сифилисе запечатлена в «конармейском дневнике» И. Бабеля (запись от 28 июля): «Страшная правда – все солдаты больны сифилисом. У Матяж, выздоравливает (почти не лечась). У него был сифилис, вылечил за две недели, он с кумом заплатил бы в Ставрополе 10 коп. серебром, кум умер, у Миши есть много раз, у Сенечки, у Гераси сифилис, и все ходят к бабам, а дома невесты. Солдатская язва. Российская язва – страшно. Едят толченый хрусталь, пьют не то карболку, размолоченное стекло. Все бойцы – бархатные фуражки, изнасилования, чубы, бои, революция и сифилис. Галиция заражена сплошь» [Бабель, 2005, с. 267]. Таким образом, тревога зазубринского доктора Зильберштейна, как и пафос самого рассказа, предстают исторически оправданными. О том, что советская медицина 1920-х гг. начала уделять проблеме люеса активное внимание, свидетельствуют и приведенные Н. Топорковым научные работы, а также тот факт, что в 1923 г. состоялся Первый всесоюзный съезд по венерическим болезням, на «Труды» которого ссылается ученый. Завершение статьи Топоркова звучит уже прямым оправданием «Общежития» и призывом к освещению темы венерических заболеваний в художественных произведениях:

⁵ В попытке оправдаться Зазубрин словно забывает о том, что в своем произведении «заразил» сифилисом всех своих героев. Вот отчаянное признание Вишнякова Скурихину: «Вы были близки со Спинек, и я был с нею близок. У Спинек сифилис, у меня сифилис, у моей жены сифилис. У вас и у вашей жены, и у Паши, и у Берты Людвиговны тоже сифилис. Может быть, и у наших детей...» (95).

«Санпросветные лекции на эту тему, брошюры и проч. скучны. Беллетристика волнуется, захватывает, будоражит общественное мнение. Общая пресса, в особенности беллетристика, должна уделять часть своего внимания тому, что Байрон назвал “недугом благородным”» [Топорков, 1925, с. 204].

Однако шлейф критического восприятия «Общежития» тянулся десятилетиями. Даже после посмертной реабилитации Зазубрина попытки переиздания рассказа долгое время заканчивались неудачей. Свидетельство тому – горькие сетования известного сибирского критика Н. Яновского (1914–1990) о том, как мешала его попыткам переиздать рассказ советская цензура: «В 1971 году я сформировал том, целиком посвященный В. Зазубрину. В него должны были войти (и входили) повесть “Щепка”, рассказы “Бледная правда”, “Общежитие” и другие его художественные, публицистические, литературно-критические произведения. Предваряла эту публикацию моя статья “Несобранные произведения В. Зазубрина”. А сначала она была опубликована в журнале “Сибирские огни” в 1971 г., № 8. С этого времени и началась беспощадная критика и статьи, и второго тома “Литературного наследия Сибири”... Вопрос был вынесен даже на бюро обкома, на котором моя статья с помощью некоторых наших писателей Новосибирска была осуждена и вынесена рекомендация об освобождении меня от занимаемой должности заместителя главного редактора журнала “Сибирские огни”. В 1972 году второй, “зазубринский” том “Литературное наследие Сибири” вышел в изуродованном виде. В нем уже не было ни повести “Щепка”, ни других ценных материалов, ни биографических, ни творческих» (ГАНУ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 182. Л. 1).

Заключение. Таким образом, несмотря на свое искреннее желание вписаться в русло советской литературы, Зазубрин зачастую оказывался в идеологическом противостоянии основным максимам своей эпохи. Не соответствовала чистоте художественного соцреалистического письма и поэтика произведений писателя начала 1920-х гг., что особенно отчетливо показала критическая оценка рассказа «Общежитие», проведенная на разных уровнях: от центральной цензуры до местных заседаний литературных кружков. Даже состоявшаяся в период «гласности и перестройки» публикация произведения оказалась неполной. В итоге «Общежитие» Зазубрина до настоящего времени можно отнести к корпусу «пропущенных» страниц отечественной литературы XX в.

Список сокращений

1. ГАНУ – Государственный архив Новосибирской области.

Библиографический список

1. Бабель И. Дневник 1920 года // Бабель И. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Время, 2005. Т. 2. С. 222–334.
2. Власть труда. 1924. 13 апр.
3. Горшенин А. Неезженными дорогами // Зазубрин В. Общежитие. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990. С. 5–32.

4. Зазубрин В. Общежитие // Сибирские огни. 1923. № 5–6. С. 72–97.
5. Касьянов М.И. Венерологические поэмы / подгот. текста, предисл., коммент. И. Лощилова. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante, 2010. 86 с.
6. Кочеткова Н.Е. Дискуссия о «порнографической литературе» в журналистике 1920-х годов: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2004.
7. Лелевич Г. На литературном посту (статьи и заметки). Парт-издательство «Октябрь», 1924. 170 с.
8. Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1972. Т. 2. 444 с.
9. Лошилов И.Е. «Саратовский эпизод» биографии Михаила Касьянова (1927–1932) и его отражение в стихах и прозе // НЭП в истории культуры: от центра к периферии: сб. ст. / под ред. И.Ю. Иванюшиной и И.А. Тарасовой. Саратов, 2010. С. 314–323.
10. Н-ой. Литературный кружок // Советская Сибирь. 1924. 15 янв.
11. Правдухин В. Художественная литература за семь лет (проза 1918–1924 гг.) // Сибирские огни. 1924. № 5. С. 219–233.
12. Проскурина Е.Н. Конфликт двух миров в творческой судьбе В.Я. Зазубрина // Сибирь. Литература. Критика. Журналистика. Памяти Ю.С. Постнова. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2002. С. 159–174.
13. Проскурина Е.Н. Неопубликованные письма В.Я. Зазубрина // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 4. С. 61–67.
14. Проскурина Е.Н. Перипетии поэтики В. Зазубрина в зеркале литературной судьбы (на материале романа «Два мира» и повести «Щепка») // Сюжетология и сюжетография. 2018. № 1 (в печати).
15. Тихменев В. О литературный «зазубринках» В. Зазубрина // Сибирские огни. 1928. № 2. С. 212–227.
16. Топорков Н.Н. Сифилис // Сибирские огни. 1925. № 1. С. 196–204.
17. Троцкий Л. Литература и революция. М.: Политиздат, 1990. 448 с.
18. Шопенгауэр. Метафизика половой любви // Трактаты о любви. М.: ИФ РАН, 1994. С. 40–65.
19. Яранцев В. Зазубрин. Человек, который написал «Щепку». Новосибирск: РИЦ НПО Союза писателей России, 2012. 750 с.
20. Jovanović M. «Проклятые» и «святые», или о героях русской прозы 10–30-х годов, страдающих венерическими заболеваниями // Studia litteraria Polono-Slavica 6: Choroba, lek i zdroiwie / red. R. Bobryk, J. Faryno. Warszawa: Institut Slawistyki PAN. S. 323–333.

Сведения об авторе

Проскурина Елена Николаевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения, Институт филологии СО РАН (Новосибирск); e-mail: proskurina_elena@mail.ru

“DORMITORY” BY V. ZAZUBRIN AS A “FAILED” STORY (ON THE BASIS OF CRITICAL ASSESSMENTS BY CONTEMPORARIES AND PARTY CENSORSHIP)

E.N. Proskurina (Novosibirsk, Russian Federation)

Abstract

The target of this work is to analyze the perception of the story of the Siberian writer V. Zazubrin “Dormitory” in the critics of the 1920s. The analysis involves archival materials from the State Archives of the Novosibirsk Region, the Siberian periodicals and Zazubrin’s correspondence with M. Gorky. After the first publication in 1923 in the magazine “Siberian Lights” the story was reissued only once – in the collection “Dormitory”, published by the Novosibirsk book publishing house in 1990. However, a comparative analysis of the text in this publication with the publication of 1923 showed that it contained significant reductions concerning the most outspoken naturalistic descriptions of the “communist way of life”. Using the funds of the State Archives of the Novosibirsk Region showed that the first publication of the “Dormitory” caused a sharp criticism by the Glavlit of the RSFSR, after which censorship of local literature was significantly strengthened. The article analyzes the poetics of the story in the context of those claims that were put forward to the author. The thematic convergences of the “Dormitory” with the works by B. Pilnyak, I. Babel, S. Malashkin and other authors of the 1920s are shown, which included erotic episodes in their texts. In the late 1920s, they were regarded as “pornographic”, and by the 1930s literary erotica is included in the category of forbidden topics. Analysis of critical reviews of the story led to the conclusion that it was the publication of the “Dormitory” that opened the fatal page in the fate of Zazubrin whose life tragically ended in the cellars of the Lubyanka in 1937, after which his name was forgotten for decades.

Keywords: *V. Zazubrin’s creative work, the story “Dormitory”, the State Archives of the Novosibirsk Region, poetics of the plot, literary criticism of the 1920s, eroticism in literature.*

Bibliograficheskij spisok

1. Babel’ I. Dnevnik 1920 goda [Diary of 1920] // Babel’ I. Sobranie sochinenij: [Collected works]. In 4 vol. Vol. 2. M.: Vremya, 2005. S. 222–334.
2. Vlast’ truda [The power of labor]. 1924. 13 April.
3. Gorshenin A. Neyezzhenymi dorogami [Unsolved roads] // Zazubrin V. Obshchezhitie [Dormitory]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1990. S. 5–32.
4. Zazubrin V. Obshchezhitie [Dormitory] // Sibirskiy ogni [Siberian lights]. 1923. № 5–6. S. 72–97.
5. Kas’yanov M.I. Venerologicheskie pojemy [Venereal poems] / podgot. teksta, predisl., komment. I. Loshhilova. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante, 2010. 86 s.
6. Kochetkova N.Ye. Diskussiya o “pornograficheskoy literature” v zhurnalistike 1920-kh godov [Discussion about “pornographic literature” in journalism of the 1920s]. Abstract of Philol. Cand. Diss. M., 2004.
7. Lelevich G. Na literaturnom postu (stat’i i zametki) [On the literary post (articles and notes)]. Part-publisher “October”, 1924. 170 s.
8. Literaturnoe nasledstvo Sibiri [Literary heritage of Siberia]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1972. Vol. 2. 444 s.
9. Loshchilov I.E. “Saratovskiy epizod” biografii Mikhaila Kas’yanova (1927–1932) i yego otrazheniye v stikhakh i proze [“Saratov episode” of the biography of Mikhail Kasyanov (1927–1932) and his reflection in poetry and prose]. NEP v istorii kul’tury: ot tsentra k periferii: sb. statey / pod red. I. YU. Ivanyushinoy i I.A. Tarasovoy [NEP in the history of culture: from center to periphery: Sat. articles / ed. I. Yu. Ivanyushina and I. A. Tarasova]. Saratov, 2010. S. 314–323.

10. N-oj. Literaturnyj kruzhok [Literary circle] // Sovetskaya Sibir' [Soviet Siberia]. 1924. Jan. 15.
11. Pravduhin V. Hudozhestvennaya literatura za sem' let (proza 1918–1924 gg.) [Fiction for seven years (prose 1918–1924)] // Sibirskiye ogni [Siberian lights]. 1924. № 5. S. 219–233.
12. Proskurina E.N. Konflikt dvuh mirov v tvorcheskoy sud'be V. Ja. Zazubrina [The conflict between two worlds in the artistic destiny of V. Ja. Zazubrin] // Sibir'. Literatura. Kritika. Zhurnalistika. Pamjati Ju. S. Postnova [Siberia. Literature. Criticism. Journalism. In memory of Yu. S. Postnov]. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2002. S. 159–174.
13. Proskurina E.N. Neopublikovannyye pis'ma V. Ja. Zazubrina [Unpublished letters of V. Ya. Zazubrin] // Gumanitarnyye nauki v Sibiri [Humanitarian sciences in Siberia]. 1994. № 4. S. 61–67.
14. Proskurina E.N. Peripetii poetiki V. Zazubrina v zerkale literaturnoy sudby (na materiale romana "Dva mira" i povesti "Shchepka") [Peripetia of poetics by V. Zazubrin in the mirror of literary destiny (on the novel "Two worlds" and the story "Sliver")]. Syuzhetologiya i syuzhetografiya. 2018. No 1. (В печати (in publication)).
15. Tikhmenev V. O literaturnyh "zazubrinkah" V. Zazubrina [About the literary "zazubrinkah" V. Zazubrin]. Sibirskiye ogni [Siberian lights]. 1928. № 2. S. 212–227.
16. Toporkov N.N. Syphilis. Sibirskiye ogni [Siberian lights]. 1925. № 1. S. 196–204.
17. Trotsky L. Literatura i revolyutsiya [Literature and Revolution]. Moscow: Politizdat, 1990. 448 p.
18. Schopenhauer. A. Metafizika polovoy lyubvi [Metaphysics of sexual love]. Traktaty o lyubvi [Treatises about love]. M.: IF RAN, 1994. S. 40–65.
19. Jarancev V. Zazubrin. Chelovek, kotoryj napisal "Shchepku" [Zazubrin. The person who wrote the "Sliver"]. Novosibirsk, 2012. 752 s.
20. Jovanovic M. "Proklyatyie" i "svyatyie", ili o geroyakh russkoy prozy 10-30-kh godov, stradayushchikh venericheskimi zabolevaniyami ["Damned" and "saints", or heroes of Russian prose of the 10–30-ies, suffering from venereal diseases] // Studia litteraria Polono-Slavica 6: Choroba, lek i zdroiwie / red.: R. Bobryk, J. Faryno. Warszawa: Institut Slawistyki PAN. S. 323–333.

About the author

Proskurina Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Chief Researcher of the Section of Literary Studies of the Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); e-mail: motive@philology.nsc.ru

УДК 821.161.1

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ «ПАТРИОТОВ» 2000-х гг.

Е.А. Андреева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Литературно-критический дискурс нередко осмысливается как дискурс властный (М. Берг, В.В. Смолененкова, Ю.А. Говорухина). Одна из главных его особенностей – направленность на Другого, которая предполагает использование различных интерпретационных стратегий и тактик. Цель статьи – выявление и анализ основных интерпретационных стратегий, используемых критиками-«патриотами» в статьях, посвященных «деревенской прозе» как аксиологически значимой для них. Традиционалистская проза содержит национальную идею и противостоит актуальной литературе, которая подвергается в литературно-критическом дискурсе «патриотов» резкой негативной оценке, осуждается за ее вторичность, изображение «чернухи», попрание христианской идеи, разрыв с традицией. Материалом исследования послужили литературно-критические статьи, опубликованные в 2000-е гг. в журналах «Наш современник», «Москва». В результате анализа были выявлены интерпретационные стратегии, использование которых позволяет «присвоить» писателя в рамках оппозиции «свое – чужое», сформировать его положительный образ. Нередко статьи «патриотов» написаны в форме портретного очерка, повествующего о самых главных, с точки зрения критика, событиях в жизни автора, которые укладываются в систему его ценностных ориентиров. Одной из главных здесь становится интерпретационная стратегия, содержащая указание на факт рождения писателя в провинции (особое место в ценностном поле критиков-«патриотов» занимает Сибирь). Оценивая и интерпретируя творчество писателей-«деревенщиков», критики указывают также на публицистичность их прозы, отражение в ней социальных проблем. Чтобы идеализировать своего «персонажа», создать его сверхположительный портрет, критики используют стратегию деления писателя героическим началом. Писатель-«деревенщик» (или, как вариант, герои его произведений) предстает как защитник крестьянского уклада, хранитель русского, национального. Кроме того, критики-«патриоты» указывают на пророческое содержание их текстов, как правило, содержащих эсхатологические мотивы. Все названные интерпретационные стратегии не только формируют определенную картину мира в сознании адресата, но и участвуют в процессе самоидентификации критика.

Ключевые слова: *литературно-критический дискурс, ментатив, властный дискурс, традиционалистская проза, интерпретационная стратегия, «патриотическая» критика, писатели-«деревенщики».*

Литературно-критический дискурс в своей сущности является дискурсом властным. Прагматическая цель критика – убедить читателя в истинности своих суждений: он вычитывает в литературных текстах актуальные для него смыслы, оценивает их и побуждает читателя к принятию его оценки и интерпретации как единственно верной. Здесь обнаруживается императивная модальность критического дискурса, выражающаяся в его изначальной побудительной интенции. Воздействующую способность критики можно рассматривать также в терми-

нах ментального дискурса, или ментатива¹. Понимание литературно-критического дискурса как властного дает возможность проанализировать механизмы идеологического воздействия критика на читателя, прояснить процессы присвоения литературных фактов и использования / пополнения символического капитала². Целью статьи является описание основных интерпретационных стратегий «патриотической» критики, используемых в отношении «деревенской прозы» и направленных на формирование определенной картины мира в сознании адресата.

Критик вычитывает смыслы в соответствии со своими идеологическими и ценностными установками, которые определяются принадлежностью к тому или иному журналу, оппозиционной группе, критическому направлению. Данные установки определяются через акты оценки и интерпретации. Интерпретацию в данном случае следует понимать шире, чем истолкование, она связана с процессами тексто- и смыслопорождения и реализуется посредством интерпретационных стратегий. Вслед за Ю.А. Говорухиной³, мы понимаем интерпретационную стратегию как метод критики, способ познания текста как части бытия. При этом в процессе интерпретации художественного явления значимой становится установка на реципиента, которая соотносится с коммуникативно-прагматической целью критика. В то же время интерпретационная стратегия – это акт самопознания, который неразрывно связан с самоидентификацией критика, литературно-критического журнала. Процесс интерпретации связан с вычитыванием актуальных для критика смыслов, которые определяются системой его ценностных ориентиров.

«Деревенская проза» занимает особое место в литературно-критическом дискурсе «патриотов» начиная с 60-х гг. XX в. Политика толстых журналов, восходивших к идеологии русского почвенничества (журналы «Молодая гвардия», «Наш современник», «Москва»), была направлена на трансляцию идей и укрепление позиций «деревенщиков», которые выступали как «хранители нравственности, русской духовной традиции», подрываемой «просвещенным мещанством» [История русской литературной критики, 2011, с. 486]. А. Разувалова рассматривает культ традиции, имеющий место в среде «неопочвенников», как «вариант адаптации к последствиям травмы», связанной с изменением статуса крестьянства в советском

¹ В.И. Тюпа, выделяя различные типы высказывания, пишет о ментативе как о классе дискурсивных практик, предполагающих «некоторое ментальное событие (изменение картины мира) в сознании адресата» [Тюпа, 2006, с. 40]. Ментатив всегда направлен на воспринимающее сознание, он «состоит в концептуализации своего референтного содержания, то есть в его “выкладке”, “развертке” для Другого» [Там же]. Эта направленность на другого становится актуальной для литературной критики, когда критик воздействует на аудиторию с помощью различных риторических приемов и интерпретационных стратегий.

² Следует отметить, что литературная критика обнаруживает в себе черты не только властного дискурса, но и сопряженного с ним дискурса идеологического. Идеологическую составляющую литературной критики отмечает М.А. Бондаренко. Исследователь выделяет в качестве одной из функций критической деятельности «моделирование ценностной позиции в культурном пространстве»: «Критическое высказывание эксплицитно или имплицитно декларирует, легитимизирует, утверждает как ценность ту методологическую позицию (научные, эстетические, политические, философские и т.п. идеи), в рамках которой существует и прочитывается само произведение и осуществляется критическое высказывание» [Бондаренко, 2003]. Е. Погорелая в статье «Критика как путеводитель по сферам идей» высказывает точку зрения, что «собственная философия критика становится знаком его художественной реальности» [Погорелая, 2007]. По мысли Ю.А. Говорухиной, «содержание идеологической составляющей критического текста может быть представлено в виде прямых оценок “своих – чужих”, прямых формулировок ценностных координат, критериев оценки текста / персонажа / писателя / литературного и социального явления» [Говорухина, 2014, с. 74].

³ Говорухина Ю.А. Метакритический дискурс русской критики: от познания к пониманию. Томск: ИД СК-С, 2009. 130 с.

государстве и исчезновением деревень [Разувалова, 2015, с. 61]. В 1990–2000-е гг. в литературно-критическом дискурсе «патриотов» актуализируется «национальная идея», которая предполагает возвращение к национальным, православным ценностям и осмысливается как путь спасения в ситуации кризиса, нарастания западнических настроений в обществе. Именно «деревенская проза» становится проводником национальной идеи, символическим капиталом, позволяющим сохранить традицию и пронести ее через время [Ковтун, 2013, с. 17–50].

Традиционалистская проза⁴ противостоит актуальной литературе, которая подвергается в литературно-критическом дискурсе «патриотов» резкой негативной оценке, осуждается за ее вторичность, изображение «чернухи», попрание христианской идеи, разрыв с традицией. Критики отмечают губительное воздействие текстов В. Пелевина и В. Сорокина, Л. Петрушевской и Л. Улицкой, а также других авторов, выходящих за пределы ценностного поля «патриотов». В статье «Облик дарованный» К. Кокшенева дает определение современной культуре как «кислотной», «растворившей (как соляная кислота) всякую реальность до полного развоплощения, до полной потери ценностного отношения к ней» [Кокшенева, 2001, с. 92]. При этом критик акцентирует внимание на уничтожающем, разъедающем воздействии современной культуры не только в отношении окружающей реальности, но в отношении человека: «Здесь предлагают полное несуществование каждому из нас, ибо наслаждаться чернотой и злобой “кислотной культуры”» человек, не истративший своей личности, попросту не может» [Там же, с. 92]. Противостоит «морочу» современная иркутская литература в лице таких авторов, как В. Распутин, А. Семенов, А. Байбородин, Е. Суворов, Юрий и Ким Балковы, О. Слободчиков. Главную их задачу критик видит в «упрямом “стоянии на поле” исконных смыслов и замыслов о человеке и мире»: «Я вижу миссию воинов, охраняющих право литературы писать о действительности» [Там же, с. 89]. Пелевинский герой, с точки зрения К. Кокшеновой, вовлечен в «рынок удовольствия», живет «потребительскими схемами». Другим предстает герой «деревенской прозы»: «Нет, не весь современный человек тут назван, не вся его личность исчерпывается маркой автомобиля. Наш деревенский простой человек по-прежнему сохраняет в себе облик задуманный, облик дарованный. Рядом с “я” пелевинского героя стоит лишь поставить “я” героев иркутских писателей, как картина тут же изменится, и в правах восстановится наш прежний русский человеческий облик» [Там же, с. 93]. Самосохранение национального типа является одной из высших ценностей в аксиологии «патриотов». Критик ставит знак равенства между «деревенским» и «национальным». «Деревенская проза», изображающая простонародную жизнь, по мнению К. Кокшеновой, выявляет «сильные национальные типы» [Там же, с. 93].

При этом критики-патриоты отмечают пренебрежение «деревенской прозой» в современной культуре. В той же статье К. Кокшенева отмечает, что писателям-

⁴ Термин «традиционалистская проза» содержит семантику связи с культурой прошлого, ориентирует на «корневые национальные ценности» и представляется более убедительным [Ковтун, 2013, с. 24].

«деревенщикам» в отечественном литературоведении уделяется мало внимания: «Литературная школа “живой жизни” неинтересна исследователям. Деревня быстро была списана в “романтизированный мир”, который раздражал» [Кокшенева, 2001, с. 95]. П. Спиваковский в обзоре учебного пособия М.М. Голубкова «Русская литература XX в.: После раскола» указывает на историко-литературную лакуну в изложении материала: «Прежде всего здесь не хватает анализа “деревенской прозы” (между тем творчество писателей-деревенщиков не только исключительно значимо для литературного процесса XX века в целом, но, в частности, очень интересно и в культурологическом плане)» [Спиваковский, 2002, с. 202].

Интерпретационные стратегии критиков-патриотов направлены на «присвоение» поля литературы современной традиционалистской прозы и описания ее как культурно и социально значимой. Нередко статьи патриотов написаны в форме портретного очерка, повествующего о самых главных, с точки зрения критика-патриота, событиях в жизни автора, которые укладываются в систему их ценностных ориентиров. В литературной биографии писателя огромную роль играет факт его рождения в провинции. Местом особой силы считается сибирская земля, которая в литературно-критическом дискурсе «патриотов» сакрализуется (что является общепринятым для традиционалистской литературы). Согласно Н.В. Ковтун, «мифология Сибири связана с представлениями об исключительности, метафизическом статусе самого места, изначально свободного от чужеземного и государственного ига, от власти стяжательства и нигилизма» [Ковтун, 2013, с. 81]. И. Кириллов, описывая жизненный и творческий путь М. Ворфоломеева, указывает на факт его рождения в Сибири и подчеркивает, что это место отмечено и другими крупными именами: «Кстати, Ворфоломеев родился в Иркутской области, недалеко от того места, где родился Александр Вампилов. Иркутская земля дала русской литературе еще двух крупных писателей: Леонида Бородин и Валентина Распутина. (Из другой области культуры: в поселке под Иркутском родился всемирно известный танцор Рудольф Нуриев.)» [Кириллов, 2001].

О В. Распутине как уроженце поселка Усть-Уда Иркутской области упоминается в статье В. Семеновой «Читать Распутина, слушать Россию». Именно происхождением в Сибири критиком объясняется «художественная мощь» В. Распутина: «Подобно древу-исполину, питаемому соками родной земли, давшей силы взметнуться вверх, в самое поднебесье, русский писатель-сибиряк вобрал в себя животворные токи своей родины, идущие от могучей, суровой, но и щедрой на красоту и богатства сибирской природы, кряжистых людских характеров, самобытного языка, созданного народом, более трех веков назад обжившим берега Ангары-реки» [Семенова, 2007, с. 222]. При этом критик подчеркивает связь Распутина с естественным, природным началом: «Сам писатель в небольшом очерке “Откуда есть пошли мои книги”, предваряющем двухтомник избранных произведений 1997 года и ключевом для постижения его творчества, говорит о том необычайно сильном впечатлении, что произвела на него в детстве Ангара» [Там же, с. 223]. Ангара – одна из великих сибирских рек – предстает источником вдохно-

вения писателя, а писательский талант Распутина сопоставляется с «мощью сибирской природы», которая занимает важную нишу в аксиологии патриотов. Близость к природе, отмеченную в биографии писателя, культивирует и О. Павлов в статье «Новые лица русской прозы», которая посвящена А. Тарковскому. По мнению критика, именно близость к таежному миру с детства заложила нравственные и духовные качества писателя: «Он человек, с малых лет очарованный именно этой природой, сильной и могучей, воспринявший ее как Божий Храм. Другой так любит степь или пустыню, он свою родную тайгу. Через любовь к природе – сначала детскую, потом осмысленную, взрослую, – он научился видеть хорошее, и это, без сомнения, его настоящий, редкий сегодня дар. <...> Чувство этой любви почти религиозное» [Павлов, 2002, с. 170].

В представлении критиков-патриотов рождение писателя в Сибири условно задает определенную поведенческую модель, формирует его мировоззрение. Поэтому художник, не соответствующий этой модели, подвергается символическому наказанию, осуждается и означивается как «чужой». Так, резкой критике подвергается С. Сибирцев и его двухтомник «Избранное» в статье Н. Переяслова с ярким подзаголовком «Несибирская проза Сергея Сибирцева и прогноз развития русской литературы на начало третьего тысячелетия» [Переяслов, 2001, с. 262]. Несмотря на факт рождения в Иркутске, Сергей Сибирцев вытесняется за пределы актуального ценностного поля патриотов: «Вникая в особенности прозы Сергея Сибирцева, опять и опять убеждаешься, что, вопреки топонимически звучащей фамилии автора и его сибирскому происхождению (он родился в Иркутске), ничего сибирского в его книгах нет» [Там же, с. 263]. Таким образом, «сибирское» включает в себя ряд понятий, установок, значимых для патриотов. В первую очередь это приверженность христианской картине мира. В своей статье критик Н. Переяслов неоднократно сопоставляет творчество С. Сибирцева с произведениями античных авторов, представляющих дохристианскую модель мира: «Совсем иные нравственные нормы открываются нам в произведениях античных (то есть *дохристианских*) авторов, например в поэмах того же Гомера, где обман, насилие и убийство проходят по категории доблестей. Вот нечто похожее на эту античность присутствует и в произведениях Сибирцева, где даже поступки, совершаемые, казалось бы, с целью наказания зла, выглядят такими же омерзительными, как и само то зло, против которого они выступают» [Там же, с. 263]. Таким образом, критик приравнивает понятия сибирское и христианское: если проза С. Сибирцева содержит в себе «описание инцеста, садизма, гомосексуальных и зоофилических актов, крупномасштабных оргий и мистики с оживающими покойниками», а самое главное – убийств без чувства вины и раскаяния (вопреки «Преступлению и наказанию» Достоевского, построенного на описании пути к покаянию), она нарушает нормы христианской морали, а значит, не вписывается в концепт «сибирское».

Помимо связи с периферией, провинцией, для критика-патриота важно участие писателя в социальной жизни, публицистичность его прозы. В систему ценностей патриотов вписываются готовность к борьбе, способность противостоя-

ять разрушительной для интересов народа власти, защищать свой уклад и свою землю. Особенно остро вопрос «социальности» писателя ставится в статье В. Бондаренко «Живой». Б. Можаяев выделяется критиком из круга «своих» как «острейший социальный писатель», который в очерках поднимал социально-нравственные вопросы отношений крестьянина и власти, освещал «сложные производственные колхозные отношения», спорил с властями и отстаивал права народа. «Лапотником, деревенским ортодоксом, тихим идеалистом деревенского рая он не был никогда» [Бондаренко, 2003, с. 279], – заявляет критик, тем самым указывая на писателей-деревенщиков, ограничивающихся в своих произведениях лишь «характерами и пейзажной описательностью». «Излишняя безмятежность и деревенская идиллия», отраженные в мировоззрении и творчестве таких писателей, как Е. Носов, Г. Троепольский, В. Белов, оцениваются критиком негативно. Выделяя Б. Можаяева среди них как деятельного писателя, неравнодушного к проблемам народа, представляя его как борца за справедливость, В. Бондаренко формирует положительный образ писателя, исключительность которого в его максимальной вовлеченности в общественную жизнь крестьянства.

Героическим началом наделяется и герой повестей Б. Можаяева – Федор Кузькин. Описывая «народного героя русской литературы», критик определяет его как «неуживчивого борца за справедливость, выбирающегося живым из любых передраг» [Бондаренко, 2003, с. 280]. Способность данного героя идти против власти, защищать крестьянские интересы – это сверхценное качество, ведущее к спасению простого народа: «А в нем-то, может быть, для сегодняшней России, да и для всей земли в целом и заключается главное спасение. Это какой-то толкинский Горлум неуловимый, для многих и неприятный, но в результате все мировое зло на себе и вытянувший» [Там же, с. 281]. И здесь критик прибегает к сопоставлению героев «деревенской» прозы. Сравнивая Ивана Африкановича и Федора Кузькина, В. Бондаренко пишет об обреченности на смерть первого и живучести второго. Покорная смиренность и терпение героя В. Белова ведут к гибели под натиском разрушительной власти, которая зачастую представлена в прозе деревенщиков в лице врагов крестьянства и патриархального уклада, в то время как бунтарство и мятежность духа Федора Кузькина способны побороть этих врагов. Можно заключить, что бунтарский путь героя определяется критиком как спасительный, а способность противостоять власти, угнетающей интересы народа, предстает как положительная установка, вписывающаяся в систему ценностных ориентиров патриотов.

На публицистичность как отличительную черту авторской стратегии В. Распутина указывает С. Шуртаков в статье «Прямое слово». Критик соглашается с Распутиным, что «в публицистике писатель говорит о том, что происходит на его земле, с его народом» [Шуртаков, 2008, с. 258]. Книга В. Распутина «Большая душа» представлена как эталон публицистики: критик отмечает, что «внимание в ней сосредоточено на самых острых, самых важных для Отечества проблемах» [Там же, с. 259].

Интерпретационная стратегия предполагает воздействие на реципиента, формирование у читателя определенной установки. При разговоре о писателях-деревенщиках, вписывающихся в систему ценностных ориентиров патриотов, одной из главных задач для критика становится создать их сверхположительный образ. Писатели-деревенщики идеализируются, возвышаются над «чужими», утверждаются как образцы для подражания. Поэтому зачастую критики наделяют своего «персонажа» и его прозу героическим, спасительным началом. Источником спасения предстает книга писателя-деревенщика В. Белова «Лад» в статье К. Кокшеневой «Лад привычного дела»: «И я знаю точно: если бы вдруг на земле осталась только сотня человек, а все плоды прогресса (машины да компьютеры) исчезли, то с беловской книгой «Лад» (в отличие от многих других) человек снова бы выжил!» [Кокшенева, 2007, с. 185]. В ситуации апокалипсиса, по мнению критика, именно опыт народа, который передается в книге В. Белова, способен возродить человеческую цивилизацию. Так, К. Кокшенева утверждает спасительную ценность народного первоначала, в котором все подчинено природным циклам, в котором любовь к земле сочетается с неустанным трудом на ней.

Литературный авторитет писателей-«деревенщиков» в литературно-критическом дискурсе «патриотов» не подлежит сомнению. Чтобы вписывать малоизвестных авторов в круг «своих», критики прибегают к стратегии сопоставления автора с авторитетным писателем-«деревенщиком». В статье «Сын вдовьего полка» критик С. Викулов пишет о поэте А. Шитикове, который «слит с народом каждым прожитым днем» [Викулов, 2003, с. 275]. Чтобы подчеркнуть значимость поэта для русской традиционалистской литературы, повысить его авторитет в глазах читателя, критик приводит сравнение с В. Шукшиным – одним из самых известных писателей-деревенщиков. Так, критик переносит качества, присущие мировоззрению и творчеству В. Шукшина, на мировоззрение и поэзию А. Шитикова, доминирующим среди которых является народность, близость к корням народной деревенской жизни, знание людей деревни «как самого себя» [Там же, с. 275].

Другой пример использования данного приема в критическом дискурсе патриотов обнаруживается в статье А. Сегеня «Печи Михаила Чванова»: «Добрый Михаил Андреевич не был столь заметен, как его старшие современники – Шукшин, Можяев, Белов, Распутин, Астафьев, Крупин, Личутин, но он, без преувеличения, одного с ними ряда, одной судьбы и одной силы» [Сегень, 2005, с. 219]. Сопоставление со столь известными и общепризнанными среди патриотов именами работает на формирование положительного образа «персонажа» и его возвышение в глазах читателя. Подобно им, М. Чванов, «не щадя читателя своего, пишет с великой болью обо всем, что творится в Отечестве нашем» [Там же, с. 219]. Активная гражданская позиция писателя и, как следствие, публицистичность его прозы оцениваются критиком как сверхкачество, ценное в аксиологии патриотов.

В представлении критиков-патриотов писатель, наделенный подлинным талантом, чувствует обреченность современного ему мира и пишет об этом в своих

произведениях. Писателем-пророком предстает Е. Носов в статье Б. Агеева, посвященной развернутому описанию эсхатологических и апокалиптических мотивов в повести «Усвятские шлемоносцы». По словам критика, его побудило на это «усиливающееся день ото дня и болезненное ощущение хрупкости и конечности земной жизни». Б. Агеев прослеживает прямые параллели с «Откровением» Иоанна Богослова. Е. Носов предстает как пророк, который описывает явление Конца Света в наши дни, возможно, сам того не желая: «Художник писал совсем об ином и специально не заботился о подобном контексте догадок “чему надлежит быть вскоре”, да, возможно, к году написания своей вещи и не испытывал влияния святого Иоанна, “брата нашего и соучастника в скорби”, настолько явного, что это влияние могло отозваться в его творчестве» [Агеев, 2002]. Автор подчеркивает актуальность данного сопоставления: «Тем более что никто, в сущности, не сомневается в том, что мир, в котором мы существуем, не вечен и придет же когда-нибудь к своему окончанию». Сегодняшними предвестниками конца света автор считает ядерное оружие и угрозу ядерной войны, а также исчезновение деревни: «В контексте Конца Света уход мужиков на войну, исход русской деревни, от которого она не смогла оправиться, – наши современники застали на ее месте дотлевающие головешки – событие эсхатологическое и требует объяснений некоего высшего рода...» [Там же]. Высшей ценностью объявляется естественный человек: «С кончиной Касьяна естественно прекратится полнокровная жизнь не только в русской деревне Усвяты, но и во всем Свете, ибо этот Свет ущербен без него, неполон и естественным образом как бы обречен на угасание без своего главного смысла, без своего продолжения – без естественного Человека» [Там же].

Главный герой, Касьян, описывается как «прообраз Человека с большой буквы, то есть как феномен»: «В повести “Усвятские шлемоносцы” со всей прелестью изображен Свет с носителем своего смысла, с Человеком (Касьян), что этому Свету суждено погибнуть вследствие нарушения неких правил существования – назовем эти нарушения правил грехом, а также укажем содержание этого греха» [Там же]. Самым главным грехом, по мнению критика, является то, что шлемоносцы оставляют родную землю: «И может быть, самая точная и острая примета – уход мужиков на войну от всего родного и близкого, во что врос сердцем и жизнью, – отзывается во фразе Иоанна, наверное, слишком загадочной во всем его сочинении: “...Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою”» [Там же].

Сохранение русского языка, живой народной речи также является главной ценностной установкой критиков-патриотов. По мнению критика В. Потанина, «на нас лежит ответственность и перед будущими поколениями за великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!..» [Потанин, 2003]. Вслед за В. Далем, критик призывает обратиться к народной речи, к живому слову: «Нужно стремиться к тому, чтобы литература постоянно вбирала в себя живую народную речь». Аргументирует необходимость внесения просторечия в разряд литератур-

ной нормы, обращаясь к А.С. Пушкину: «Всю свою жизнь поэт ратовал за воссоединение “просторечия” с языком литературным...».

Настоящей кладезью простонародной речи становятся произведения В.П. Астафьева. В. Потанин отмечает, что вокруг его языка немало споров, обвинений «в пристрастии к ненормативной лексике, к диалектному слову». Критик выбирает оправдательную тактику и пишет о том, что «его литературные герои живут и действуют в экстремальных условиях войны, и потому их речь похожа на осколки гранат и снарядов». Указывая на естественность в использовании диалектизмов, критик обращается к опыту русской классики: В.П. Астафьев «идет следом за Буниным, который считал диалектное слово праматерью литературного языка и основой метафоры», а также за А.С. Пушкиным и М. Горьким. Апелляция к классикам позволяет утвердить право Астафьева на использование диалектизмов: таким образом писатель продолжает традицию, начатую еще А.С. Пушкиным. Язык Астафьева объявляется самоценным, а простонародная речь – нормой: «Все произведения Виктора Астафьева написаны на чистейшем и превосходном русском языке, который задевает самые сокровенные струны нашего сердца».

Таким образом, в литературно-критическом дискурсе «патриотов» используются интерпретационные стратегии, содержащие важные для самоидентификации данного критического направления идеологические и ценностные установки. Современная традиционалистская проза «присваивается» через выстраивание оппозиции «свое / чужое», где «свое» включает в себя народность, близость к природному, естественному началу, связь с родиной, стремление к сохранению национального языка, традиции.

Список литературно-критических статей

1. Агеев Б. Человек уходит // Наш современник. 2002. № 5. URL: <http://nash-sovremennik.ru/p.php?y=2002&n=5&id=10>
2. Бондаренко В. Живой // Наш современник. 2003. № 6. С. 278–283.
3. Викулов С. Сын «вдовьего полка» // Наш современник. 2003. № 5. С. 271–275.
4. Кириллов И. Границы мира // Наш современник. 2001. № 8. URL: <http://nash-sovremennik.ru/p.php?y=2001&n=8&id=19>
5. Кокшенева К. Лад привычного дела // Москва. 2007. № 10. С. 184–188.
6. Кокшенева К. Облик дарованный // Москва. 2001. № 9. С. 88–97.
7. Павлов Ю. Новые лица русской прозы // Москва. 2002. № 6. С. 169–174.
8. Переяслов Н. Дочитавший же до конца – спасется... // Наш современник. 2001. № 2. С. 260–265.
9. Потанин В. Учитель – наш язык! // Наш современник. 2003. № 9. URL: <http://nash-sovremennik.ru/p.php?y=2003&n=9&id=9>
10. Сегень А. Печи Михаила Чванова // Наш современник. 2005. № 2. С. 218–221.
11. Семенова В. Читать Распутина, слушать Россию // Наш современник. 2007. № 3. С. 218–230.
12. Спиваковский П.Е. Русская литература XX века: взгляд из нового столетия // Москва. 2002. № 3. С. 199–203.
13. Шуртаков С. Прямое слово // Наш современник. 2008. № 3. С. 258–262.

Библиографический список

1. Бондаренко М.А. Текущий литературный процесс как объект литературоведения // НЛЮ. 2003. № 62. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/62/bond.html>
2. Говорухина Ю.А. Литературная критика как идеологический дискурс // Критика и семиотика. 2014. №1. С. 73–90.
3. Говорухина Ю.А. Метакритический дискурс русской критики: от познания к пониманию. Томск: ИД СК-С, 2009. 130 с.
4. История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи: учеб. пособие / под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М., 2011. 792 с.
5. Ковтун Н.В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 600 с.
6. Ковтун Н.В. Современная традиционалистская проза: идеология и мифопоэтика. Красноярск: СФУ, 2013. 352 с.
7. Погорелая Е. Критика как путеводитель по сферам идей // Вопросы литературы. 2007. № 4. С. 62–67. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2007/4/po11.html>
8. Разуvalова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М., 2015. 616 с.
9. Смолененкова В.В. Риторическая критика как филологический анализ публичной аргументации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2005. 248 с.
10. Тюпа В.И. Коммуникативные стратегии теоретического дискурса // Критика и семиотика. 2006. Вып. 10. С. 36–45.

Сведения об авторе

Андреева Елена Александровна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: andreeva.elena.krsk@gmail.com

INTERPRETATIONAL STRATEGIES OF “PATRIOTS” LITERARY CRITICISM OF 2000s

E.A. Andreeva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Literary-critical discourse is often interpreted as an overbearing discourse (M. Berg, V. V. Smolenkova, Y. A. Govorukhin). One of its main features is focus on the Other, which involves the use of various interpretation strategies and tactics. The purpose of this article is to identify and analyze the main interpretative strategies used by critics-“patriots” in articles devoted to “rustic prose” as axiologically significant for them. Traditionalist prose contains the national idea and is opposed to contemporary literature, which in the literary-critical discourse of the “patriots” is subjected to sharp negative assessment, it is condemned for its secondary nature, depicting “the seamy side” of life, trampling the Christian idea, breaking with tradition. The material of the study was literary-critical articles published in the 2000s in the magazines “Nash Sovremennik”, “Moskva”. As a result of the analysis, the interpretative strategies were identified, the use of which allows one to “assign” the writer and form his positive image. Often the articles of patriots are written in the form of a portrait essay telling about the most important, from the point of view of the critic-“patriot”, events in the life of the author, which fit into the system of their own value orientations. One of the main issues here is the interpretational strategy, which implies an indication of the fact of the writer’s birth in the province (Siberia takes a special place in the value field of critics-“patriots”). Evaluating and interpreting the work of the writers, critics also point out their journalistic prose, a reflection of social problems in it. To idealize his “character”, to create his super-positive portrait, critics use the strategy of endowing the writer with a heroic beginning. The writer- “countryman” (or, alternatively, the heroes of his works) appears as a defender of the peasant way of life, a keeper of Russian, national. In addition, critics- “patriots” point to the prophetic content of their texts, as a rule, containing eschatological motifs. All of these interpretative strategies not only form a certain picture of the world in the mind of the addressee, but also participate in the process of self-identification of the critic-“patriot”.

Keywords: *literary-critical discourse, mentality, authoritative discourse, traditionalist prose, interpretational strategy, “patriotic” criticism, writers- “villagers”.*

Spisok literaturno-kriticheskikh staty

1. Ageev B. Chelovek uhodit // Nash sovremennik. 2002. № 5. URL: <http://nash-sovremennik.ru/p.php?y=2002&n=5&id=10>
2. Bondarenko V. ZHivoj // Nash sovremennik. 2003. № 6. S. 278–283.
3. Vikulov S. Syn “vdov’ego polka” // Nash sovremennik. 2003. № 5. S. 271–275.
4. Kirillov I. Granicy mira // Nash sovremennik. 2001. № 8. URL: <http://nash-sovremennik.ru/p.php?y=2001&n=8&id=19>
5. Koksheneva K. Lad privychnogo dela // Moskva. 2007. № 10. S. 184–188.
6. Koksheneva K. Oblik darovannyj // Moskva. 2001. № 9. S. 88–97.
7. Pavlov YU. Novye lica russkoj prozy // Moskva. 2002. № 6. S. 169–174.
8. Pereyaslov N. Dochitavshij zhe do konca – spasetsya... // Nash sovremennik. 2001. № 2. S. 260–265.
9. Potanin V. Uchitel’ – nash yazyk! // Nash sovremennik. 2003. № 9. URL: <http://nash-sovremennik.ru/p.php?y=2003&n=9&id=9>
10. Segen’ A. Pechi Mihaila CHvanova // Nash sovremennik. 2005. № 2. S. 218–221.
11. Semenova V. CHitat’ Rasputina, slushat’ Rossiyu // Nash sovremennik. 2007. № 3. S. 218–230.

12. Spivakovskij P.E. Russkaya literatura XX veka: vzglyad iz novogo stoletiya // Moskva. 2002. № 3. S. 199–203.
13. SHurtakov S. Pryamoe slovo // Nash sovremennik. 2008. № 3. S. 258–262.

Bibliograficheskij spisok

1. Bondarenko M.A. Tekushchij literaturnyj process kak ob’ekt literaturovedeniya // NLO. 2003. № 62. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/62/bond.html>
2. Govoruhina YU.A. Literaturnaya kritika kak ideologicheskij diskurs // Kritika i semiotika. 2014. №1. S. 73–90.
3. Govoruhina YU.A. Metakriticheskij diskurs russkoj kritiki: ot poznaniya k ponimaniyu. Tomsk: ID SK-S, 2009. 130 s.
4. Istorija russkoj literaturnoj kritiki: covetskaya i postsovetskaya ehpoi: ucheb. posobie / pod red. E. Dobrenko, G. Tihanova. M., 2011. 792 s.
5. Kovtun N.V. Russkaya tradicionalistskaya proza XX–XXI vekov: genezis, mifopoehtika, konteksty. M.: FLINTA: Nauka, 2017. 600 s.
6. Kovtun N.V. Sovremennaya tradicionalistskaya proza: ideologiya i mifopoehtika. Krasnoyarsk: SFU, 2013. 352 s.
7. Pogorelaya E. Kritika kak putevoditel’ po sferam idej // Voprosy literatury. 2007. № 4. С. 62–67. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2007/4/po11.html>
8. Razuvalova A. Pisateli-«derevenshchiki»: literatura i konservativnaya ideologiya 1970-h godov. M., 2015. 616 s.
9. Smolenenkova V. V. Ritoricheskaya kritika kak filologicheskij analiz publichnoj argumentacii: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. M., 2005. 248 s.
10. Tyupa V.I. Kommunikativnye strategii teoreticheskogo diskursa // Kritika i semiotika. 2006. Vyp. 10. S. 36–45.

About the author

Andreeva Elena Aleksandrovna – post-graduate student, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail: andreeva.elena.krsk@gmail.com

УДК 82-31

АРХЕТИП БАБУШКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. А. ГОНЧАРОВА, М. ГОРЬКОГО И В. П. АСТАФЬЕВА: ТРАДИЦИИ И АВТОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Е. И. Шевчугова (Красноярск, Россия)

Аннотация

В статье описан тип бабушки в романе И. А. Гончарова «Обрыв» (1869), повести М. Горького «Детство» (1913) и книге В. П. Астафьева «Последний поклон» (1968, 1980, 1991). Целью работы является выявление типологических черт образа, а также объяснение индивидуально-авторских различий в описании героини. Метод исследования – сравнительно-исторический. В результате анализа названных произведений обнаруживаются сходства в изображении типа: внутренняя сила, неординарность натуры, выразительность речевого портрета, нелегкая судьба, неидеальность, но авторитетность моральных оснований для героя – и отличия, обусловленные временем создания текста и особенностями мировоззрения автора.

Ключевые слова: образ бабушки, И. А. Гончаров, «Обрыв», М. Горький, «Детство», В. П. Астафьев, «Последний поклон», архетип, преемственность, традиции, новаторство.

Постановка проблемы. Образ бабушки при всей своей значимости почти не оказывается в фокусе внимания литературоведов. Как правило, его включают в описание семьи героя, царящего в доме уклада, связывая с детством, взрослением, воспоминаниями персонажа, указывают на наличие прототипа [см., например, Краснова, 2003; Борковска, 2018]. В каждом из текстов, вынесенных в заглавие статьи, образ бабушки является ключевым, поскольку имеет принципиальное влияние на формирование и развитие личности героя: прежде всего бабушка занимает пустующее место матери. Уже это позволяет включить трех героинь – Татьяну Марковну Бережкову («Обрыв»), Акулину Ивановну Каширину («Детство») и Катерину Петровну Потылицыну («Последний поклон») – в единый контекст.

Актуальность исследования. В таком сопоставительном ряду указанные образы анализируются впервые, что определяет новизну предпринимаемого исследования. Более детальное рассмотрение образов бабушек выявляет множество типологических черт, что, в свою очередь, свидетельствует об архетипической основе образа в русской литературе. Более того, в отечественном литературоведении практически нет работ [см., например, Шевчугова, 2016], включающих указанных авторов в один перечень, следовательно, статья проясняет и историко-литературную связь творчества Гончарова, Горького и Астафьева на примере образа пожилой героини. Метод исследования – сравнительно-исторический.

Результаты. Общая черта в анализируемых текстах – центральное положение образа бабушки и ее особое место в жизни описываемой семьи. Без фигуры Татьяны Марковны Бережковой, бабушки Райского, Веры и Марфеньки, не было бы романа «Обрыв», она чувствует свою ответственность за каждого, кто живет

в «Малиновке», метафорически это выражено фамилией героини и тем фактом, что у нее хранятся ключи от всех замков и замочков в поместье. Даже Марка Волохова она берет под крыло своей заботы – передает через Райского ему деньги с напутствием: «пусть выйдет на дорогу».

Акулина Ивановна, бабушка Алеши Пешкова, оказывается единственным сохранившим моральный облик человеком в страшной, жестокой семье деда, сама будучи «ломана, бита» (по словам того же деда), она единственная не боится его и может защитить детей от произвола старших членов семьи, именно ее слушаются все в критические моменты. Так, во время пожара в мастерской растерянность и бессмысленные действия деда оттеняют четкость и результативность указаний бабушки, которая, в сущности, спасает имущество и предотвращает взрыв купороса [Горький, 1979, с. 250 и далее]. Никому не нужный Цыганок, подброшенный под калитку дома, был принят бабушкой как родной, она выкормила и выходила мальчика, так же выходила и отнятого у кота скворца.

Катерина Петровна Потылицына также чувствует ответственность за все и всех, хотя и разделяет иногда власть с мужем, Ильей Евграфовичем, и признает его волю над своей. «Какое же должно быть здоровое, какое большое сердце, коли обо всех оно, и обо мне тоже, болело, болит...», – говорит Витя («Осенние грусти и радости») [Астафьев, 1997, с. 129–141]. Катерина Петровна однозначно признается главной, и Витя передает шутливое домашнее прозвище бабушки – генерал.

Нельзя не указать на разницу социальной принадлежности героинь: бабушки в произведениях Горького и Астафьева связаны с крестьянской культурой, являются носителями ее законов. Это накладывает отпечаток на их судьбу, семейный уклад. Так, повествователь сообщает, что жизнь Акулины Ивановны никогда не была легкой. В детстве она росла без отца и рано начала помогать увечной матери; а выйдя замуж на четырнадцатом году, привыкла терпеть побои мужа; родив восемнадцать детей, потеряла почти всех, да и те трое, которые дожили до взрослых годов, приносили одни горести. Алеше свою покорность дедовой воле она объясняет традицией, завещанной предками и самим Богом: дед «старше! Кроме того – муж! За меня с него Бог спросит, а мне заказано терпеть...» [Горький, 1979, с. 246].

Все три бабушки заменяют героям умершую / ушедшую мать, оказывают важное влияние на формирование личности Бориса, Алеши и Вити. При всей строгости влияние это морально укрепляющее по сути, ему обязаны герои своим превращением в человека, в личность. Так, Алеша говорит, что Акулина Ивановна «стала на всю жизнь другом, самым близким сердцу моему, самым понятным и дорогим человеком, – это ее бескорыстная любовь к миру обогатила меня, насытив крепкой силой для трудной жизни» [Горький, 1979, с. 210].

Бабушки героев – натуры волевые, яркие, сильные. Райский говорит о бабушке Бережковой так: «...я бабушку люблю, как мать <...> Умна, честна, справедлива, своеобразна: у ней какая-то сила есть. Она недюжинная женщина» [Гончаров, 2004, с. 202]. Алешина бабушка – человек богатой души, колоритной внешности (на протяжении всей повести повторяются детали – черная, большая, круглая голова, великолепные волосы), она обладает той мудростью, которая свой-

ственна русскому народу, более других бабушек творчески одарена природой, восприимчива к красоте окружающего мира: от проплывающего мимо берега, от утопленных в небе куполов церквей она могла расплакаться или рассмеяться [Горький, 1979, с. 211]. Ее натура выражается в характерном танце: «Бабушка не плясала, а словно рассказывала что-то» [Горький, 1979, с. 233]. Для нее танец не просто движение тела, а наполненное внутренним смыслом действие. Так же будет полностью отдаваться пению Катерина Петровна. Кроме того, Акулина Ивановна искусная кружевница. Плести кружева она научилась в детстве, чтобы помочь матери зарабатывать на жизнь. Слава о ней пошла по всему городу, и к Акулине стали обращаться все, кому требовалась «хорошая работа». Это искусство пригодилось ей в дальнейшем, когда дед отказался ее «кормить». В свою очередь, Катерина Петровна – мастерица шить.

Характер бабушек отражается в смелой жизненной позиции, умении противостоять жизненным невзгодам и даже трагедиям, ярком языковом портрете всех трех героинь. Так, Бережкова «говорит языком преданий, сыплет пословицы, готовые сентенции старой мудрости» [Гончаров, 2004, с. 222]. Акулина Ивановна «...говорила ласково, весело, складно» [Горький, 1979, с. 205]. Ее рассказы составляют важную часть воспитания Алеши. Яркость и меткость выражений Катерины Петровны также обращают на себя внимание. Даже много позже, живя в Игарке, Витя продолжает вспоминать «как говаривала бабушка».

Бабушки дают героям пример деятельной жизни, наполненной трудом и заботами. О Бережковой читаем: «Бабушка была <...> хлопотлива, любила повелевать, распоряжаться, действовать, ей нужна была роль. Она век свой делала дело» [Гончаров, 2004, с. 221]. Акулина Ивановна «от восхода солнца до поздней ночи была занята работой по дому» [Горький, 1979, с. 236]. О Катерине Петровне: «Дел у нее, конечно, всегда по горло, однако же главная забота – что без нее в селе, как без командира на войне – разброд, смятение, неразбериха, все сбилось с шагу, и надо направлять скорее строй и дисциплину» («Монах в новых штанах») [Астафьев, 1997, с. 71–104]. Объединяет их некоторая наивность и смелость.

Бережкову и Потылицыну объединяет то, что они не чужды церемонности «весь наружный обряд жизни отправляется у ней по затверженным правилам» [Гончаров, 2004, с. 222] – это о Татьяне Марковне, и о другой героине читаем в рассказе «Бабушкин праздник»: Катерина Петровна ждет, чтобы старшие сыновья вывели ее к столу поддерживая под руки, соблюдая традицию.

Кроме всего названного, Бережкову и Каширину сближает воцерковленность: в их жизни важное место занимает Бог, вера является одной из опор их непростого бытия. Они часто божатся, что доказывает постоянное присутствие Бога в их мире, в их сознании. Так, в речевом поведении Татьяны Марковны повторяются выражения: Ей-богу, слава Богу, Бог с вами /с тобой, дай Бог, ради Бога, Бог знает и др. Вера прочно обосновалась в сознании героини, на уровне жизненной основы. Как большинству пожилых людей, бабушке свойственна прилежность в исполнении церковной обрядности, однако не показная, а опять же естественная, привычная, предками и родителями переданная ей. При этом не случайно герои

открыто указывают на святость бабушек, признавая тем самым их высокие моральные качества: «Она просто святая», – говорит Райский о бабушке Бережковой [Гончаров, 2004, с. 202]. Точную характеристику Акулине Ивановне дает мастер Григорий: «Она вроде святой, хоть и вино пьет, табак нюхает. Блаженная как бы» [Горький, 1979, с. 236]. Акулина Ивановна часто разговаривает с Богом, подробно рассказывает ему обо всем, что случилось в доме, «советует Богу своему». Это помогает ей стойко переносить все жизненные трудности. Алеша вспоминает: «Мне очень нравился бабушкин Бог, такой близкий ей», в отличие от жестокого, карающего Бога деда Василия [Горький, 1979, с. 244]. Отношение к Богу Катерины Петровны не акцентировано Астафьевым: вероятно, сказалось атеистическое время создания текста.

Сильные, стойкие, мужественные героини оказываются способными на настоящий поступок. Так, Татьяна Марковна, ставя под удар собственную репутацию, отказывает от дома одному из самых влиятельных горожан, Нилу Андреевичу Тычкову, оскорбившему прилюдно женщину. А в момент жизненной драмы Веры полностью берет на себя и вину, и ответственность, и искупление, тем самым спасая внучку-племянницу.

Храбрость и мужество Акулины Ивановны, умение не растеряться в трудной ситуации особенно ярко проявляются во время пожара: она бесстрашно входит в огонь, чтобы вынести купорос, бросается под ноги взвившегося коня, останавливая его, умело руководит тушением пожара: «... Она металась по двору, всюду поспевая, всем распоряжаясь, все видя» [Горький, 1979, с. 250], при этом не обращала внимания на обожженные руки и никому не показывала, как ей больно.

Безусловно, способна на поступок и Катерина Петровна: когда Овсянку в 1933 году «прижал» голод, когда были истощены все запасы, бабушка отдает последнее, что у нее осталось, золотые серьги покойной Витиной матери, Кольчёмладшему для обмена на еду.

Все названные черты делают Татьяну Марковну, Акулину Ивановну и Катерину Петровну предметом искренней, большой любви и благодарности Бориса Райского, Алеши Пешкова и Вити Астафьева.

Разумеется, существенны и отличия в трактовке образа бабушки, которые связаны, во-первых, с влиянием эпохи, когда создавалось произведение, этим определялись и авторская задача и общий пафос изображения; во-вторых, отличия обусловлены особенностями творческого почерка писателя, его картины мира, настроения, общего отношения к жизни: ярким выражением чего становятся финалы текстов. Так, Гончаров фундаментален и в целом (пока еще) оптимистичен: Татьяна Марковна оставляется писателем в момент, когда она вынесла на своих плечах не только собственное горе, но и горе Веры, Райского, выстояла и осталась опорой для детей. Ее фигура вырастает до масштабов Великой Бабушки – России. «Детство» Горького заканчивается похоронами матери и видом убитой горем бабушки. Астафьев верен себе, своему трагическому восприятию жизни: в одной из последних глав книги мы видим Катерину Петровну уже побежденную временем (такой ее находит вернувшийся с войны герой), потом узнаем о ее кончине.

Мы не беремся утверждать, что образы Акулины Ивановны и Катерины Петровны создавались под непосредственным влиянием характера Татьяны Марковны Бережковой: таких биографических, эпистолярных свидетельств, по нашим сведениям, нет. Но Горький, а затем и Астафьев наверняка имели в виду традицию изображения пожилой женщины в русской литературе как элемент романа воспитания героя. А обнаруженные нами сходства свидетельствуют о наличии типических, вероятно, даже архетипических черт в характере бабушки: внутренняя сила, неординарность натуры, самобытность, выразительность речевого портрета, нелегкая судьба, неидеальность, при этом авторитетность моральных оснований для главного героя.

Бабушки Гончарова, Горького и Астафьева принципиально отличаются от других пожилых героинь, например, старух Распутина, что позволяет предварительно сделать вывод о двух типах пожилой женщины в русской литературе второй половины XIX–XX веков: бабушка и старуха. (Раньше образы бабушек, по видимому, не могли появиться в силу меньшей продолжительности жизни, особенно женщины, высокой смертности в родах и пр. До Гончарова пожилые женщины в литературе – это женщины чуть за 40, их при всем желании трудно было назвать бабушками). Бабушек и старух роднит внутренняя сила, способность вынести на своих плечах то, что часто не под силу герою. Однако бабушка, как правило, застается рассказчиком в моменты наибольшего проявления силы, старуха – в моменты физической немощи.

Как нам кажется, данное исследование позволило заявить важную проблему – необходимость анализа образа бабушки в отечественной литературе, она, безусловно, требует дальнейшего изучения, расширения контекста и круга привлекаемых для анализа произведений.

Библиографический список

1. Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Красноярск, 1997. Т. 4.
2. Борковская А. Деградация семьи в романе В.П. Астафьева «Печальный детектив» и романе Р. Сенчина «Елтышевы» // Сибирский филологический форум. 2018. № 2. С. 21–30.
3. Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб., 2004. Т. 7.
4. Горький М. Собр. соч.: в 16 т. М., 1979. Т. 8.
5. Краснова Е.В. «Материнская сфера» в романах И.А. Гончарова // И.А. Гончаров: материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск, 2003. С. 186–194.
6. Шевчугова Е.И. Две деревни: на материале романа И.А. Гончарова «Обломов» и книги В.П. Астафьева «Последний поклон» // Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия: монография. Сер.: Универсалии культуры. М., 2016. Вып. VII. С. 17–24.

Сведения об авторе

Шевчугова Екатерина Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и литературоведения института филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет; e-mail: e.pinzhenina@gmail.com

GRANDMOTHER'S ARCHETYPE IN WORKS BY I.A. GONCHAROV, M. GORKY AND V.P. ASTAFYEV: TRADITIONS AND AUTHOR'S INTERPRETATION

E.I. Shevchugova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

In the article the grandmother's type in the novel by Ivan A. Goncharov "The Precipice" (1869), the story by Maxim Gorky "The Childhood" (1913) and the book by Viktor P. Astafyev "The Last Bow" (1968, 1980, 1991) is described. *The purpose* of the work is an identification of typological lines of the image and also an explanation of individual and author's differences in the description of the personage. The research *method* is comparative-historical. *As the result* of the analysis of the above-mentioned works some similarities in depicting the type are found: the internal force, eccentricity of nature, expressiveness of the verbal portraiture, hard fate, demeanor, far from being ideal, but at the same time authoritativeness of the moral principles. However, there are quite a few differences in the image determined by the peculiarities of the concrete author's outlook.

Keywords: *the image of the grandmother, Ivan A. Goncharov, "The Precipice", Maxim Gorky, "The Childhood", Viktor P. Astafyev, "The Last Bow", archetype, continuity, traditions, innovation.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Astaf'ev V.P. Sobr. soch.: v 15 t. Krasnojarsk, 1997. T. 4.
2. Borkovska A. Degradacija sem'i v romane V.P. Astaf'eva "Pechal'nyj detektiv" i romane R. Senchina "Eltyshevy" // Sibirskij filologicheskij forum. 2018. № 2. S. 21–30.
3. Goncharov I.A. Poln. sobr. soch. i pisem: v 20 t. SPb., 2004. T. 7.
4. Gor'kij M. Sobr. soch.: v 16 t. M., 1979. T. 8.
5. Krasnova E.V. "Materinskaja sfera" v romanah I. A. Goncharova // I.A. Goncharov: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 190-letiju so dnja rozhdenija I. A. Goncharova. Ul'janovsk, 2003. S. 186–194.
6. Shevchugova E.I. Dve derevni: na materiale romana I.A. Goncharova "Oblomov" i knigi V.P. Astaf'eva "Poslednij poklon" // Russkij tradicionalizm: istorija, ideologija, pojetika, literaturnaja refleksija: monografija. Ser.: Universalii kul'tury. M., 2016. Vyp. VII. S. 17–24.

About the author

Shevchugova Ekaterina Igorevna – Candidate of Philology, dotsent of the Department of Journalism and Literary Criticism of the Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University; e-mail: e.pinzhenina@gmail.com

УДК 821.161.1

ПРОБЛЕМА «ДОМА» В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МИХАИЛА БУЛГАКОВА¹

Ким Джун Сок (Ханкук, Южная Корея)

Аннотация

Рассматриваются некоторые черты человеческой психологии, обусловленные советской жилищной культурой. В процессе обсуждения и реализации на деле «нового домостроя» 1920-х гг. русский человек утрачивает традиционные ценности и символы. В 1930-е гг. общество столкнулось с новой реальностью, в которой структура дома искусственным путем разрушается, раскрывая тем самым внутреннюю сторону личной жизни и уничтожая индивидуальность. В данной работе анализируется психология человека 30-х гг. через понятие «символическая проницаемость жилищного пространства» и показано стирание границ между пространством внешним и внутренним.

Ключевые слова: жилищная проблема, дом, советское общество, социология психологии, Михаил Булгаков.

Современное общество, в котором мы живем, постепенно утрачивает накопленные человечеством традиционные, национальные и гуманитарные ценности. Это связано с процессом перехода от общества дисциплинарного к обществу достижений. Второе ориентировано на результатотризм и, как следствие, на постоянный экономический и производственный рост и вынуждает человека уделять работе все больше и больше времени. Результатотризм уничтожил в обществе «тишину, время и пространство для размышлений», а также так называемого «иммунологического чужого»² (термин Хан Бёнг Чоля), что дает повод назвать современность «уставшим обществом» [Хан, 2012, с. 15].

Россия находится в похожей ситуации. В постперестроечные годы монообщество сменилось на мультиобщество, сформировалась тенденция к результатотризму, расцвел «феномен гламура» и вместе с ним – новый тип культуры. В последнее же время, наоборот, происходит возрождение «культуры-1» и «культуры-2» (термины В. Паперного), существовавших в эпоху В.И. Ленина и И.В. Сталина. Поэтому теперь, с наступлением новой эры монообщества, основанного на авторитаризме и патернализме, в русском обществе сосуществуют еще не отживший себя результатотризм и тоскующая по прошлому культура памятников [Ковтун, 2013, с. 77–87].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Университета иностранных языков Ханкук в 2018 г. (This work was supported by Hankuk University of Foreign Studies Research Fund of 2018).

² Иммунологический чужой, в понимании Хан Бёнг Чоля, – это чужеродный элемент, вторгающийся в «Я» с целью его отрицания. Чтобы избежать гибели, разрушения своего «Я», следует, в свою очередь, отрицать иммунологического чужого. Такая диалектика отрицания (иммунизация) присуща миру в его нормальном, здоровом состоянии: через отрицание «чужого» происходит утверждение «своего», отделение «Я» от «не Я». Однако мир, ориентированный на достижения, на результат («результатотризм»), иммунологического чужого уничтожает, нарушая тем самым и иммунологическое равновесие.

Резкие глобальные изменения в общественном сознании, а также в областях экономики, культуры и религии в начале XX в. заставляют большинство ученых считать это время периодом формирования указанных выше культурных и общественных парадигм. В данной статье мы рассмотрим переходное состояние российского общества в начале XX в. с точки зрения литературоведческого исследования – через образ «дома» в произведениях М. Булгакова. Будучи концептом, аккумулирующим в себе национальный дух, традиции и общественные ценности, образ «дома» как нельзя лучше отражает картину изменений, происходивших в России и в русском обществе в начале прошлого столетия.

В мифологическом сознании «домостроительство» отождествляется с созданием космоса. И наоборот, разрушение дома означает крах мира [Цветова, 2008]. Как известно, перемены в структуре культурных и общественных ценностей начала XX в. привели к революции 1917 г. и изменили восприятие образа «дома», судьбы женщины как хранительницы очага. Каждый писатель отражает это изменение по-своему. В статье 2016 г. с точки зрения «нового домостроительства» нами были рассмотрены мотивы «разрушения» и «ухода» в поэтике А. Платонова [Ким, 2016, с. 123–146]. Настоящая статья посвящена анализу семантической структуры слов «гнездо» и «оседание» в романах М. Булгакова «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита». Первый появился в ходе предложенного русскими критиками в 1920-е гг. обсуждения «нового домостроительства» и раскрывает утрату русским обществом исконных ценностей. Второй показывает жизнь Москвы в 1930-е гг., когда традиционная структура «дома» подверглась искусственному разрушению со стороны политической власти. Последствия этого разрушения окажут влияние и на психологическую обстановку в современной нам России начала XXI в.³

1. «Белая гвардия»: уничтожение традиционного домостроительства

1.1. Разрушение традиционного города

М. Петровский описывает отношение Булгакова к Киеву следующим образом [Петровский, 1990, с. 214–215]: «Булгаков прославил в своих произведениях родной город, [...] писатель смотрел на мир с киевских высот, [...] его культурные представления обладали “киевоцентрическим” устройством»⁴. «Киевоцентрическая» модель мира Булгакова является для русской культуры одной из традиционных. Киев, как известно, – «мать городов русских», священное место «столицы православной церкви» и «исторического происхождения» России. В первой

³ Высказываний Булгакова о доме довольно много. Он говорил, что «жилище есть основной камень жизни человеческой». (Булгаков М. Трактат о жилище. М.: Л., 1926. С. 4). В дневнике 18 сентября 1923 г. находим: «Пока у меня нет квартиры, я не человек, а лишь полчеловека» (Булгаков М. Под пятой. Записные книжки Мастера. М., 2017. С. 271). В его художественном мире «дом» занимает особое место. Анализу этого понятия в творчестве Булгакова посвящено немало литературоведческих работ. Мы учли следующие: [Ваак ван, 2009; Байбурин, 2005; Радомская, 2006; Лотман, 2004, с. 225–243; Лакшин, 2004, с. 487–500; Гаспаров, 1994].

⁴ Петровский М. Городу и миру: Киевские очерки. Киев, 1990. С. 214–215. Любовь писателя к Киеву находит подтверждение в различных документальных источниках. См.: Земская Е.А. Михаил Булгаков и его родные. М., 2004. С. 167.

главе романа разворачивается пространственный фон «Белой гвардии», родной для писателя Киев, показанный через образы «вечного Города», «Города мировой модели», «Крыши всех городов», «материнского города», который на страницах романа исчезает в водовороте событий начала XX в. В произведении ни разу не упоминается его название⁵. Вместо этого он именуется с большой буквы словом «Город» и выступает символом «города городов», «городом-моделью». Описанию городского пространства присущ возвышенный, одический стиль, а облик города представлен во сне главного героя туманным наброском и возвышен до мифологического статуса⁶.

Образ города, созданный писателем, характеризуется отсутствием границ (сноска 2), и поэтому возможность расширения этого города бесконечна. Другими словами, подразумевается, что Киев становится моделью города вообще. В начале романа дается описание статуи князя Владимира с крестом в руках⁷. Крест «покоряет», организует вокруг себя пространство романа. Он стоит в центре романной вселенной, как кульминация мифа о городе в системе мифологического сознания, собирая и подчиняя близлежащие города.

В произведении крест статуи князя Владимира является отправной точкой земного пространства. Посреди апокалипсического хаоса он представляет собой центр с несколькими уровнями: смысловой, центр притяжения географического пространства и центр пространства геоморфологического. В апокалипсическом, эсхатологическом хаосе символично, что Николька, найдя крест Святого Владимира, обретает и духовное спокойствие.

В «Белой гвардии» Булгаков описывает структуру древнего города-модели, возведенного на холмах. Город разделен на верхнюю и нижнюю части. Верхняя часть города – это политико-административный район и центр социально-культурной области, а нижняя часть – Подола – является областью труда, ремесла и торговли. Дом Турбиных, расположенный на Алексеевском спуске между двумя частями города, верхней и нижней, обеспечивает связь этих двух разнородных пространств.

Временной фон произведения также обозначается в первой главе романа. События происходят суровой, снежной зимой, с декабря по февраль. Повторяющееся описание лютого холода сопровождается описанием исторического хаоса, а он, в свою очередь, создает апокалипсическую атмосферу, в которой, как кажется, никогда не наступит весна.

После пространственно-временного фона города с мифологической точки зрения даются и другие подробности. Обозначаются улицы и реки, памятники и административные учреждения. Вслед за описанием города появляются герои. В

⁵ Исключение составляет один топоним: «(...) а бьют вдоль с Печерской площади к Киевскому спуску» (1, 286). В данной работе цитаты приводятся по изданию: Булгаков М. Собр. соч. в 5 т. М., 1990. В скобках указываются том и страницы.

⁶ «Турбину стал снится Город» (1, 217); «Отвесные стены, заметенные вьюгою, падали на нижние далекие террасы, а те расходились все дальше и шире, переходили в береговые рощи, (...) и темная, скованная лента уходила туда, в дымку, куда даже с городских высот не хватает человеческих глаз, где седые пороги, Запорожская Сечь, и Херсонес, и дальше море» (1, 218).

⁷ «Лучше всего сверкал электрический белый крест в руках громаднейшего Владимира на Владимирской горке» (1, 219).

их диалоге впервые затрагивается одна из важнейших в романе тема: город, наполненный историей и традициями, меняется. Пространственная структура города, организованная и разделенная по определенному порядку и назначению, разрушается. И изменения происходят не только во внешней структуре: город меняется внутренне. Во-первых, с внезапным притоком беженцев город начал асимметрично расширяться («[Город] наполнялся и наполнялся пришельцами» (1, 219)⁸. Во-вторых, утратили свои прежние функции главные учреждения столицы. Гимназия стала воинской частью, а самый известный магазин одежды превратился в военный штаб.

Хаос раскалывает внутреннюю гармонию города, разрушает его реликвии и, таким образом, обретает демонические черты.

В историческом хаосе Дом Турбиных выступает в качестве последнего убежища человечества. Булгаков делает Турбиных хранителями многовековой истории и традиций, возвышая значение хранимых ими ценностей до национального уровня. Перейдем к рассмотрению внешней и внутренней структуры дома.

1.2. Внешняя структура дома

Утопия Булгакова – это город, построенный по мифологической модели дома славянских народов: внутри – огромная русская печь, снаружи – мотив открытого окна. В произведении дом Турбиных представляет собой старинный двухэтажный дом, верхний этаж которого снимает эта семья. Если рассматривать город в вертикальной плоскости, становится понятно, что дом Турбиных находится в центре этой вертикали и совмещает в себе несколько смыслов. Во-первых, он стоит выше Подола на верхней части Днепра, т.е. расположен выше других домов. Во-вторых, адрес этого дома – «Дом № 13 на Алексеевском спуске», что сразу обращает наше внимание на слова «спуск» и «тринадцать». Как известно, число «13» указывает на «предательство» Иуды, тринадцатого участника последнего причастия, что в сочетании со словом «спуск» подразумевает поступок Тальберга в трагической ситуации.

На первом этаже проживает хозяин дома Василий Иванович Лисович. Здесь вертикальная схема дома может быть воспринята как модель устройства мироздания. Пространственно второй этаж, расположенный в верхней части, и первый этаж, расположенный в нижней части, символизируют мифологическую противоположность верхнего и нижнего миров, неба и земли, космоса и хаоса. По сути, трусливый, скупой, замкнутый хозяин дома Лисович является противоположностью семьи Турбиных. Ум, разум «верхнего» этажа, символы жизни духовной противопоставляются бессознательно-инстинктивному, сугубо материальному миру «нижнего».

В этом внешнем измерении начинаются события. В первой главе описываются похороны матери Турбиных, которая была хозяйкой дома и выступала в роли хранительницы его «очага». Картина напоминает историческую ситуацию

⁸ «За каменными стенами все квартиры были переполнены» (1, 220); «Город разбухал, ширился, лез, как опара из горшка» (1, 220).

в Киеве и тем самым показывает, что город расстается с прежним миром. Эта тема связана с темой сиротства и темой ухода, которые часто использовались в художественной литературе той переломной эпохи. Однако молодое поколение Турбиных делает иной выбор, чем, например, герои А. Платонова. Единственная женщина в кругу Турбиных Елена становится в центре своей семьи, чтобы защитить семейные традиции после смерти своей матери.

1.3. Внутренняя структура дома

Как и во внешнем пространстве, основную структуру внутреннего пространства дома составляет противопоставление «центр – периферия». У восточнославянских народов внутренним центром дома является печь (очаг) [Байбурин, 2005, с. 35–39]. Печь – это священное место, подобное алтарю в церкви, вокруг которого собираются люди. Но если церковный алтарь – это место, где совершаются приношение богам, то русская печь является источником света и тепла, местом для приготовления пищи и для сна. Кроме того, печь играет особую роль в народных верованиях, так как огонь является символом начала жизни и преемственности человечества.

Печь – это место, где можно испечь хлеб – священную пищу. Теплом печи согреваются дом, создавая этим его атмосферу и настроение. Посмотрим на внутреннее убранство дома Турбиных. Гостиная и столовая отделаны в оранжевых тонах и заставлены мебелью коричневых оттенков. В канун Рождества на ели зажигались свечи разных цветов (*«разноцветный парафин горел на зеленых ветвях»* (1, 180)), добавляя к визуальному богатству красок звук потрескивающих фитилей, сливающийся с ходом старых домашних часов. На рояле – партитуры «Фауста», портрет матери (*«старинное лицо матери»* (1, 419)) и повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка» – наследие, оставленное умершей матерью. Спокойная, уютная атмосфера и старинные приборы рассказывают историю дома и в то же время вызывают тоску по прошлому (1, 180).

Одним из основных элементов организации внутреннего пространства восточнославянского дома является «красный угол». Посмотрим на красный угол в комнате Елены. Здесь стоит коричневая икона Девы Марии, цвет которой подчеркивает «старинность» (1, 420) самой иконы и красного угла. Наступает момент, когда икона Девы Марии, много лет оберегая семью, проявляет свою духовную силу: *«(...) уприси его. Вот он. Что же тебе стоит. Пожалей нас. (...) Пусть Сергей не возвращается...»* (1, 411). Елена перед иконой молит Бога об излечении Алексея, и в молитве подчеркивается, что для этого она жертвует возвращением своего мужа. Таким образом, в традиционном сознании Елены сохранено понятие «жертвенности», характерное для традиционного христианского мировоззрения.

Дом Турбиных состоит из семи частей (комнат). Около лестницы – кухня и столовая, оттуда – дверь на веранду и комната Елены. Напротив кухни – гостиная, где Алексей принимал больных. Рядом с гостиной – комната Алексея, кабинет и угловая комната Никольки. Все комнаты небольшие, но теплые и уютные.

Здесь, в этих комнатах, воплощаются на деле заветные слова матери «Дружно... живите» (1, 181).

Однако квартира Турбиных стоит на нетвердой почве: на первом этаже дома живет Лисович. Он богаче Турбиных, но в его доме, наперекор традиционному представлению, нет тепла. В квартире Лисовича печь заменена «печуркой», поэтому в доме всегда «прохладно и серо». Света также не хватает («*В нижнем этаже засветился слабенькими желтенькими огнями [...] Василий Иванович Лисович, а в верхнем – сильно и весело загорелись турбинские окна*» (1, 183)). В отличие от его квартиры, окна дома Турбиных всегда ярко освещены.

Перед рождеством в доме Турбиных «пахнет хвоей», звучит музыка, раздаётся смех. У Василисы же «пахнет мышами, плесенью» (1, 204). Такая квартира, в которой разрушен внутренний фундамент Дома, становится местом проникновения внешнего хаоса. Уличный хаос парализует функции дома как жилища, так же, как разрушает установленный порядок жизни города и изменяет функции его учреждений. Хаос уничтожает мужское начало, которое защищает дом. Так, Василий Иванович становится Василисой, и даже его жена кричит: «*Помилуйте, без мужчины в квартире*» (1, 378). Теряет свою функцию кабинет. В книгах Василиса прячет деньги, и это значит, что книги больше не используются по назначению и не являются носителями знаний. Таким образом, уничтожено средоточие ума дома. Дом Василисы перестал быть защитой от внешнего мира.

С нижнего этажа хаос проникает в домашний порядок Турбиных. В кабинете поселяются пьющий Мышлаевский, Карась и племянник Лариосик. Книжная комната, воплощение духа и идей семьи, теперь функционирует как спальня. Нравственный мир дома начинает разрушаться под натиском внешнего мира.

Как известно, новое домостроительство 1920-х гг. начинается с разрушения традиционной модели дома [Ковтун, Проскурина, Васильев, 2013, с. 129–140]. Разрушение какого же аспекта губительно повлияло на жизнь Москвы 1930-х гг.?

1.4. Разрушение внешних стен дома как символ утраты внутренних ценностей

Советская власть сознательно реконструировала городскую жилищную культуру, что стало причиной массовой «квартирной проблемы». Вопрос коммуналки будет подробно проанализирован нами в следующей части, а пока рассмотрим главную функцию дома как традиционного жилища и выясним, какое значение имеет дом для творческого человека.

Уединенное времяпрепровождение вызывает ощущение покоя. В православной культуре покой – основное условие восхождения к высшим началам. Результат этого восхождения – достижение истинного покоя, точки, «где мир соприкасается и сливается с Богом» [Котельников, 1994, с. 3–42]. Особенно в уединении нуждаются творческие люди, так как покой – залог вдохновения. Покой и возможность уединения как ценностные характеристики жилища Н. Бердяев называет «свободой от рабства окружающей нас суеты мира» [Бердяев, 1990, с. 243].

Н. Бердяев и С. Булгаков связывают понятие «свобода» с обнаружением в человеке духовного начала, т.е. с «драматическим событием» – «встречей с Богом» (Н. Бердяев). Это «драматическое событие» мы наблюдаем в доме Турбиных, когда Елена молится Богу о спасении Алексея. Таким образом, одаривая человека покоем, возможностью уединения, дом Турбиных становится местом животворящей силы, где действует бердяевская «духовная вертикаль» и возможна «встреча с Богом».

Мотивы покоя и уединения конкретизируются с помощью символики «света», который создает пространство дома Турбиных. «Веселые», «живые» огни дома противопоставлены в романе холоду, тьме хаоса революционной эпохи.

Со светом, теплом и покоем связана определенная группа вещей, которая, по словам Ю. Лотмана, создает «особую атмосферу интеллектуального уюта» [Лотман, 2004, с. 318]. Сюда относятся уже упоминавшиеся выше печь и самовар. В эпизоде описания гибели дома каждая вещь организует не только материальное, но и культурное пространство жизни семьи Турбиных, несет на себе отпечаток прежней эпохи («Упадут стены, улетит встревоженный сокол с белой рукавицы, потухнет огонь в бронзовой лампе, а Капитанскую Дочку сожгут в печи» (1, 181)).

Гибель дома Турбиных символизирует утрату русских традиционных знаков культуры, и в 1930-е гг. такая «атмосфера интеллектуального уюта» уже будет считаться мещанским атрибутом. Во второй части статьи мы рассмотрим психологию булгаковских героев 1930-х гг., потерявших покой и домашний очаг.

2. «Мастер и Маргарита»: психология «коммуналки»

2.1. Проблема «бездомности»

Существует огромное количество работ, посвященных главному «московскому тексту» – роману «Мастер и Маргарита». Особое место в этих культурно-семиотических исследованиях занимает «квартирный вопрос» в советский период – проблемы и противоречия советского «домостроя». Однако на самом деле «квартирный вопрос» появился в произведениях Булгакова гораздо раньше, начиная с «Белой гвардии», и поднимался им и в «Собачьем сердце», и в «Зойкиной квартире», и в «Театральном романе». Причем именно на фоне этого «вопроса» формируются другие основные темы художественного мира писателя. Если в «Белой гвардии» изменяющийся облик времени показан в переломную эпоху, на фоне разрушения традиционного домостроительства, то в «Мастере и Маргарите» детально продемонстрированы проблемы квартирного вопроса в советский период. Данная часть статьи посвящена разбору человеческой психологии, порожденной «коммуналкой».

Для начала остановимся на диагнозе, поставленном Воландом советскому обществу 1930-х гг.: «обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их» (5, 123). Эти слова свидетельствуют о том, насколько важную роль сыграл советский домострой в изменениях, которые произошли с психологией обычного человека и всего общества. Разработка данного вопроса способствовала проведению исследований о соотношении «про-

странства и бессознательного», например, исследования И. Утехина, использованные при написании настоящей работы [Утехин, 2003].

Б. Соколов пишет, что целью посещения Воландом Москвы является встреча с Мастером – автором романа о Понтии Пилате и Иешуа и Маргаритой [Соколов, 1998, с. 163]. Его мнение верно, однако неполно. У Воланда есть еще одна цель. Он, придерживаясь наблюдательской позиции, рассматривает жизнь обычных людей. Его не интересуют ни памятники Москвы (Красная площадь, Большой театр и т.д.), ни легендарные личности города. *«Дорогой мой! (...) Я открою вам тайну: я вовсе не артист, а просто мне хотелось повидать москвичей в массе»* (5, 202). *«Как, по-твоему, ведь московское народонаселение значительно изменилось? (...) Изменились ли эти горожане внутренне?»* (5, 120).

Следует обратить внимание на то, что в «Мастере и Маргарите», в отличие от «Белой гвардии», нет описания городских исторических памятников и символических объектов. Этот метод описания города очень схож с тем, который Н.В. Гоголь использовал в повестях «Шинель» и «Невский проспект». Взгляд Воланда обращен не на Красную площадь, Большой театр и Кремлевский дворец, а на жизнь москвичей и психологию людей.

Иван Бездомный заявляет: «Воланд – шпион». Это заявление не случайно. На его основе строится еще один план повествования. Знаменательны критические слова Воланда, обращенные к буфетчику Сокову: *«Я (...) проходил вчера мимо вашей стойки и до сих пор не могу забыть ни осетрины, ни брынзы. Драгоценный мой! Брынза не бывает зеленого цвета, это вас кто-то обманул. (...) Да, а чай? Ведь это же помои!»* (5, 200).

Московская жизнь продолжается, однако освещается взглядом со стороны. Московские квартиры и дома подверглись инспекции Воланда, и результатом ее стало признание «квартирного вопроса» наиболее острой проблемой того времени.

Символична фамилия поэта Бездомного: она заключает в себе все жилищные проблемы Москвы. Этот псевдоним обращает на себя внимание большинства исследователей и означает не просто «физическое скитание» или «бродяжничество», а внутреннюю пустоту человека. «Отсутствие дома» у Бездомного непохоже на аскетическое бродяжничество и сиротничество революционеров 1910–1920 гг. Бездомный как персонаж символизирует саму Россию 1930-х гг., потерявшую «дом» и связанные с ним ценности. Поэт Бездомный – типичный образ писателя того времени, который утратил творческую проницательность. Он появляется в самом начале романа и тем самым косвенно поднимает общую проблему произведения.

Подробнее остановимся на фигурирующем в романе феномене «дома».

2.2. Проблемы «коммуналки»

Свита Воланда ищет женщину на роль хозяйки «бала у Сатаны». Условия – имя (Маргарита) и место рождения (Москва). Из 121 Маргариты, которых нашли в Москве, по словам Коровьева, «подошла» лишь одна.

Заглавная героиня романа живет в двухэтажном доме в готическом стиле недалеко от Арбата. Упомянутая готика отсылает читателя к Средневековью, чем укрепляет связь образа Маргариты с гетевским «Фаустом» и делает ее действительно подходящей кандидатурой для сделки с Мефистофелем. Самой главной особенностью этого особняка является его противопоставление «коммуналке», которая представлена в романе как «адское место для живого человека» (5, 212)⁹.

Квартира Маргариты находится не на первом, а на втором этаже, что ассоциируется с двухэтажным домом № 13 в «Белой гвардии». Причем хозяином первого этажа является лысый Иванович, пошлый филистер, который типологически родственен Лисовичу. В художественном мире Булгакова, например в «Белой гвардии» или «Собачьем сердце», идеальная модель дома такова: двухэтажный дом состоит из нескольких комнат-пространств, каждое из которых играет собственную роль. Однако же дом Маргариты нельзя считать воплощением идеального дома. Во-первых, это не частный дом, а государственная собственность, предоставленная мужу Маргариты за личные заслуги. Во-вторых, этот дом лишен всех черт традиционности, присущих дому Турбиных в «Белой гвардии». Внутри нет ни старой мебели, ни портретов. В этом пространстве вещи расположены беспорядочно, а поведение хозяйки, бережно хранящей фотографию постороннего мужчины, противоречит традициям: *«На кровати на одеяле лежали сорочки, чулки и белье, скомканное же белье валялось просто на полу рядом с раздавленной в волнении коробкой папирос»* (5, 222).

Беспорядочная обстановка внутри дома отражает внутренний мир хозяйки – психологическую пустоту и скуку. Летая на метле над городом, Маргарита впервые в жизни встречается с изуродованным, искаженным московским образом жизни. Она видит общую картину коммуналок, которые пришли на смену традиционному жилью¹⁰ и разрушили границы между семьями.

Образ коммуналки возникает в романе неоднократно. Но что же является их основной проблемой? Какие изменения они привнесли как преобладающая форма жилья в 1930-х гг. в Москве в жизнь обычного человека? И. Утехин считает «прозрачность» жилищного пространства главной особенностью коммуналок, количество которых в сталинскую эпоху резко возросло: «В материальном аспекте она [прозрачность] включает в себя, помимо проницаемости для запахов, визуальную и акустическую проницаемость. В символическом аспекте прозрачность является свойством не территории, а карты – того представления о пространстве, которое руководит жильцами в их поведении» [Утехин, 2003, с. 177].

Отмеченное в цитате метафорическое использование «проницаемости» часто встречается в романе «Мастер и Маргарита». Символом «проницаемости» можно считать и мотив «открытого окна», который явно прослеживается, например, в сцене преследования Бездомным Воланда: *«Все окна были открыты. В*

⁹ «Маргарита Николаевна не знала ужасов житья в совместной квартире» (5, 210); «Все пять комнат в верхнем этаже особняка, вся эта квартира, которой в Москве позавидовали бы десятки тысяч людей, в ее полном распоряжении» (5, 213).

¹⁰ «Увидела кухню. Два примуса ревели на плите, возле них стояли две женщины с ложками в руках и переругивались. – Свет надо тушить за собой в уборной, вот я вам скажу (...)» (5, 228).

каждом из этих окон горел огонь под оранжевым абажуром, и из всех окон, из всех дверей, из всех подворотен, с крыши и чердаков, из подвалов и дворов вырывался хриплый рев полонеза из оперы «Евгений Онегин»» (5, 54)¹¹.

Однако самым знаменательным является тот факт, что «проницаемость» в романе присуща и закрытому жилому пространству. У членов жилищного комитета есть ключи от всех квартир, и они имеют право на вход в частное пространство всех советских граждан без исключения. Таким образом, «проницаемость» разрушает границы между пространством частным и общим, внешним и внутренним и превращает всю Москву в одну огромную коммуналку. Такая тоталитарная «проницаемость», связанная со сталинской системой «большой семьи», заставляет человека в этом пространстве задумываться о том, как покинуть это место¹².

Прокуратор Иудеи «ненавидел» Ершалаим, Берлиоз мечтает о путешествии в Кисловодск, писатели Грибоедова надеются на творческую командировку в Ялту. «Проницаемость» коммуналки заставила людей желать побега из действительности, что и стало причиной появления феномена гламура в русском обществе 1990-х гг. [Рудова, 2009].

В романе есть еще один психологический феномен, связанный с проницаемостью: осознав вездесущность проницаемости, москвичи пытаются сохранить свое пусть и маленькое, но собственное пространство. Это попытка избавиться от тоталитарного наблюдения, а также отчаянное человеческое желание сохранить свою личность, свое «иммунологическое чужое»: «*Римский (...) просит только об одном, чтобы его спрятали в бронированную камеру (...)*» (5, 325).

Можно сказать, что феномен «коммуналки» вызывает симптомы аутизма. В той или иной степени это выражается и в стремлении Маргариты минимизировать пространство вокруг себя, закрыться от мира. Она живет в просторном роскошном доме с пятью комнатами, однако после отъезда мужа уходит на маленький чердак: «*Напившись чаю, она ушла в темную, без окон, комнату, где хранились чемоданы и разное старье в двух больших шкафах*» (5, 213). Маргарита выбирает такое маленькое пространство лишь потому, что это единственное место, где можно избежать людских взглядов. Здесь, словно сокровище, хранит она фотографию Мастера и обгорелые листки его рукописи, которым придает особое значение. Это сцена, в которой происходит обожествление тайного личного пространства Маргариты, своеобразного искаженного «красного угла» в доме Турбиных.

Аналогично Мастер, выиграв сто тысяч рублей, получает шанс выбраться из коммуналки и находит комнату в подвале маленького дома. И хотя обстановка внутри схожа с домом Турбиных, все возможное пространство минимизировано. Мастер сознательно изолирует себя от внешнего мира и селится в под землей, что можно с его стороны рассматривать как онтологический защитный акт,

¹¹ Мотив «открытого окна» включен и в сцену полета Маргариты: «Все окна были открыты, и всюду слышалась в окнах радиомузыка» (5, 228).

¹² Б. Гаспаров отмечает данный феномен: «И Ершалаим, и Москва – город бездомных. [...] Бесприютность, неустроенность в «ненавистном городе» заставляет Пилата мечтать о том, чтобы поскорее вырваться из него, уехать в свою резиденцию, в Кесарию» [Гаспаров, 1994, с. 45].

стремление вырваться из запутанной «коммунальной» жизни и сохранить творческое писательское начало. Маленькое пристанище Мастера во времена всеобщей «коммунизации» жилого пространства в Москве в 1930-е гг. становится, таким образом, идеальным пространством и сопровождается утопическими мотивами. После того как Мастер покидает свое пристанище и выходит во внешний мир, все меняется: *«И, наконец, настал час, когда пришлось покинуть тайный приют и выйти в жизнь. И я вышел в жизнь (...) и тогда моя жизнь кончилась»* (5, 139–140). С этого момента судьба подвальчика оказывается в руках Воланда. И стоит обратить внимание на то, что «локус» дома, который Воланд вернул Мастеру и Маргарите, означает выход из рамок Москвы. Этим Булгаков заявляет, что советская Москва в романе «Мастер и Маргарита» обозначает то пространство, где отсутствует «вертикаль спасения» (см. ч. 1).

* * *

Быстрое распространение коммуналок в Советской России можно назвать самой характерной чертой русской жилищной культуры XX в. И хотя большинство россиян имеют опыт проживания в коммуналке, а часть населения России живет в них до сих пор, тема кризиса «совместного проживания» в русской литературе затрагивается нечасто. Причина этого – очевидность присущих коммуналке атрибутов «антидома».

В настоящей статье на основе материала художественного мира М. Булгакова мы рассмотрели некоторые черты человеческой психологии, обусловленные советской жилищной культурой. В первой части, посвященной роману «Белая гвардия», была проанализирована послереволюционная картина общества в период исчезающего «традиционного домостроя». В процессе обсуждения и реализации на деле «нового домостроя» 1920-х гг. русский человек утрачивает традиционные ценности и символы. В 1930-е гг. общество столкнулось с новой реальностью, в которой структура дома искусственным путем разрушается, раскрывая тем самым внутреннюю сторону личной жизни и уничтожая индивидуальность. Во второй части мы проанализировали психологию человека 1930-х гг. через понятие «символическая проницаемость жилищного пространства» и показали стирание границ между пространством внешним и внутренним (роман «Мастер и Маргарита»). Надеемся, что высказанные в данной статье суждения помогут в понимании одной из сторон современной русской массовой культуры – «гламура».

Библиографический список

1. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 2005.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 243.
3. Булгаков М. Под пятой. Записные книжки Мастера. М., 2017.
4. Булгаков М. Собр. соч.: в 5 т. М., 1990.
5. Булгаков М. Трактат о жилище. М.; Л., 1926.
6. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М., 1994.
7. Земская Е.А. Михаил Булгаков и его родные. М., 2004.

8. Ким Д.С. «Дом на периферии» как проблематика в русской литературе начала 20 века // Славяноведения. 2016. № 3.
9. Ковтун Н.В. Патриархальный миф в традиционалистской прозе рубежа XX–XXI вв. // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1.
10. Ковтун Н.В., Проскурина Е.Н., Васильев И.Е. Проект переустройства мира и русская проза начала XX века (А. Богданов и А. Платонов) // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 129–140.
11. Котельников В.А. «Покой» // Русская литература. 1994. № 1.
12. Лакшин В.Я. О Доме и Бездомье (Александр Блок и Михаил Булгаков) // Лакшин В.Я. Литературно-критические статьи. М., 2004.
13. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2004.
14. Петровский М. Городу и миру: Киевские очерки. Киев, 1990.
15. Радомская Т.И. Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX века. М., 2006.
16. Рудова Л. Гламур и постсоветский человек // Неприкосновенный запас. 2009. № 6.
17. Соколов Б.В. Булгаковская энциклопедия. М., 1998.
18. Утехин И. Очерки коммунального быта. М., 2003.
19. Хан Б.Ч. Уставшее общество. Сеул, 2012.
20. Цветова Н. Эсхатологическая топика русской традиционной прозы второй половины XX века. СПб., 2008.
21. Baak J.J. van. The house in Russian Literature. Amsterdam-NY. 2009.

Сведения об авторе

Ким Джун Сок – кандидат филологических наук, главный сотрудник Института российских исследований, Университет иностранных языков Хангук (Сеул, Республика Корея); e-mail:chemodan2005@gmail.com

“HOME-LIFE” IN SOVIET SOCIETY: SOCIAL PSYCHOLOGY IN THE WORKS BY MIKHAIL BULGAKOV

Kim Joon Seok (Republic of Korea)

Abstract

Features of human psychology determined by Soviet home-life culture are considered in the article. In the course of discussion and implementation of “the new domestic rules of family life” in the 1920s Russian people lost some traditional values and symbols. In the 1930s the Russian society faced a new reality in which the structure of domestic life is being artificially ruined thus exposing the inner aspect of private life and eliminating individuality. This work analyzes the psychology of a Soviet individual of the 30s making use of the notion of “symbolic permeability of home space” and eliminating the boundaries between outer space of society life and domestic life of an individual.

Keywords: *housing problem, home, Soviet society, social psychology, Mikhail Bulgakov.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Bajburin A.K. ZHilishche v obryadah i predstavleniyah vostochnyh slavyan. M., 2005.
2. Berdyaev N.A. Sud'ba Rossii. M., 1990.
3. Bulgakov M. Pod pyatoy. Zapisnye knizhki Mastera. M., 2017.
4. Bulgakov M. Sobr. soch.: v 5 t. M., 1990.
5. Bulgakov M. Traktak o zhilishche. M.4 L., 1926.
6. Gasparov B.M. Literaturnye lejtmotivy. Ocherki russkoj literatury HKH veka. M., 1994.
7. Zemskaya E.A. Mihail Bulgakov i ego rodnye. M., 2004.
8. Kim D.S. “Dom na periferii” kak problematika v russkoj literature nachala 20 veka» // Slavyanovedeniya. 2016. № 3.
9. Kovtun N.V. Patriarhal'nyj mif v tradicionalistskoj proze rubezha HKH-HKH1 vv. // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2013. № 1. S. 77–87.
10. Kovtun N.V., Proskurina E.N., Vasil'ev I.E. Proekt pereustrojstva mira i russkaya proza nachala HKH veka (A. Bogdanov i A. Platonov) // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2013. № 2. S. 129–140.
11. Kotel'nikov V.A. “Pokoj” // Russkaya literatura. 1994. № 1.
12. Lakshin V.YA. O Dome i Bezdom'e (Aleksandr Blok i Mihail Bulgakov) // Lakshin V.YA. Literaturno-kriticheskie stat'i. M., 2004.
13. Lotman YU.M. Semiosfera. SPb., 2004.
14. Petrovskij M. Gorodu i miru: Kievskie ocherki. Kiev, 1990.
15. Radomskaya T.I. Dom i Otechestvo v russkoj klassicheskoj literature pervoj treti XIX veka. M., 2006.
16. Rudova L. Glamur i postsovetskij chelovek // Neprikosnovennyj zapas. 2009. № 6.
17. Sokolov B.V. Bulgakovskaya ehnciklopediya. M., 1998.
16. Utekhin I. Ocherki kommunal'nogo byta. M., 2003.
18. Han B.CH. Ustavshee obshchestvo. Seul, 2012.
19. Cvetova N. EHskhatologicheskaya topika russkoj tradicionnoj prozy vtoroj poloviny HKH veka. SPb., 2008;
20. Baak J.J. van. The house in Russian Literature. Amsterdam-NY. 2009.

About the author

Kim Joon Seok – Candidate of Philology, research professor of Hangkook University of Foreign Languages (Republic of Korea); e-mail: chemodan2005@gmail.com

УДК 82.0

ОБРАЗНОСТЬ БОТТИЧЕЛЛИ В ПОЭЗИИ ВАСИЛИЯ ФИЛИППОВА

А.В. Марков (Москва, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. В поэзии Василия Филиппова не только образы искусства, но и различные виды искусства используются как метафоры экзистенциальных состояний. Особое внимание в его поэзии уделяется живописи Ренессанса как образцово-репрезентативной, наиболее «портретной», что позволяет соединить позу и исповедальность. При этом экфрасисы произведений ренессансного искусства в поэзии Филиппова часто загадочны, и поэтому для их расшифровки необходима реконструкция системы разговора об искусстве в его стихах.

Результаты. В статье доказывается, что в стихах Филиппова произведения искусства неотделимы от среды, экфрасис служит описанием среды существования произведений, а не только их сюжета, вид искусства и материал предопределяют длительность описываемой ситуации и ее устойчивость, а упоминаемые детали приобретают не просто иконологический, но философский и теологический смысл.

Заключение. Для объяснения этого смысла нужно учитывать и скрытую полемику Василия Филиппова с наиболее расхожими интерпретациями истории искусства, например, с противопоставлением иконы картине или представлением о репрезентативном искусстве как инструменте становления личности. Склоняясь к новой сюрреалистической и безличной поэтике, Филиппов дает собственную концепцию личного восприятия живописного сообщения. Реконструкция содержания его экфрасисов, исходя из этой концепции, продуктивна как для понимания рецепции изобразительного искусства в новейшей русской поэзии, так и для развития герменевтики поэзии, отказывающейся от постановки в центр речи личного высказывания.

Ключевые слова: *иконография, экфрасис, современная русская поэзия, ренессансная образность, топика искусства, живописная репрезентация.*

Василий Филиппов (1955–2013) – один из крупнейших поэтов «второй культуры», по эстетике примыкающий к «метафизической» линии петербургской поэзии (Виктор Кривулин, Елена Шварц), но при этом отличающийся большим сюрреализмом образности, что затрудняет систематическое филологическое исследование его наследия. На настоящий момент ни одной научной статьи о Филиппове не существует. Комментаторы отмечали его способность «сливаться с временем» и «эсхатологическое напряжение его текстов» [Шубинский, 2013], иначе говоря, экзистенциально переживать само время, а не ситуацию внешней или внутренней жизни. Погружением во время поэзия Филиппова отличается от поэтики преображенного времени у Кривулина, в которой О. Седакова увидела и предположила к гротескному переигрыванию откровений будущего [Седакова, 2001, с. 704] или поэтики подчинения времени контрастам сакрального и профанного пространства в поэзии Шварц [Павловец, 2011, с. 22]. Эта характеристика нуждается в уточнении, которое и предпринимается в настоящей статье, исходя из того, что культурные образы, образы искусств, не менее важны для Филиппова, чем природные.

При этом перед нами не метафизика культуры, как у Кривулина или Шварц, но скорее анатомия или физиология или биология культуры, исследование ее начальных состояний. Филиппов в своих стихах, вошедших в представительный том избранного [Филиппов, 2002], упоминает как отдельные имена художников и произведения искусства, так и разные виды искусства (станковая живопись, иконопись, фреска, рисунок, скульптура и многие другие), причем каждое из искусств как-то действует в мире, играет свою уникальную роль, как-то иначе переопределяет экзистенцию лирического повествователя, чем все остальные искусства. Определить такую роль и функцию каждого из искусств в этом «материальном повороте» Филиппова – дело будущих исследований, учитывающих как полный корпус его стихотворений, на сегодняшний день не существующий, так и интеллектуальные контексты «материального поворота» («объектно-ориентированной онтологии», «сильной программы в социальных науках» и т.д.) в современной науке. В настоящей статье мы делаем первый подступ к будущему филиппововедению.

Постановка проблемы. Примером «странного» экфрасиса в поэзии Филиппова [Филиппов, 2002, с. 102] можно считать такой эпизод его лирической поэмы:

Я поймал твою руку в мышеловку своей руки,
Ты напрягла позвонки и погрузила губы в краски Боттичелли.
Сколько воздуха!

Вот портрет молодого человека в красной шапочке –
Так негритянка несет на голове свою кровь-ребенка.

Вот ангелы. «Сильный», – ты сказала про одного из них.
Другой, словно лотос, поник над Христом.

Мы глазами образовали Млечный путь над картинами Боттичелли.
И обоих нас руки, точно свечи, горели.

Данное описание содержит упоминание вполне узнаваемых образов Боттичелли: прежде всего, портрета молодого человека с медалью Медичи и «Мистического Рождества». Более того, ряд образов и сравнений вполне осмыслены из предшествующей русской поэтической традиции: так, образ ангела-лотоса явно подсказан стихотворением Мандельштама «Неумолимые слова», где голова умирающего Христа клонится, «как лилия, в родимый омут». Противоположность увядающей лилии как символа чистоты и вечного холодного лотоса как символа забвения передает важную теологическую идею о том, что замысел Божий победить дьявола смертью не был известен даже ангелам, но именно его исполнение принесло очищение всему человечеству, которое не могли бы дать даже все чистые ангелы вместе взятые.

Равно как и напряжение позвонков тоже восходит к поэзии Мандельштама, таким его знаменитым сравнениям, как «двух столетий позвонки» и «играет позвоночником волна», где позвонки оказываются одновременно свидетелями и мерой времени, своего рода страшными игральными костями, позволяющими хотя бы как-то «выиграть время». Тогда «ты напрягла позвонки» означает: ты задумалась о будущем, я увидел тебя как мечтательную.

Но при этом ряд образов не объясняются ни из предшествующей поэтической традиции, ни из самих произведений Боттичелли. Так, рождение млечного пути заставляет вспомнить скорее Тициана, обилие воздуха совсем не похоже на Боттичелли, у которого преобладают многофигурные декоративные композиции и воздух весьма условен, ассоциация красного головного убора портретируемого лица с ребенком негритянки кажется немотивированной, равно как именование ангела «сильным», не очень понятно, как именно значимое и для любовной истории стихотворения, и для восприятия сюжета Боттичелли.

Для ответа на все эти вопросы необходимо применение особых методов исходя из некоторой рабочей гипотезы.

Рабочая гипотеза исследования. Мы предполагаем, что восприятие живописи Василием Филипповым – это не только восприятие ее сюжетов или впечатляющих моментов, но восприятие самого данного искусства как такового, включая материальные условия его создания и существования. Соответственно, интерпретация образов оказывается только частью интерпретации той ситуации, в которой существует изобразительное искусство, и эта ситуация соотнесена с сюжетом стихотворения напрямую, тогда как живописные сюжеты и образы – только опосредованно.

Подтверждения этой гипотезы мы находим, систематизируя другие упоминания живописи в поэзии Филиппова. Так, например, в другом стихотворении реплика

Куда мы идем?

К картинам Фра Анджелико в дом

напоминает равно об изображении его домов, в том числе гробов как домов в сюжете Страшного суда, так и о размещении его фресок в сугубо закрытом пространстве монастыря, таком как монастырь святого Марка во Флоренции.

Еще интереснее понимание слово «краски», которое есть и в исследуемом нами отрывке про Боттичелли. Так, в следующем за стихотворением о Боттичелли стихотворении сборника говорится:

В храме каждая икона – ренессансная картина,

Когда Бог скрывался за горизонт с горами и городами в прозрачном воздухе

И оставалось искать его в красках.

Искать в красках – это одновременно находить в любом живописном произведении как свидетельство творческой воли, напоминающей о творении мира Богом, но и находить в красках как в определенном способе существования, как мы говорим «представить в красках», «изложить ситуацию во всех красках». Здесь теологическая апологетика неожиданно сходится с экзистенциальным переживанием уже изложенного свидетельства о себе.

Можно видеть в таком восприятии красок скрытую полемику с известной книгой Евг. Трубецкого «Умозрение в красках» [Трубецкой, 1916, с. 10], в которой он считал яркие краски византийской и древнерусской иконы своеобразным противоядием против угроз войн и насилия в XX веке. Яркие краски были открыты, чтобы стать некоторой эстетической очевидностью, которую невозможно совместить с порывами насилия. Филиппов как поздний сюрреалист, живущий уже после опыта насилия в XX веке, не мог приписывать такую миссию раскрытию красок древней иконописи. Таким образом, «краски» оказываются тем положительным опытом, который остается из экзистенциально пережитого.

Методология исследования. Для понимания сюжета рассматриваемого отрывка необходимо учитывать как достижения иконологического метода, так и современное состояние изучения экфрасиса.

Иконология как раздел искусствоведения основана на изучении «формул пафоса» [Гинзбург, 2003, с. 56], тех особенностей изображения, которые ничего не прибавляют к сюжетному смыслу, но вводят зрителя в особое состояние доверия к изображаемому. Например, такой формулой пафоса может быть развевающийся плащ, ничего не прибавляющий к характеристике изображенного героя или изображенной ситуации, но вызывающий особую эмпатию. Отделив формулы пафоса от сюжета, иконология далее находит паттерны жестов, предметов и ситуаций, кочующие из одного произведения в другое, независимо от стиля или сюжета: при этом символический смысл приобретают не только вещи, как свеча или сосуд (об этих смыслах знали и до появления иконологии), но и жесты и ситуации, скажем, выставленная вперед нога, красный цвет, спускающиеся складки или ослабленный пояс. Именно они и создают настоящий «текст» произведения, наподобие того, как мы в детективах или сериалах можем угадать по уликам или деталям, что на самом деле здесь происходило или будет происходить. Иконология напрямую связана с утверждением детектива, основанного на улике, уликовой парадигмы, и не случайно когда холмсианский детектив утверждался в Европе, единственное, что смогла противопоставить ему ревностная французская культура, – детектив метаморфоз в виде «романа-реки» [Чекалов, 2018, с. 223], иначе говоря, просто практическую работу этих паттернов без их теоретического понимания. Иконологический метод прямо сопоставляют как с анализом уникальных факторов на состояние системы, так и, более специально, с классическим психоанализом, хотя иконология не сводит улики к вскрытию структур бессознательного, настаивая и на исследовании структур личного и коллективного сознания.

Таким образом, иконологический метод позволяет понять, как именно соотносятся отдельные образы стихотворения с теми режимами эмпатии, которые предполагает поэт для читателя и которые оказываются ключевыми для интерпретации событий его жизни. Далее, он позволяет понять детали как улики, которые позволяют реконструировать самостоятельно развивающееся действие, замаскированное от нас нашими привычками восприятия. Наконец, он позволяет реконструировать не только сюжет, подразумеваемый ситуацией (любовная встреча), но и сюжет, определяемый самими «вещами», образами Боттичелли, которые обладают большей самостоятельностью и значит, способностью быть законодателями сюжета, в том числе для самого лирического героя.

Экфрасис Василия Филиппова в приведенном отрывке относится к диалогическому экфрасису, который никогда не сводится к просто лучшему усвоению описываемого материала, но всегда подразумевает позицию спрашивающего и объясняющего и определенные сакральные полномочия последнего [Брагинская, 1994, с. 280–284]. В этом методология изучения диалогического экфрасиса сходится с иконологией, признавая за образами искусства и сакральное значение, и сакральную санкцию как для сюжетного хода диалога, так и для хода интерпретации, в свою очередь, встраивающейся в сюжет. Интерпретация оказывается не «моралью», выводимой из «басни» сюжета, а одним из инструментов развития сюжета, смыслы оказываются паттернами действия. Это явно соответствует поэтике Филиппова, в которой образы не интерпретируются, а переживаются, определяя разные режимы экзистенциального существования.

Новейшие изучения экфрасиса доказывают не просто его конструктивистский характер, способность пересобирать образы живописи как часть образного мышления читателя, но и его принципиальную интермедийность, способность создавать новые сюжеты «иллюстративного» или «кинематографического» типа. Доказано, что экфрасис может подражать «конкретным визуальным и нарративным киноэффектам» [Геллер, 2018], может создаваться «фотографический экфрасис» [Судленкова, 2018], или «фотоэкфрасис» [Малкина, 2018], который рассматривается не просто как литературное описание фотографии, но как реконструкция фотографической режиссуры, ракурса, а значит, и автономии фотоэстетики, наконец, иллюстрация [Зверева, 2018] и художественная выставка или храмовая архитектура [Марков 2018] могут оказываться не просто темами или моделями, но актерами художественного мышления. В этом смысле современное исследование экфрасиса исходит из того, что различные искусства подразумевают разную эстетику, определяющую не только градус восприятия действительности, но и характер лирического действия.

Кроме того, поэтика Василия Филиппова, в которой торжествует «отсутствие времени» [Житенев, 2012, с. 140] подразумевает, что режимы временного существования заменяются режимами существования в искусстве. Метод исследования таких вневременных паттернов вполне согласуется с изучением паттернов в иконологии и может стать примером продуктивного применения иконологического метода в литературоведческих исследованиях.

Основная часть. Данная рабочая гипотеза позволяет легко расшифровать первую строку рассматриваемого эпизода. Погрузить губы в краски – означает пережить любовь как единственный положительный опыт, оставшийся в жизни. Тогда как напрячь позвонки, то есть прочувствовать течение времени очень сильно, означает видеть этот же опыт как завершающийся, видеть его как бы потусторонним взглядом.

Тогда сразу становится понятно, почему из всего наследия Боттичелли выбраны такие два произведения, как портрет юноши и сцена Рождества, написанная художником в преддверии скорого конца мира, как жертва за себя во спасение. В обоих произведениях есть взгляд из инобытия, медаль Медичи как утверждение власти Флоренции увидена как предмет художественной заботы, а не просто как данность, равно как и сцена Рождества – как предмет душеспасительной заботы, а не как только начало событий христианской истории. В обеих картинах преобладает не событийность, а тип отношения к прошлому, которое уже заведомо монументализировано и потому подлежит только небесной, а не земной оценке.

Такое понимание позволяет объяснить и сюрреалистический образ шапочки как ребенка негритянки. Собственно, именно в наблюдении над жизнью африканских племен выяснялась возможность новых медиа, таких как фотография и кинематограф, фиксировать доисторическое состояние, по отношению к которому историческое состояние будет состоянием инобытия. В таком случае «кровь-ребенок» – это лучшая метафора той самой художественной заботы как познания прошлого из инобытия: художественная забота оказывается именно усвоением всеми жилами, всей кровью переживаемого опыта.

Поэтому красные губы, красная шапочка и красная кровь стоят в одном ряду как процедура создания или восприятия живописного произведения: от жеста к детали, а от детали – к глубинному переживанию. По сути, в стихотворении Филиппова под видом сюрреалистической образности воспроизведен вполне нормативный режим прочтения живописных произведений: сначала любой зритель обращает внимание на жест, что именно здесь происходит странного, и именно тогда проникается симпатией к картине, затем начинает рассматривать детали, считая, что он уже понимает сюжет картины и соотносит его с собственным опытом, а затем переживает опыт рассмотрения этой картины как уникальный опыт, которого не было прежде, даже если сюжет картины и все ассоциирующиеся сюжеты из жизни зрителя кажутся известными.

Соответственно, становится понятна и любовная история: это сначала несомненная симпатия, потом планирование совместной жизни, а потом признание уникальности друг друга. Но сказать, имеем ли мы дело с удавшейся или не удавшейся любовной историей, мы сможем только далее обратившись к Боттичелли.

Один из ангелов «Мистического рождества» назван «Сильным», в чем можно увидеть, в частности, анаграмму самого имени автора, Василий. Анаграммирование, включавшее в себя имена автора и адресата, было важным приемом в древнеиндийской, средневековой европейской и модернистской поэзии, хотя степень

сознательности в употреблении этого приема остается в каждом случае предметом дискуссий [Казарин, 2000]. Анаграмма – это род скрытой подписи, и в таком случае возлюбленная говорит, что сделала выбор не только внутри здешнего быта, но и в метафизической перспективе, верности до гроба. Но для дальнейшего понимания сюжета нужно учесть и другие возможные значения этого слова.

В других стихах Филиппова, как и в этом, есть соотнесение ангелов и светил, причем иногда в низком почти оскорбительном регистре, «Где фонарей ангельские рожи». «Ангел-старуха» является «при луне / чужих глаз», а при расставании, когда глаза названы «единственный изъян», то есть хранители разлуки, вспоминается Нил Синайский (знаменитый аскет, ученик Иоанна Златоуста), который в молитве «не хотел видеть и ангелов», чтобы не забывать о Боге. Тем самым, в отличие от прежней традиции русской поэзии, где чистота неба или блеск светил сравнивался со взглядом ангелов («Как будто ангелы глядят», Бунин), у Филиппова ангелы не глядят, а наоборот, становятся предметом взгляда, причем предметом крайне проблемным. Здесь Филиппов верен своему вниманию к материалу искусства, а не только его сюжетам: если ангелы созданы как зеркала небесной славы, согласно мистике псевдо-Дионисия Ареопагита, то само их глядение оказывается проблемой, а не данностью, они еще только должны отразить свет. Филиппов видит механику там, где другие видели только акт. Филиппов постоянно показывает, и что икона не светит, не окно, а что она светит только отраженным светом, скажем, нимб оказывается не распространением света, а его сдерживанием:

С младенцем
Под сердцем
В кругу заточенном –
в кругу нимба.

Тогда «сильный» ангел – это, вероятно, один из борющихся ангелов на картине Боттичелли, так как сдерживание оказывается важнее триумфа. И становится понятен образ Млечного пути: это образ соотносится с взглядом на ангелов или изображением ангелов, которое понимается всегда как ряд: ряд фонарей, освещенных окон или светлых дней.

Полемика. При этом возможным возражением будет то, что такой Млечный путь простирается «над картинами Боттичелли» и образован встречей рук влюбленных, а значит, может пониматься просто как мечта или увлечение. Но это возражение только позволяет уточнить смысл этого образа, обратившись и к другим стихам Филиппова.

Прежде всего, рука никогда не понимается у Филиппова как инструмент жеста. Всегда это инструмент мучения: из руки каплет кровь, рука застыла, рука ранена. Также и слово «путь» никогда не означает перемещения, но всегда мученический акт: «Труден путь к Богу» – так названо само мученичество, а не подготовка к нему или его переживание. По сути, Филиппов переводит здесь наше

внимание от сюжетов к материалу, рассматривая и жизнь человека как материал, который Бог видит из инобытия, подобно тому, как художник видит исторические события из инобытия своего творчества. В таком случае образ Млечного пути – это один из образов вечности, переживание инобытия самого художественного инобытия.

В поэзии Филиппова, как и в любой сюрреалистической поэзии, важнейшей внутренней темой оказывается осмысление с некоей невероятной позиции как жизненного опыта, так и препарирующего жизненный опыт искусства. Только здесь это осмысление решается в рамках апокалиптики и переживания любовной истории как общего мученичества и исповедничества.

Выводы. В поэзии Василия Филиппова важно не только экзистенциальное переживание времени как опыта бытия и небытия, но и экзистенциальное переживание искусства как опыта инобытия. Искусство обретает в его поэзии самостоятельность и субъектность, которая принадлежит не только самим образам, но и видам искусства. Так, нам удалось установить субъектность для живописи – прикосновение, особая задетость инобытием любимого человека. В этом смысле опыт Филиппова оказывается близок известному тезису Сократа (в «Пире» Ксенофонта) о том, что прикосновение, даже плечом к плечу, оставляет глубокую рану не просто в душе, но во всех ощущениях тела, что Сократ связывал именно с глубинным впечатлением от образов, в том числе портретных.

Именно такая задетость требует видеть существование не как ряд событий, а как световой ряд вообще, проведя радикальную критику прежних идеалистических представлений об озарениях и как бы автоматической причастности божественному миру. Здесь возможно не экстатическое переживание подлинного опыта по данному искусству, а только радикальное остранение этого опыта, которое и выражено космологическими и техническими световыми образами. В этом смысле можно говорить о Филиппове как о критике расхожей идеализации иконописных образов и создателе более глубокой метафизики духовного опыта, уже не связанной с социально-политической полемикой, которую вели русские идеалисты.

Экфрасис Филиппова реализует норму диалогического экфрасиса, при этом он «иконологичен», иначе говоря, превращает саму ситуацию диалога в ситуацию универсальной, завершенной и потому направленной в эсхатологию и вечность любовной встречи.

Библиографический список

1. Брагинская Н.В. «Картины» Филострата Старшего: генезис и структура диалога перед изображением // Одиссей. Человек в истории 1994. Картина мира в народном и ученом сознании. М.: Наука, 1994. С. 274–313.
2. Геллер Л. Вагинов и экфрасис как путь к кинописьму // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL, 2018. С. 123–148.
3. Гинзбург К. От Варбурга до Гомбриха: заметки об одной методологической проблеме // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы. М.: Новое издательство, 2003. С. 51–132.
4. Житенев А.А. Поэзия неомодернизма: монография. СПб.: ИНАПРЕСС, 2012. 480 с.

5. Зверева Т. Динамика портретных изображений Ф.М. Достоевского в русской живописи // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL, 2018. С. 356–374.
6. Казарин Ю.В. Анаграмма как способ смысловыражения в поэтическом тексте // Известия Уральского университета. 2000. № 17. С. 92–99.
7. Малкина В. Фотоэкфрасис в лирическом стихотворении: постановка проблемы // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL, 2018. С. 413–431.
8. Марков А. Между викторианством, ар-нуво и ар-деко: Экфрасис в блоковской линии поэзии русской эмиграции // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL, 2018. С. 617–634.
9. Павловец М.А. О стихотворении В. Кривулина «Хлопочущий Иерусалим»: литературоведческий комментарий к комментарию лингвистическому // Полилог: теория и практика современной литературы. 2011. № 4. С. 19–24.
10. Седакова О.А. Очерки другой поэзии. Очерк первый: Виктор Кривулин // Седакова О.А. Проза. М.: NFQ Ту Принт, 2001. С. 684–705.
11. Судленкова О. «Каждая фотография – это рассказ»: фотографический экфрасис в современной британской литературе // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL, 2018. С. 326–336.
12. Трубецкой Е.А. Умозрение в красках: Вопрос о смысле жизни в древне-русской церковной живописи. М.: Тип. Сытина, 1916. 44 с.
13. Филиппов В. Избранные стихотворения. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 336 с.
14. Чекалов К.А. Популярно о популярной литературе. Гастон Леру и массовое чтение во Франции в период «прекрасной эпохи». М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 288 с.
15. Шубинский В. Василий Филиппов: о доверии // Colta.ru [Электронный ресурс]. 26 августа 2013 г. URL: <http://archives.colta.ru/docs/30316>

Сведения об авторе

Марков Александр Викторович – профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); e-mail: markovius@gmail.com

THE IMAGERY OF BOTTICELLI IN THE POETRY OF VASILY FILIPPOV

A.V. Markov (Moscow, Russia)

Abstract

Problem statement. In Vasily Filippov's poetry, not only images of art, but also various types of art are used as metaphors of existential states. Particular attention in his poetry is given to the painting of the Renaissance as exemplarily representative and most "iconic", which allows you to combine posture and confessional approach. Moreover, the ecphrases of the works of Renaissance art in Filippov's poetry is often enigmatic, and therefore, in order to decipher them, it is necessary to reconstruct the system of conversation about art in his poems.

Research results. In the article it is proved that in Filippov's poetry works of art are inseparable from the environment, ekphrasis serves as a description of the existence of the works environment, and not only of their plot. The kind of art and the material predetermine the duration of the situation described and its stability, and the details mentioned acquire not just iconological but philosophical and theological meaning.

Conclusion. To explain this meaning, one should also take into account Vasily Filippov's hidden polemic with the most popular interpretations of the history of art, for example, with the opposition of the sacred icon to the picture or the notion of representative art as an instrument for the formation of personality. Bending to a new surreal and impersonal poetics, Filippov gives his own concept of personal perception of a pictorial message. Reconstruction of the contents of its ecphrases proceeding from this concept is productive both for understanding the reception of fine art in the newest Russian poetry, and for the development of hermeneutics of poetry, which refuses to place a personal utterance in the center of speech.

Keywords: *iconography, ekphrasis, modern Russian poetry, Renaissance imagery, topic of art, picturesque representation.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Braginskaja N.V. «Kartiny» Filostrata Starshego: genezis i struktura dialoga pered izobrazheniem // Odissej. Chelovek v istorii 1994. Kartina mira v narodnom i uchenom soznanii. M.: Nauka, 1994. S. 274–313.
2. Geller L. Vaginov i jekfrasis kak put' k kinopis'mu // Teorija i istorija jekfrasisa: itogi i perspektivy izuchenija. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL, 2018. S. 123–148.
3. Ginzburg K. Ot Varburga do Gombriha: zametki ob odnoj metodologicheskoj probleme // Ginzburg K. Mify – jemblem – primety. M.: Novoe izdatel'stvo, 2003. S. 51–132.
4. Zhitenev A.A. Pojezija neomodernizma: monografija. SPb.: INAPRESS, 2012. 480 s.
5. Zvereva T. Dinamika portretnyh izobrazhenij F.M. Dostoevskogo v russkoj zhivopisi // Teorija i istorija jekfrasisa: itogi i perspektivy izuchenija. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL, 2018. S. 356–374.
6. Kazarin Ju.V. Anagramma kak sposob smyslovyrazhenija v pojeticheskom tekste // Izvestija Ural'skogo universiteta. 2000. № 17. S. 92–99.
7. Malkina V. Fotojekfrasis v liricheskom stihotvorenii: postanovka problemy // Teorija i istorija jekfrasisa: itogi i perspektivy izuchenija. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL, 2018. S. 413–431.
8. Markov A. Mezhdvu viktorianstvom, ar-nuvo i ar-deko: Jekfrasis v blokovskoj linii pojezii russkoj jemigracii // Teorija i istorija jekfrasisa: itogi i perspektivy izuchenija. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL, 2018. S. 617–634.

9. Pavlovec M.A. O stihotvorenii V.Krivulina “HloPOCHushhij Ierusalim”: literaturovedcheskij kommentarij k kommentariju lingvisticheskomu // Polilog: teorija i praktika sovremennoj literatury. 2011. №4. S. 19–24.
10. Sedakova O.A. Oчерki drugoj poezii. Oчерk pervyj: Viktor Krivulin. // Ona zhe. Proza. M.: NFQ Tu Print, 2001. S. 684–705.
11. Sudlenkova O. “Kazhdaja fotografija – jeto rasskaz”: fotograficheskij jekfrasis v sovremennoj britanskoj literature // Teorija i istorija jekfrasisa: itogi i perspektivy izuchenija. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL, 2018. S. 326–336.
12. Trubeckoj E.A. Umozrenie v kraskah: Vopros o smysle zhizni v drevne-russkoj cerkovnoj zhivopisi. M.: Tip. Sytina, 1916. 44 s.
13. Filippov V. Izbrannye stihotvorenija. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 336 s.
14. Chekalov K.A. Populjarno o populjarnoj literature. Gaston Leru i massovoe chtenie vo Francii v period “prekrasnoj jepohi”. M.: Izdatel'skij dom “Delo” RANHiGS, 2018. 288 s.
15. Shubinskij V. Vasilij Filippov: o doverii // Colta.ru [jelektronnyj resurs]. 26 avgusta 2013 g. URL: <http://archives.colta.ru/docs/30316>

About the author

Markov Alexander Viktorovich – professor, Russian State University for the Humanities (Moscow); e-mail: markovius@gmail.com

УДК 821.161.1

ПРИТЧА Л.Н. ТОЛСТОГО «ЧЕМ ЛЮДИ ЖИВЫ» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РОМАНА А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «РАКОВЫЙ КОРПУС»

Кевин Дж. Маккенна (Берлингтон, США)

Аннотация

В литературоведении существует устоявшаяся концепция типологической связи произведений Льва Толстого и Александра Солженицына. Но относительно немногие исследования посвящены обнаружению этих сходств в конкретных произведениях. Статья посвящена сопоставительному анализу притчи Л.Н. Толстого «Чем люди живы», взятого из *народных рассказов* 1880-х годов и знаменитого романа А.И. Солженицына «Ракровый корпус».

Ключевые слова: притча, философская проблематика, сопоставительный анализ, повествовательные особенности.

...the whole meaning of existence—his own and of everyone in the world—came to his mind. The image he saw did not seem to be embodied in the work or activity, which occupied them, which they believed was central in their lives, and by which they were known to others. The meaning of existence was to preserve unspoiled, undisturbed, and undistorted the image of eternity with which each person is born...

Cancer Ward, Chapter 30

At the beginning of *August 1914*, the first “knot” of what would become his 5,000 page epic novel of Russia’s experience in the opening days of World War I, Aleksandr Solzhenitsyn introduces his readers to the young student Isaakii, who four years earlier had made a pilgrimage to the Tolstoy estate at Iasnaia Poliana to pay homage to the venerated seer and unparalleled artist and teacher of ethics. As he stands among the linden and birch trees of the estate, Isaakii unexpectedly recognizes the eighty-two year old, white haired living icon characteristically dressed in the traditional peasant shirt he often wore in imitation of the simple habits and ways of his peasant laborers. Having encountered his idol, it soon becomes clear that Isaakii has made this pilgrimage not to address the famous author of *Anna Karenina* or *War and Peace*, but to challenge the writer of the popular proverb-parable, “What Men Live By” (1881)¹. Written in the

¹ Solzhenitsyn, Aleksandr, translated by H.T. Willets. *August 1914*. Farrar, Strauss and Giroux: New York 1989. While Vladimir Dal’s *Posloviety russkogo naroda* does not list this particular proverb in his collection, printed in 1861, the expression has become proverbial since the publication of Tolstoy’s famous short story. In his essay *What I Believe / V chom moya vera*, 1882), Tolstoy culled what might be described as five essential moral imperatives from Jesus’ “Sermon on the Mount” (Matthew, v-vii): (1) do not be angry; (2) do not lust; (3) do not swear; (4) do not resist the evil doer with force; (5) love all people. Of significance both for Tolstoy’s short story as well as a key chapter title in Solzhenitsyn’s later novel, *Cancer Ward*, is the fact that, unlike the first 4 commands, this last injunction (to love all people) is the only one of the five, which is listed as a positive command and stands as a proverbial statement for the majority of Tolstoy’s best known stories for the people: *What Men Live By*, *Two Old Men*, *The Three Hermits*, and *Where Love is, There is God Also*. Like many of his *Stories for the People*, *What Men Live By* includes a number of proverbs, popular sayings and other forms of popular wisdom. The interrogative title of this story (posed as a question in the Russian original) takes the form of a parable, which by the closing lines of the account is answered by the Angel Michael.

form of a parable on the theme of love, Tolstoy's famous story adapts an account long known in various versions from the Talmud, the Apocrypha, the Koran, and the Arabian Nights, and reflects Tolstoy's keen interests in the 1880s, following the publication of *Anna Karenina*, in a type of didactic literature penned by writers from the Russian educated classes for a more popular and less educated readership. The plot revolves around a story in which the angel Michael has been sent by God to live on earth as a human and to learn the customs and manners of men. By story's end Michael comes to realize that man lives by acts of kindness, self-sacrifice, and love, and that this love for one's fellow man is a manifestation of the living God. Having recently abandoned his belief in and writing of lengthy, "upper-class" novels like *War and Peace* and *Anna Karenina*, Tolstoy endeavored to create a more idealistic form of writing, intended to enlighten the Russian masses "rather than to profit by entertaining them"². It was to this new, post-epic writer that Isaakii addresses his twentieth-century doubts about the ability of a modern society to live by love alone. Challenging his venerable teacher, Isaakii timorously inquires: "Lev Nikolaevich, are you sure you are not overestimating the power of love in the human being? Or at least whatever part of it that remains in contemporary man. What if love is not so strong or necessary after all that it can triumph—then your teaching lacks... is extremely premature? If so, ought we not to envisage some intermediate stage, ask less of people to start with and then try to awaken them to universal benevolence?" To Isaakii's heartfelt query the aged Tolstoy of Solzhenitsyn's novel replies, "Love is the only way. No one has invented a more foolproof method (16–17)".

This early chapter of *August 1914* in many ways trenchantly recalls Solzhenitsyn's second novel, *Cancer Ward*, written less in the form of what may be described as a Tolstoyan proverb-parable and more in the style of a modern "polyphonic" novel in which a central theme echoes throughout the novel in the individual voices and tragic experiences of a large cast of *dramatis personae*. Despite the obvious separation in time, it can be argued that what has famously become Tolstoy's proverb-question in "What Men Live By" organically functions to create the underlying structure of Solzhenitsyn's later novel as well as to thematically enhance and reiterate the answer to the central question earlier raised in Tolstoy's proverb title.

It should come as no surprise that the twentieth-century Nobel-Prize winning author Solzhenitsyn bears such a close relationship both to Tolstoy the "thinker and seer" as well as to the master author of countless short stories, famous plays, and epic novels. Literary scholars have long noted the affinity between the nineteenth-century Tolstoy and his twentieth-century counterpart, Solzhenitsyn³. Not that the two are linked merely by long, scraggly beards or reputations as didactic seers of moral truths: it can be argued that, while the two authors' biographies and social origins could not have been more dissimilar, in a variety of ways much of Tolstoy's fiction seems to have provided models for some of Solzhenitsyn's own stories. Kathryn Feuer, for example comments on how descriptions in Tolstoy's short story "The Woodfelling" suggest the account of a single

² For an informative discussion of this phase of Tolstoy's literary career, see Jahn, Gary R. "Tolstoy As a Writer of Popular Literature". In: Orwin, Donna Tussing, ed.: *The Cambridge Companion to Tolstoy*. Cambridge University Press: Cambridge 2002, pp. 113–126.

³ See, for example, Michael Scammell's discussion in his *Solzhenitsyn: A Biography*. W.W. Norton & Company: New York 1984, p. 582.

day in the life of Ivan Denisovich, the eponymous hero of Solzhenitsyn's first novel. She makes similar cases for the appearance of Tolstoyan structural and narrative features as well as elements of his language and style in a number of Solzhenitsyn's novels and short stories⁴. As we shall see, the closest tie between the two authors and their literary works resides in their mutual affection for the philosophical, ethical, and didactic wisdom of the Russian proverb⁵. In this regard Solzhenitsyn shared a similar distaste with Tolstoy for the state of Russian literary language contemporary to each of the two writers. As Gary Jahn has insightfully observed, by the 1880s Tolstoy had come to decry much of the popular literature *written for the people* for its "untalented and stupid manner" and further noted that "that standard Russian literary language was distinctly inferior to that of the common people themselves"⁶. Nearly a century later in a 1965 article which appeared in the Union of Soviet Writers' weekly *Literary Gazette*, "Cabbage Soup is Enriched With Sour Cream, Not With Tar / Ne obychai dyogtem shchi belit', na to smetana"⁷, Solzhenitsyn lodges the same charge against the state of contemporary Soviet prose suggesting, like Tolstoy, a simpler form of Russian language to replace the awkward, impoverished language of socialist realism. Both authors identified in the form of the people's Russian proverb a serviceable vehicle for enriching their literary works. Tolstoy, for example, in his popular period of *stories for the people*, based many of his roughly two dozen story plots on the ethical teachings of Christ, taken primarily from "The Sermon on the Mount" as appeared in Matthew, v-vii and Luke, vi. At the center of Tolstoy's best-known *stories for the people* is the thematic message to love all people. One of the most famous of these stories is the proverb-parable, *What Men Live By*.

As the title of Solzhenitsyn's novel suggests, the plot of *Cancer Ward* relates the lives and life stories of a socially diverse group of cancer patients as they undergo therapy for their respective illnesses. Helen Muchnic tellingly observes that the novel comprises both a drama of mortality, a race with time not so much for life but, rather, for an understanding of life itself.⁸ Over the course of a period of a brief two months, readers learn the philosophical and political theories of a broad cross-section of Soviet society, ranging from Uzbek and Tadzhik peasants to Communist Party officials, cancer-ridden high-school students, and the story's protagonist, Oleg Kostoglotov (the Russian translation of "bonechewer"), a seasoned veteran of the Great Patriotic War as well as eight years of Stalin's *gulag* camp system. In addition to this rich cross-section of Soviet society, doctors, nurses, and orderlies in the hospital system figure prominently in the action of the story. Similar to Isaaki's pressing question to the figure of Tolstoy in *August 1914*, the

⁴ See her article "Solzhenitsyn and the Legacy of Tolstoy". In: *Aleksandr Solzhenitsyn. Critical Essays and Documentary Materials*. In: Dunlop, John R./ Hough, Richard/ Klimoff, Alexis (eds.): Collier Books: New York: 1973, pp. 129–146.

⁵ See, my article "The Tolstoy 'Connection': Aleksandr Solzhenitsyn's *In the First Circle* Through the Prism of Peasant Proverbs in *War and Peace* and *Anna Karenina*." In: *Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship* 30, 2013, pp. 151–170.

⁶ Jahn (2002, p. 116).

⁷ *Literaturnaya gazeta*, 4, November, 1965. Reprinted in *Solzhenitsyn: Sobranie sochinenii*, V, Posev-Verlag: Frankfurt/Main 1970, pp. 261–267. Solzhenitsyn wrote this article in response to a piece that the eminent Soviet scholar and academician V. V. Vinogradov had written in the same journal earlier that year, commenting that Soviet literature lacked sharp and graphic representation, colors and aphoristic language. In commenting on the literary language of Tolstoy in the 1850s and 1860s, Vinogradov further noted that Tolstoy had introduced new styles incorporating the colloquial, popular, and peasant language.

⁸ "Cancer Ward: Of Fate and Guilt." In: *Aleksandr Solzhenitsyn: Critical Essays and Documentary Materials*, p. 279.

cancer patients of Wing 13 are deeply invested in the question of “what men live by” and especially for them the corollary of “how men die”. While a superficial reading of the novel might suggest a metaphorical parallel universe linking the cancer ward to Stalin’s failed political, social, and economic system, a more careful analysis reveals a multi-layered inquiry into the meaning of man’s existence and by what human and personal values a person is able to survive his or her life.

In Tolstoy’s parable *What Men Live By*, God has taken away the powers of a disobedient angel and sent him to earth with the goal to learn “the three truths: what dwells in man, what is not given to man, and what men live by”⁹. Tolstoy’s angel, Michael learns the answer to the first truth when a master cobbler and his wife make sacrifices to feed and house him and even give him a job, proving that love is present among men even in the midst of personal hardship. Working as a shoemaker a few years later, Michael solves the riddle of the second question when a local nobleman orders a pair of boots made of the finest leather, only to die a few hours later: “It is not given to man to know his own needs”¹⁰. To the riddle of the third question, Michael learns that “Though it seems to men that they live by care for themselves, in truth it is love alone by which they live”¹¹.

Nearly a half century later, Solzhenitsyn arguably has modernized Tolstoy’s proverb parable in the form of his novel, *Cancer Ward*, by using his predecessor’s short story as the point of departure for a much more nuanced and complicated treatment of the proverb question Tolstoy initially posed in his nineteenth-century story, which Leonid Rzhevsky describes as “the most important structural axis of the novel”¹². Traditionally taking the form of a short allegorical, often biblical story (for example, the *Good Samaritan* or the *Prodigal Son*) designed to demonstrate some truth, religious principle, or moral lesson, the parable form fully suited Tolstoy’s creative interests and didactic needs during the period of his writing in the 1880s.¹³ Solzhenitsyn, however, chooses to update his master’s preference for the biblically moralistic parable by combining it with the equally didactic tale of life in a Soviet-era cancer clinic. After all, wonderful as it is, Tolstoy’s parable of Simon the cobbler and Michael the Angel scarcely applies to a far more modern and Soviet society in the twentieth century.

For purposes of limited space, I would like to consider how this parable applies to only a few of the main *dramatis personae* in Solzhenitsyn’s *Cancer Ward*. They, like a whole host of other characters in the novel, distinguish his more modern and innovative method of story telling through an intricate polyphony of individual responses to Tolstoy’s original proverb question: by what values or personal codes do men live, a question which each of the ward’s patients ultimately must answer over the course of the novel. Written in the form of a series of portraits of various individuals and their disparate views on the meaning of life, Solzhenitsyn’s novel clearly uses as its point of departure the troubling

⁹ Tolstoy, L.N., translated by Louise and Aylmer Maude. *Walk in the Light and Twenty-Three Tales*. The Plough Publishing House: Farmington, PA 1998, p. 143.

¹⁰ *ibid.*

¹¹ *ibid.*, p. 144.

¹² *Solzhenitsyn: Creator and Heroic Deed*. University of Alabama Press: Alabama 1978. p. 73.

¹³ For more on this period of Tolstoy’s writing, see: Jahn, 2002, pp. 113-126; Christian, R. F. *Tolstoy: A Critical Introduction* Cambridge University Press, Cambridge 1969, pp. 263-270.

moral question at the heart of Tolstoy's didactic parable. In Part One of the novel, for example, Solzhenitsyn introduces us to Efrem Podduev, an unsavory opportunist and former Red Army soldier, who we later learn had personally and proudly executed seven members of the Constituent Assembly during the Civil War period in Russia. Further incriminating Podduev's moral sense of values we learn that this liar, cheat, and manipulator has long been haunted by memory of an event shortly following the war, when he had needlessly forced a prisoner work crew to continue digging on a bitterly cold winter day when they were faint and weak from starvation. For years he has been haunted by one of the young prisoners forcing his nearly frozen lips open to tell Efrem: "All right, chief. It'll be your turn to die one day" (207). In subsequent years Efrem singularly indulges in a life of debauchery and wanton womanizing with little to no regard for those whom he callously injured or whose lives he had carelessly ruined. Having wandered aimlessly across Russia over the course of some four decades, Podduev now has been sentenced to an ominous death decree of inoperable tongue cancer. Similar to Tolstoy's story "The Death of Ivan Ilyich", Solzhenitsyn arguably confronts the opportunist Efrem, in Chapter Eight of the novel, tellingly titled "What Men Live By", with impending death as a spiritual vehicle of sorts for purposes of the latter's moral quest. Under the evolving impact of certain death and the spiritual lessons he has just learned from Tolstoy's didactic parables, Podduev gradually achieves a spiritual regeneration of sorts. He painfully realizes that "the whole of his life had prepared [him] for living, not for dying" (97). Robbed of his former "taste for the free life" of an aimless and unscrupulous womanizer, he is suddenly confronted with the realization that not only has his life failed to prepare him for death, but that alone and abandoned he must seek some form of consolation and promise for the future. Ironically, he turns to a book that fellow patient, Oleg Kostoglotov, had "palmed off" on him one evening at the hospital ward. Prior to the onset of his cancer, Podduev never would have turned to stories with titles like "Work, Illness, and Death," "The Chief Law", "Three Old Men," or "Go into the Light While Light There Is," but now faced with death he quietly reads through the entire volume of stories and finds that they somehow "spoke to him". He is particularly struck by one titled *What Men Live By* – oddly enough the very question that he had been pondering himself for the past several weeks. While not as short as the other stories in the volume, this one "...read easily from the start, speaking softly and simply to [his] heart" (102).

Taken off guard by the book's title-riddle, Efrem naively consults his fellow patients for their thoughts on its meaning. Military veterans Sibgatov and Ahmadjan predictably respond with the opinion that uniforms, rations, and military supplies constitute what all men live by. The youngster Dyomka, who had originally brought Tolstoy's collection of stories to the hospital ward without taking the necessary time to read them, unconvincingly suggests that air, then water, then food would meet the needs for all men to survive in life. Predictably, the life-long laborer Proshka opines that one's professional skill would suffice in meeting one's life needs. Having thought a bit more, Sibgatov, "one of Beria's boys", adds that one's homeland – "living in the place you were born" – best addresses Tolstoy's parable of *What Men Live By*. The driven and

ambitious geologist Vadim Zadyrko declares that one's "creative work" for the sake of technological progress best defines the kind of values one needs in order to live. True to his knee-jerk Marxist-Leninist beliefs, the NKVD bureaucrat Pavel Rusanov rudimentarily responds: "There's no difficulty about that. Remember: people live by their ideological principles and by the interests of their society" (107). Confused and dismayed by how close the bald-headed, sycophantic Rusanov had come to capturing the message of the parable, Efrem informs his ward-mates that the answer to the riddle, according to Tolstoy, indeed resides in "not by worrying about [one's] own problems but by love of others" (107). Over the course of several chapters Podduyev apparently finds comfort and hope in his newly found understanding of life.

Taking Podduyev's moral journey an important step beyond the simplistic and spiritual Tolstoyanism of which Rusanov condescendingly accuses Efrem, Solzhenitsyn subsequently subjects the former happy-go-lucky opportunist to a troubling and disturbing challenge to his newly found sense of hope and salvation. To Kostoglotov's medical textbook (*Pathological Anatomy*) claim that there may be a link between the development of tumors and the central nervous system leading to possible cases of self-induced healing and resolution of the tumor, Podduyev responds, "I suppose for that you need to have ... a clear conscience" (136). The fundamental significance of the role of conscience in one's life—a major, underlying theme in all of the Solzhenitsyn's literary works—accounts for Efrem's sense of despondency as he sighs hoarsely: "I've mucked so many women about, left them with children hanging round their necks. My [tumor] will never resolve" (138). If the medical article is correct that spontaneous healing is possible only for people with a pure conscience, Podduyev understands only too well that no amount of Tolstoyan philosophy of moral perfection can save his desperate and cancer-ridden life. Solzhenitsyn employs a well-known Russian proverb a few chapters later to suggest a gradual deterioration in Efrem's newly found optimism as he lies immobile in his hospital bed, no longer reading from Tolstoy's hopeful parable, now merely tapping one finger against the book. To the orderly's entreaty to take some breakfast, Podduyev despondently replies, "*It's no good licking the dishes if you haven't eaten enough at the table/Ne naelsya – ne nalizhesh'sya*" (205). Indeed, a few chapters later the crude and unfeeling orderly, Nelya, callously announces that Efrem had "...shut up shop, he bought his lunch, he did... It happened yesterday at the railway station, just by the ticket office. They've just brought him in for a post-mortem" (259). Having learned of Efrem's death, everyone in the ward became plunged in thought as though examining his own chances for survival.

The engaging yet grim story of the former agriculture professor, Alexei Shulubin, forms a second tier of plot development in *Cancer Ward's* take on Tolstoy's proverb parable *What Men Live By*. Not appearing until the second half of the novel, the tall and stooped Shulubin suffers from cancer of the rectum, whose surgical treatment most certainly will necessitate a life-long colostomy bag. He makes clear that even if he should survive this surgery, the humiliating stench of the bag will render him foul and offensive to all who come into contact with him. In a key discussion with Kostoglotov, Shulubin insinuates that this physical stench may be a just by-product of the moral

foulness that has defined his entire adult and professional life. A graduate of the leading agricultural institute in Russia, the Timiriazev Academy, Shulubin became a lecturer at the University of Moscow, where on orders from his superiors he saved himself by confessing and renouncing his “mistakes” as well as of others who had been accused of propounding subversive doctrines: “They suggested we reshape anatomy, microbiology, and neuropathology to fit in with the doctrines of an ignorant agronomist and an expert in horticulture. Bravo! I agreed! I voted in favor” (438). Consequently, he was demoted from the rank of professor to that of assistant professor and made to change his field from agriculture to biology. Before long the lugubrious man of science was further demoted to librarian, where he was repeatedly called upon to burn ideologically unorthodox books. Having remained quiet during these intellectual purges for the sake of his wife and children, Shulubin now realizes the error of his ways and feels the justice of the physical suffering that has brought him to the cancer ward. Placing blame solely on himself he quotes Pushkin’s famous lines: “In our vile times/... Man was, whatever his element,/Either tyrant or traitor or prisoner!” (439). Since he had never been a prisoner or a tyrant, Shulubin concludes that he is a traitor--both to himself as well as to his country. Oleg’s proverbial response to his friend’s self-incrimination does little to placate the latter: “*A storm breaks trees, it only bends grass/Lomaet v buriu derev’ia, a trava gnyotsia*” (439,482)¹⁴. Similar to Efrem Podduyev’s existential epiphany that transpired earlier in the novel (although via more of an intellectual rather than a spiritual path), Similarly to the angel Michael in Tolstoy’s earlier tale, Shulubin later describes to Kostoglotov the role of *love* in ordering one’s life. Acknowledging his role in the Terror Years of the 1930’s and the subsequent shame he experienced for his cowardice, Shulubin asserts that the insanity of Stalin’s regime cannot be blamed on socialism alone. Posing, instead, an “ethical socialism” as a necessary factor in the design of a socialistic economic society, Shulubin brings to mind the moral of Tolstoy’s parable: “One should direct them [the people] toward mutual affection. A beast gnawing at its prey can be happy too, but only human beings can feel affection for each other, and this is the highest achievement they can aspire to” (447).

Oleg Kostoglotov, arguably the central protagonist of Solzhenitsyn’s novel, similarly sounds a key chord in the author’s treatment of Tolstoy’s proverb-question – *What Men Live By*. Like the other patients in this cancer clinic, Oleg has been stricken by a life-threatening form of cancer, but in his case he is confronted by an even more existential dilemma: is his strain and the location of his cancer worth treating if, ultimately, its treatment means that he will most likely become impotent, unable to satisfy women and to create a family? This particular dilemma, a grave consideration for any individual, takes on an added dimension for Kostoglotov due to the fact that for the first time in more than four years of service in the Great Patriotic War followed by another eight years of exile in a GULAG camp Oleg can contemplate a more productive life as a father of children and now has even made the acquaintance of two promising candidates with whom to enter into married life. Adding even more existential grist to his personal dilemma, Kos-

¹⁴ Mokienko V.M., Nikitina T.G., Nikolaeva E.K. *Bol’shoi slovar’ russkikh poslovits* OLMA media grupp: Moskva 2010, p. 100.

toglotov raises the stakes of his decision whether to take or to refuse his cancer treatment by challenging the cancer clinic's claim that medical science has the right to make this decision for him:

Even before this I thought a lot about the supreme price of life, and lately I have been thinking about it even more. How much can one pay for life, and how much is too much?

It's like what they teach you in school these days, "A man's most precious possession is his life. It is only given to him once." This means that we should cling to life at any cost. But the camps have helped many of us to establish that the betrayal or destruction of good and helpless people is too high a price, that our lives aren't worth it. Some said it was a price one could pay, and maybe it is. But what about this price? To preserve his life, should a man pay everything that gives it color, scent and excitement? (299-300)

When one of the women whom Oleg considers a good prospect for a future marriage, his primary doctor Vera Gangart, inquires why he feels so "awful," Oleg accusingly responds: "It's my morale that's awful. Awful because I know that I'm paying too high a price for my life, and that even you—yes, you—are involved in the process and are deceiving me." (335) The resolution of Kostoglotov's existential dilemma occupies the major portion of this novel, and brings a more twentieth-century response to Tolstoy's original proverb-question: at what price and by which values do we humans live our lives.

A fellow cancer ward patient, Aleksei Shulubin, like so many of the cancer patients in this novel, shares many of the same doubts as Oleg Kostoglotov and struggles with similar issues regarding Tolstoy's seminal question about the fundamental values by which men live. In a key chapter in the second half of the novel, for example, the two patients argue about which of the two has suffered more over the course of his life. Kostoglotov, having survived the challenges of war and the horrors of the GULAG, stands certain that he has suffered more and, therefore, that his lot in life has been the more difficult and challenging. Once he convinces Oleg of the shame and ignominy that he has endured over a lifetime of having to yield to the Soviet state, Shulubin easily wins this dubious context of "who has suffered more."

I saved myself only because I bowed low and kept silent. I kept silent for twenty-five years—or maybe it was twenty-eight, count them up yourself. First I kept silent for my wife's sake, then for my children's sake, then for the sake of my own sinful body. But my wife died. And my body is a bag full of manure—they're going to drill a hole in it on one side. And my children have grown up so callous it's beyond comprehension... We were supposed to confess our 'mistakes'? I confessed them! We were supposed to renounce them? I renounced them! A certain percentage managed to survive, didn't they? Well, I was part of that percentage (442–443).

While not as central a character as Zoya, the seventy-five year old Dr. Oreshchenkov similarly strikes an important chord in the novel's commentary on the kind of values human beings must possess in order to survive. Occupying the position of the cancer clinic's chief diagnostician and most renowned specialist, Dormidont Tikhonovich Oreshchenkov placed little value on medical degrees and doctoral dissertations, claiming that if a man was called an Honored Scientist, it was the end of him as a doctor as he was bound to be more caught up in medical conferences and the writing of books than tend-

ing to the pains and discomforts of his patients. In his opinion once a practicing doctor relies on his professional pedigree, he loses contact with the most important aspect of his profession—the ability to diagnose and to treat everyday, run-of-the-mill patients. It is to him that one of the novel’s multiple protagonists, Ludmila Afanasyevna Dontsova, turns for diagnosis of her cancer. Having seen Dontsova to the door and confirmed her worst fears and suspicions, Oreshchenkov returns to his rocking chair of “black bentwood and yellow wickerwork” to take a steadily increasing and necessary rest:

His body demanded this chance to recoup its strength and with the same urgency his inner self demanded silent contemplation free of external sounds, conversations, thoughts of work, free of everything that made him a doctor. Particularly after the death of his wife, his inner consciousness had seemed to crave a pure transparency....At such moments an image of the whole meaning of existence...came to his mind. The image that he saw did not seem to be embodied in the work or activity which occupied them, which they believed was central to their lives, and by which they were known to others. The meaning of existence was to preserve unspoiled, undisturbed and undistorted the image of eternity with which each person is born (431–432).

This telling and emotional scene trenchantly brings to mind a similar description from Solzhenitsyn’s first full-length novel, *In the First Circle*, where the aging painter Ippolit Kondrashov captures Gleb Nerzhin’s attention with his painting of “The Castle of the Holy Grail”. Confident that his own experiences in life were infinitely more important and meaningful than the imaginative fantasies of this idealistic painter, Gleb nevertheless finds himself strangely drawn to the painting. Similarly to Efrem Podduev’s and Dr. Oreshchenkov’s musings about the real and important values in every man’s life, Kondrashov explains what it is that appeals to Nerzhin in his painting:

Every man is born with a sort of inner essence... It is, so to speak, the innermost core of the man, his essential self. No ‘being,’ nothing extraneous, can determine him. Moreover, every man carries within himself an image of perfection, which is never dimmed and which sometimes stands out with remarkable clarity! And reminds him of his chivalrous duty (333).

This “image of perfection” brilliantly captured by Kondrashov’s painting suggests an intriguing parallel to what Dr. Oreshchenkov understands to be the meaning of existence: both reflect on a freeing of sorts from earthbound cares and preoccupations in favor of a return toward one’s initial sense of perfection, beauty, and eternity.

As noted earlier, unlike the more openly didactic Tolstoy, Solzhenitsyn characteristically embodies his proverb message in a polyphonic structure of a fugue-like theme entoned by an entire series of similar voices all striking the same chord. This is certainly true for a large number of lesser but no less engaging personalities in the novel. The experience of the young nurse, Zoya, for example, resonates with that of so many of the patients and hospital personnel at the cancer clinic. Young and beautiful she understandably is the object of constant attention and unrestrained ogling from the young men in her life. Not at all a prude, Zoya soon tires of the meaningless pawing she suffers at the hands of her male contemporaries, all of whom strike her as totally disinterested in any form of a more permanent and meaningful relationship. Unlike her girl friends at the

medical school who considered that “everything possible should be grabbed from life immediately and with both hands”, Zoya, however felt that “it was never the real thing. It all lacked that stable, deliberate continuity which gives stability to life, indeed gives life itself” (158). Her strong character requires a sense of balance and harmony that defines the moral fabric of the life she yearns for. Unlike the countless Efrem Podduyev’s of this world who live by no other values than immediate personal and sensual gratification, Zoya’s moral code dictates that the life she hopes to establish must be a meaningful and purposeful one. Ironically, one could argue that she partially suspends this code when she decides to withhold the daily Sinestrol intramuscular injections Oleg requires in order to survive his cancer—at a risk, however, of sexual impotence.

The novel’s underlying question of what men live by similarly touches the lives of a wide variety of other patients and doctors in this brilliant narrative, bringing to mind the important comment Solzhenitsyn made at the proceedings of a session of the secretariat of the Board of the Union of Soviet Writers, held on September 22, 1967, where he observed that “the task of the writer is to select... universal and eternal questions, the secrets of the human heart and conscience, the confrontation of life with death, the triumph over spiritual sorrow” as the subject matter for one’s novels¹⁵. This description nearly fifty years ago aptly applies to the Russian author’s novel *Cancer Ward* in which Solzhenitsyn renders Tolstoy’s response to his proverb parable, *What Men Live By*, into an eternal question posed in a fugue of common experiences shared and endured by more than a dozen patients and doctors in a Tashkent hospital in the middle of the last century and, indeed, by countless readers of this novel today.

About the author

Kevin J. McKenna – professor, UVM Green and Gold Professor of Russian Studies Department of German and Russian Waterman Building, University of Vermont 85, South Prospect Street, Burlington, VT 05405; e-mail: <kmckenna@uvm.edu

‘WHAT MEN LIVE BY’: LEO TOLSTOY’S PROVERB-PARABLE AS A SOURCE FOR ALEKSANDER SOLZHENITSYN’S NOVEL, CANCER WARD

Kevin J. McKenna (Burlington, USA)

Abstract

Scholars have long agreed about a close affinity existing between the literary works of Leo Tolstoy and those of Aleksandr Solzhenitsyn. While relatively few studies have compared the nature of these similarities in specific works written by the two authors, this article will make a claim for a real tie between one of Tolstoy’s proverb parables, “What Men Live By”, taken from the period of his 1880’s *stories for the people*, and Aleksandr Solzhenitsyn’s famous novel, *Cancer Ward*.

Keywords: *parable, philosophic issues, comparative analysis, narrative peculiarities.*

¹⁵ Cited by Nicholson, Michael. “Solzhenitsyn and Samizdat”. In: *Aleksandr Solzhenitsyn: Critical Essays and Documentary Materials*, 1975, p. 64.

УДК 821.161.1

«НОВЫЙ РЕАЛИЗМ» КАК ПОПЫТКА ПРЕОДОЛЕНИЯ МИФОПОЭТИКИ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА. ВАЛЕНТИН РАСПУТИН И РОМАН СЕНЧИН

Александр Вавжинчак (Краков, Польша)

Аннотация

Исследовательская задача настоящей статьи заключается в проведении сравнительного анализа повестей Валентина Распутина и произведения Романа Сенчина «Зона затопления». Оба писателя отличаются друг от друга не только жизненным, поколенческим опытом, но, прежде всего, разным эстетическим подходом к творчеству. В своем романе Сенчин предпринимает попытку преодоления мифопоэтического, традиционалистского восприятия мира, характерного для творчества Распутина. Апеллируя к творчеству классика, современный автор предлагает другой, подчиненный художественным принципам «нового реализма» способ описания действительности, стремится развенчать мифологемы, ставшие фундаментом распутинской прозы. Проведенный в статье анализ позволяет сформулировать тезис, что творческий замысел Сенчина трудно назвать успешным, но в то же время он полностью вписывается в извечный спор между «традиционным» и «новым» в искусстве.

Ключевые слова: *Распутин, Сенчин, традиционализм, мифопоэтика, новый реализм, преодоление.*

Динамика литературного процесса всегда была связана с широко понимаемым ходом истории – сменой эпох, политических и социальных строев и, конечно же, сменой художественных и эстетических предпочтений, присущих данной эпохе. Данным процессам подвергалось и подвергается и реалистическое направление, которое в случае с русской литературой XX – начала XXI вв. перетерпело несколько стадий развития. Одной из них был взлет популярности «деревенской прозы» в 60–80-е гг., ставшей частью более широко понимаемого традиционализма. Ярким представителем данного явления стал В. Распутин, творчество которого (в том числе повести «Прощание с Матерой», «Пожар»), затрагивающее злободневную в период 70–80-х гг. тему индустриального развития страны (особенно родной писателю Сибири), которому сопутствовало преобразование, а в крайних случаях – уничтожение не только природного ландшафта, но традиционного русского крестьянского лада, признано сегодня классикой русской литературы. Еще одним воплощением реалистической эстетики стало зарожденное на рубеже второго и третьего тысячелетий течение, названное «новым реализмом». Среди многих его представителей выделяется Р. Сенчин, прозу которого можно рассматривать как своеобразную полемику с распутинским традиционализмом. Целью настоящей статьи стало сопоставление обоих авторов, и прежде всего их взгляда на проблему социокультурных перемен, переживаемых сибирской глубинкой как в 70-е гг. прошлого века, так и в начале нынешнего.

Все творчество В. Распутина широко и многосторонне рассматривалось многими исследователями как в России, так и за рубежом — в США, Германии, Франции, Польше и других странах. Среди прочих стоит отметить труды российских ученых А. Большаковой, Н. Ковтун, И. Плехановой, швейцарского слависта Ж. Нива, американцев К. Партэ, Д. Майклсона, а также польских русистов — В. Ольбрых, В. Пилата, А. Урбан-Подольян и А. Вавжинчака. Практически все авторы, несмотря на разный методологический подход, разную оценку данных произведений и их интерпретаций, называют их «реквиемом по русской деревне» [Wawrzyńczak, 2005, с. 71–73].

Особенной чертой прозы иркутского автора стало мифопоэтическое восприятие действительности, тесно связанное с его приверженностью традиционным народным ценностям, идеям почвенничества и славянофильства. Как отмечает Н. Ковтун, «В. Распутин дает (...) художественное обоснование “общинного чувства”, настаивая, что оно имманентно присуще русскому народу (теория соборности). Будущее нации он видит в “обретении потерянного духа”, религиозном единении, которое выступает залогом процветания страны» [Ковтун, 2017б, с. 210]. Именно эти ценности утверждаются в повестях В. Распутина «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матерой». Мифологическое видение деревенского лада подвергается частичной демифологизации только в повести «Пожар», ставшей одним из тех текстов русской словесности, которые со временем стали восприниматься как предвестники перестройки и последующих общественно-экономических трансформаций, во многом напоминающих очередные социокультурные эксперименты, проводимые на живом организме российского общества.

Если доперестроечное творчество В. Распутина давно уже признано классикой русской литературы XX в., то произведения, созданные после распада СССР, в 90-е и нулевые, воспринимались весьма неоднозначно. К тому времени уже прогремели заявления о конце «деревенской прозы», «тупике», в который якобы загнали себя писатели-«деревенщики». Н. Лейдерман и М. Липовецкий, указывая на ряд особенностей данного течения — апелляцию к традиционным духовным ценностям, определяющим «нравственный кодекс народной жизни», выстраивание эстетического идеала, основанного на почве «житейского опыта, труда на земле, в непосредственном контакте с природой», — в то же время отмечали формирование стереотипа «произведения о малой родине», мифологизацию деревенского уклада жизни, в результате чего «утопия выдавалась за идиллию» [Лейдерман, Липовецкий, 2001, с. 55–56]. Отметим, что в перестройку и первые годы постсоветской эпохи данное утверждение стало общепринятым, особенно в польской русистике.

Одной из причин такого положения вещей был общий кризис реализма в мировой литературе, усугубленный в России крахом соцреалистической модели литературы, которую заменил постмодернизм. Однако к концу 1990-х реалистическая традиция, лучшее из которой на закате советской эпохи продолжали именно «деревенщики», нашла новых наследников, которые ставили себя в оппозицию к доминирующей постмодернистской эстетике, воспринимаемой как эффектив-

ный и, главное, эффектный метод преодоления советского (соцреалистического) дискурса в русской литературе. Новоявленные соперники постмодернизма, как правило принадлежащие поколению, рожденному на рубеже 60–70-х гг., руководствовались принципом описания реальности «без идеализации, без символики, без обобщения, на уровне физиологических очерков» [Бондаренко, 2003]. Название новому направлению дал один из ярчайших его представителей Сергей Шаргунов, выступивший в 2000 г. в журнале «Новый мир» с программной статьей «Отрицание траура», в которой провозгласил появление в литературе «нового реализма» (Шаргунов, 2000). В течение всего нескольких лет состоялся дебют и других молодых авторов, которых критика стала называть «новыми реалистами»: Олег Павлов (1999), Роман Сенчин (2001), Захар Прилепин (2004) и другие. Среди прочих откликов и рецензий выделяется мнение А. Ганиевой, которая определила «новый реализм» как «литературное направление, отмечающее кризис пародийного отношения к действительности и сочетающее маркировки постмодернизма (...) с установкой на экзистенциальный тупик, отчужденность искания, неудовлетворенность и трагический жест» [Ганиева, 2010].

Отметим, что представителей «нового реализма» объединяет не политическая позиция или мировоззрение, а неоднократно заявляемая и реализуемая в их творчестве апелляция к достоянию традиционалистской прозы. Она присутствует в творчестве З. Прилепина, С. Шаргунова, М. Тарковского и Р. Сенчина. Проза последнего из перечисленных авторов представляет для данной статьи особый интерес, так как он неоднократно апеллирует к наследию именно автора «Прощания с Матерой».

Произведения Р. Сенчина уже давно вызывают интерес критики и исследователей, причем не только в России, но и за рубежом. Причину данного успеха довольно точно определил российский литературный критик С. Беляков, отмечавший, что «Россию девяностых и нулевых будут изучать по рассказам и повестям Сенчина, как мы изучаем Францию XIX века по романам Оноре де Бальзака и Эмиля Золя» [Беляков, 2011]. Действительно, в произведениях рожденного в Туве прозаика изображены жесткие реалии постсоветской России, терзаемой экономическими проблемами, повсеместной коррупцией и беспределом чиновников на всех уровнях административной лестницы – от районного руководства до кабинетов в министерствах. Образ страны у Сенчина однозначно мрачен и, главное, безнадежен, что позволило исследователям называть его творчество депрессивным [Jastrzębska, 2016, с. 75]. Мир, в котором приходится жить героям произведений, поражает своей враждебностью к простым обывателям, как правило, жителям сибирских городов или поселков, всегда отличавшихся отдаленностью от центра страны, заброшенностью, цивилизационным отставанием, которое в эпоху постсоветского цивилизационно-культурного кризиса только усугубилось. Особенно ярко данную проблему изобразил Р. Сенчин в двух своих романах – «Елтышевы» и «Зона затопления», действие которых развивается на двух «маленьких родинах» писателя – в Республике Тыва и Красноярском крае.

Оба произведения изобилуют перекличками с творчеством В. Распутина, причем представитель «нового реализма» не столько продолжает и развивает темы и сюжеты произведений классика русской литературы XX в., сколько спорит с ними, даже опровергает их. Итак, в романе «Елтышевы» легко обнаружить критическую полемику с последней повестью иркутского прозаика «Дочь Ивана, мать Ивана». В распутинском тексте героиня – Тамара Ивановна и ее семья – ведут неравный бой за справедливость, который вынуждает героиню, мать, пойти на преступление. Тамара Ивановна предстает перед читателем как носительница тех же ценностей, что присущи героиням ранних произведений В. Распутина – она хранительница семейных ценностей, домашнего очага, заступница чести и жизни своих детей. С ее заключением за совершенное преступление семья, несмотря на усилия ее членов, начинает деградировать, однако возвращение матери из тюрьмы дает надежду на возрождение семейного счастья. Мифопоэтический образ женщины – хранительницы семейного лада остается у Распутина прежним, незыблемым, несмотря на то, что общее положение российского общества на заре нового тысячелетия оценивается весьма негативно.

Тем временем героиня произведения Р. Сенчина – семейство Елтышевых, столкнувшись с куда менее трудной ситуацией, ставшей результатом безалаберности главы семьи, заставившей их покинуть город и жить в деревне, оказываются абсолютно не готовыми к ударам судьбы. Мрачная действительность нищенствующей провинции, подобно болоту, постепенно погружает два поколения Елтышевых – родителей и их детей – в ужас окружающей их реальности. Последствием становятся пьянство, нравственная деградация и поочередная смерть всех членов семьи. Художественное изображение мира у Сенчина лишено какой-либо мифологизации и идеализации, оно сугубо реалистично, даже натуралистично, его герои предстают апатичными обывателями, неспособными противостоять ударам судьбы, постепенно превращающимися в дегенератов. Русский человек, сибиряк, представляемый Распутиным на протяжении десятилетий как последний оплот человечности, безжалостно разоблачается Сенчиным и предстает не как жертва, а как, пусть невольный, но все же соучастник социально-экономических процессов, вызванных кризисом 90-х гг. И все же наиболее яркой попыткой опровержения мифопоэтического восприятия мира Распутиным стал роман Сенчина «Зона затопления», прямо апеллирующий к двум повестям классика – «Прощание с Матерой» и «Пожар».

Исследовательница традиционалистской прозы Н. Ковтун отмечает, что произведение Сенчина «начинается там, где заканчивается текст Распутина» [Ковтун, 2017а, с. 83]. Напомним, «Прощание с Матерой» заканчивается следующей сценой: «Богодул протопал к двери и распахнул ее. В раскрытую дверь, как из разверстой пустоты, понесло туман и послышался недалекий тоскливый вой – то был прощальный голос Хозяина. Тут же его точно смыло, и сильнее запестрило в окне, сильнее засвистел ветер, и откуда-то, будто споднизу, донесся слабый, едва угадывающийся шум мотора» [Распутин, 2001, с. 191]. Судьба Матеры предре-

шена, однако герои повести стараются жить хоть толикой надежды, что не все еще потеряно. Ответ хранится где-то там, в тумане, накрывшем остров. Туман же символизирует в народной культуре не только приближающуюся гибель, но и неведение [Ковтун, 2017а, с. 83]. Надежда на спасение «деревенской Атлантиды» присутствует и в повести «Пожар», в которой Распутин констатировал деградацию сознания человека, русского крестьянина, потерявшего под деструктивным влиянием технократической советской цивилизации связь с природой и традицией. Однако события, последовавшие вскоре после выхода повести, привели не только к краху мифологии «деревенской» прозы, но и к развалу всей страны, в условиях которой «деревенщички» эту мифологию отстаивали.

В созданном четыре десятилетия спустя произведении Сенчина, построенном на схожем с повестями В. Распутина принципе злободневности художественного текста, читатель погружается в действительность уже другой страны. За эти годы произошли существенные изменения – сформировался другой политический и экономический строй, наступила свобода выражения мысли, взглядов, существенно повлиявшая на развитие литературы, однако проблема культурно-экономического развития деревни осталась столь же острой. Поэтому замысел романа Р. Сенчина «Зона затопления» вполне оправдан. Автор, ощущая преемственность проблематики и сюжета, в то же время представляет картину мира, сильно отличающуюся от классического источника. Отказавшись от мифопоэтической эстетики, писатель делает ставку на максимальную приближенность к действительности, даже в какой-то мере публицистичность сюжета.

Отрицание мифопоэтической, сакральной эстетизации в сочетании с полемикой в адрес классика начинается уже с первой главы романа, озаглавленной «Мужской разговор». Ассоциация с рассказом В. Распутина навязывается здесь сама собой, а переключка с текстами мастера выстраивается сразу на нескольких уровнях, и первый из них – самый поверхностный, гендерный. Ясно, что у мужчин и женщин есть свои, часто очень далекие друг от друга темы для разговоров. В данном случае сокровенным беседам героинь рассказа о женской судьбе и ценностях, которые женщине надлежит хранить, противопоставлен абсолютно тривиальный разговор двух чиновников, которые обсуждают вопрос о возможности продолжить строительство гидроэлектростанции, видя в этом исключительно способ добиться карьерного роста. Сенчин сразу же вводит читателя в жесткие реалии современности, в которой личный успех стал для многих, особенно власть имущих, самоцелью. Амбиции двух чиновников приводят в движение огромную административно-бюрократическую машину, которая резко меняет судьбу жителей территории, подлежащей затоплению в случае завершения заброшенного некогда проекта.

По мере развития действия «Зоны затопления», кроме основного сюжета, появляются очередные, побочные, напрямую апеллирующие к литературному наследию В. Распутина. Самым ярким в этом плане представляется сюжет главы «В чужую землю». В нем описаны похороны старожилы деревни Пылево –

крестьянки Натальи Сергеевны. Деревня уже ждет переселения, однако старушку, в силу отсутствия транспорта, решают похоронить на местном кладбище. Последние похороны в деревне предвещают скорый конец самого поселения, однако оставшиеся в нем жители не испытывают ни сожаления, ни желания отстаивать свои права. Для них эта земля, на которой они родились и на которой жили их предки, так и не стала родной. Пылево существует несколько столетий, однако очередное поколение его жителей не чувствует связи с этим местом. Сотни лет назад их предки прибыли в Сибирь, в «чужие земли» в поисках лучшей жизни, сотни лет ее осваивали, а она так и осталась «чужой». Используя важный для распутинского мировоззрения мотив похорон и памяти, Сенчин выстраивает абсолютно противоположную по своему значению картину. Память не является даром, залогом верности традиции и, больше того, человечности. Для героев писателя она утратила сакральное значение, однако последние в деревне похороны на мгновение пробуждают в них желание отдать долг традиции: «Смерть старого, обессиленного, изработанного человека – это дело, конечно, обычное, а вот прощание с ним всей деревней, опускание в ту землю, на которой прожил жизнь... От этого народ отвыкал, и это волновало, удивляло, тревожило» [Сенчин, 2015, с. 51].

У Пылева нет будущего, но и у его жителей перспективы после переселения далеко не радужные. Постсоветская действительность кажется им еще страшнее предшествующей. Государство вроде бы изменилось, стало демократичным, соблюдающим законность, однако в нем царит безразличие к гражданам, не особо отличающееся от практик тоталитарного советского прошлого: «Да когда-то за сутки целые народы грузили на транспорт и отправляли на тысячи километров. Было такое, но теперь все делалось вроде бы по закону, с соблюдением прав, и процесс шел медленно, кое-как» [Сенчин, 2015, с. 76]. За годы советского строя многие к нему привыкли, плохое забылось, поэтому жесткие реалии сегодняшнего дня порождают чувство разочарованности, и даже ностальгии. Гроб Натальи Сергеевны выстилают красным сукном – последним, что осталось от прежнего строя. Ее похороны приобретают статус символического прощания с тем временем, когда жизнь иллюзиями и надеждами на «светлое будущее» не воспринималась еще как наивность. У хоронивших старушку жителей Пылева надежд, по сути, не осталось. Им не дано погрузиться, как героям «Прощания с Матерой», в туман, за которым, возможно, их ждет чудо. Будущее сегодняшних крестьян очевидно и безнадежно.

Примечательно, что в «Зоне затопления» нет ни одного запоминающегося героя, в то время как у Распутина их целая галерея: старухи Дарья, Сима, Наталья, юрод Богодул, наконец, Иван Петрович из «Пожара». В случае сенчинских персонажей ни покойная Наталья Сергеевна, ни Алексей Брюханов, ни Юрий и Татьяна Мерзляковы даже частично не проявляют такой самоотверженности и харизмы. Никто из них не в состоянии отстоять каких-либо ценностей, в том числе и семейных, чему примером служат Мерзляковы – некогда дружное семейство, они подаются на развод, правда, в отличие от других, делают это «без пыли до потолка, без позора» [Сенчин, 2015, с. 56].

Жителям Сибири всегда была присуща внутренняя свобода, которая в свое время способствовала территориальным завоеваниям, освоению «чужих земель» Сибири. Именно таким качеством – внутренней свободой – обладали герои Распутина. Жители же сибирской глубинки начала XXI в., описываемой в «Зоне затопления», лишены воли к действию, борьбе за свои права. Они помнят подвиги предков, но сами не в состоянии противостоять беспределу государственной бюрократии: «Все собравшиеся от почти стариков-родителей до этих пятилетних-семилетних ребяташек, крепкие, здоровые, знающие как жить здесь, были теперь растеряны, бессильны, прибиты» [Сенчин, 2015, с. 70]. К борьбе готовы лишь единицы – те, кто всегда проявлял инициативу, сумел в непростых условиях постсоветской действительности честным трудом и предприимчивостью добиться успеха и кому грозит потеря достигнутого. Но в конфронтации с коррумпированными чиновниками, местной администрацией и они оказываются бессильны. Цивилизационное бытие в романе «изначально связано со страхом, насилием, жестокостью» [Ковтун, 2017а, с. 85], которые ощущаются на протяжении всего сюжета, характеризующегося кольцевой композицией: повествование начинается с похорон одной из жительниц деревни и заканчивается катаклизмом в День Пасхи – когда группу героев, собравшихся на городском кладбище, настигает вода из прорванной плотины. Вместо Воскресения Господня наступает Судный День. По сути, это единственная сцена в произведении, построенная как раз на мифологическом, библейском мотиве, но, в отличие от распутинских образов, она не несет надежду на будущее, не утверждает континуум человеческой экзистенции, а предвещает ее трагический исход.

Р. Сенчин намеренно уходит от мифопоэтических образов даже когда затрагивает явно распутинский вопрос конфликта человека с природой. При этом в «Зоне затопления» данный конфликт во временной перспективе решается в пользу природы: «Обезлюдители деревеньки (...) и сырая темная тайга сразу наваливалась на отвоєванные у нее когда-то деляны; дикие травы засыпали огороды, дворы, улицы семенами, сосны и ели швыряли расщеперенные шишки, на срубках поселялся мох, расползался по плахам крыш лишайник. (...) Природа забирала обратно свою территорию» [Сенчин, 2015, с. 77]. Если Распутин только предостерегал перед неумеренным вмешательством человека в природу, деструктивным, прежде всего, в сфере нравственной кондиции человека, то для Сенчина оно становится печальным фактом реальности. Этап нравственного разрушения уже пройден, за ним же идет физическое уничтожение, или, скорее самоуничтожение человека. Природа же как вечная ценность способна возродиться – пусть даже в своей первобытной форме, в виде мхов и лишайников.

В споре с наследием «деревенской» прозы, В. Распутина в частности, Сенчин не ограничивается лишь сюжетными переключками и их разоблачительной развязкой, а прямо указывает на субъект. В одном из эпизодов звучит очень резкая оценка претензий на участие в процессе преобразования страны и общества, которую взяли на себя «деревенщики». При этом свои претензии современный литератор не

высказывает напрямую, а вкладывает их в уста одного из героев. Брюханов – речь идет именно об этом персонаже – в детстве любил читать книги и из школы вынес убеждение в том, что литература учит «(...) как надо, а как не надо, что хорошо, что плохо» [Сенчин, 2015, с. 204]. Жизнь скорректировала юношеские, наивные, идеи и любовь к словесности у героя прошла. Брюханов вспоминает даже телепередачу о встрече известного писателя, в котором легко узнается Распутин, с жителями поселений, которые должны быть затоплены при строительстве новой ГЭС: «Написавший книгу про свою затопленную родину все потирал глаза, кривил, как от боли лицо. Молчал... Словно на место скорого природного бедствия они приехали, осматривали то, что должно быть вот-вот уничтожено, каким-нибудь ураганом, цунами. Но ведь не природное бедствие надвигалось на деревню и на весь этот край, а рукотворное. Остановимое» [Сенчин, 2015, с. 205]. Указание на бессилие писателя становится доказательством бессилия литературы в целом, ее неспособности реализовать нравственно-духовную миссию.

Таким образом, можно утверждать, что роман Р. Сенчина «Зона затопления» не только попытка преодоления мифопоэтического восприятия мира, как в творчестве В. Распутина, но и традиционализма в целом. Можно считать ее оправданной, учитывая весь комплекс перемен, которые на протяжении последних трех-четырех десятилетий произошли в общественно-политической и культурной жизни страны. Критерием, играющим, несомненно, в пользу Р. Сенчина, следует признать метаморфозы литературного процесса – смену эпох, эстетических и художественных предпочтений, писательских поколений, обладающих новым опытом, – которые влияют на иное творческое развитие существующих ранее мотивов и их нового прочтения. И все же основным критерием оценки, по нашему убеждению, остаются художественные качества, поэтому в вышеописанном случае, в силу отмечаемой критикой артистической слабости выведенных Сенчиным персонажей, лишенных психологической достоверности, а также излишней публицистичности текста и идейной тенденциозности [Ковтун, 2017а, с. 86], полемика «нового реалиста» с классиком русского традиционализма разрешается явно не в пользу первого.

Библиографический список

1. Беляков С. Роман Сенчин: неоконченный портрет в сумерках [Электронный ресурс] // Урал. 2011. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2011/10/be11.html> (дата обращения: 13.11.2018).
2. Бондаренко В. Новый реализм [Электронный ресурс] // Завтра. URL: <http://zavtra.ru/blogs/2003-08-2071> (дата обращения: 13.11.2018).
3. Ганиева А.А. Не бойся новизны, а бойся пустозвонства [Электронный ресурс] // Знамя. 2010. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/3/ga17.html> (дата обращения: 13.11.2018).
4. Ковтун Н.В. Историоризация мифа: от благословенной Матёры к Пылёво (об авторском диалоге В. Распутина и Р. Сенчина) // Вестник Омского государственного педагогического университета. 2017а. № 4 (17). С. 81–87.

5. Ковтун Н.В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков. Генезис, мифопоэтика, контексты. М.: Флинта: Наука, 2017б. 597 с.
6. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература. М.: Изд-во УРСС, 2001. Кн. 2: Семидесятые годы (1968–1986). 286 с.
7. Распутин В.Г. Собрание сочинений. Калининград: Янтарный сказ, 2001. Т. 2. 638 с.
8. Сенчин Р.В. Зона затопления. М.: АСТ, 2015. 384 с.
9. Jastrzębska K. Депрессивная проза Романа Сенчина // Tradycja i nowoczesność. Język i literatura Słowian Wschodnich. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, 2016. С. 72–80.
10. Wawrzynczak A. Naród i państwo w twórczości pisarzy rosyjskich nurtu wiejskiego. Kraków: Universitas, 2005. С. 210.

Сведения об авторе

Вавжинчак Александр – доктор филологических наук, филологический факультет, Институт восточнославянской филологии, Ягеллонский университет (Польша); e-mail: aleksander.wawrzynczak@uj.edu.pl; sa-vav@yandex.ru

NEW REALISM AS AN ATTEMPT TO OVERCOME THE MYTH-POETICS OF TRADITIONALISM. VALENTIN RASPUTIN AND ROMAN SENCHIN

Aleksander Wawrzyńczak (Cracow, Poland)

Abstract

The research task of this article is to conduct a comparative analysis of the novels of Valentin Rasputin and the Roman Senchin's novel "The Flood Zone". Both writers differ from each other not only in life, generational experience, but above all in a different aesthetic approach to creativity. In his novel, Senchin attempts to overcome the mythopoetic, traditionalist perception of the world characteristic of Rasputin's work. Appealing to the creativity of the classic writer, the modern author offers another, subordinated to the artistic principles of "new realism", a way to describe reality, seeks to debunk the mythologies that have become the Foundation of Rasputin's prose. The analysis carried out in the article allows us to put the thesis that the creative idea of Senchin is hardly successful, but at the same time it completely fits into the eternal dispute between the "traditional" and "new" in art.

Keywords: *Rasputin, Senchin, mythopoetic, traditionalism, new realism, overcoming.*

Bibliograficheski spisok

1. Beljakov S. Roman Senchin: neokonchennyj portret v sumerkah [Jelektronnyj resurs] // Ural. 2011. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2011/10/be11.html> (data obrashhenija: 13.11.2018).
2. Bondarenko V. Novyj realizm [Jelektronnyj resurs] // Zavtra. URL: <http://zavtra.ru/blogs/2003-08-2071> (data obrashhenija: 13.11.2018).
3. Ganieva A.A. Ne bojsja novizny, a bojsja pustozyonstva [Jelektronnyj resurs] // Znamja. 2010. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/3/ga17.html> (data obrashhenija: 13.11.2018).
4. Kovtun N.V. Istorizacija mifa: ot blagoslovennoj Matjory k Pylevo (ob avtorskom dialoge V. Rasputina i R. Senchina) // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. № 4 (17). S. 81–87.
5. Kovtun N.V. Russkaja tradicionalistskaja proza HH–HHI vekov. Genesis, mifopojetika, konteksty. M.: Flinta: Nauka, 2017. 597 s.
6. Lejderman N.L, Lipoveckij M.N. Sovremennaja russkaja literatura. Kniga 2. Semidesjatyje gody (1968–1986). Moskva: Izd-vo URSS, 2001. 286 s.
7. Rasputin V.G. Sobranie sochinenij. Kaliningrad: Jantarnyj skaz, 2001. T. 2. 638 s.
8. Senchin R.V. Zona zatopenija. M.: AST, 2015. 384 s.
9. Jastrzębska K. Depressivnaja proza Romana Senchina // Tradycja i nowoczesność. Język i literatura Słowian Wschodnich. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, 2016. S. 72–80.
10. Wawrzyńczak A. Naród i państwo w twórczości pisarzy rosyjskich nurtu wiejskiego. Kraków: Universitas, 2005. 210 s.

About the author

Wawrzyńczak Aleksander – Doctor of Philology, Institute of East Slavonic Philology, Department of Philology, Jagiellonian University (Poland); e-mail: aleksander.wawrzynczak@uj.edu.pl; sa-vav@yandex.ru

УДК 82'06

РОМАН З. ПРИЛЕПИНА «САНЬКЯ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА

В.А. Степанова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Статья посвящена осмыслению преломления традиционалистской системы координат – социокультурной, ценностной – в романе «нового реалиста» З. Прилепина «Санькя». Сохранение памяти о сакральности родовых связей переплетается с нежизнеспособностью прежних стратегий: нивелируются образ героя-интеллектуала, героя-воина, героя патриархального склада. Последовательно развенчиваются стратегии, которые в традиционализме позволяли обрести выход из кризисной ситуации, – обращение к слову, к национальной идее. В изменившемся мире, утратившем ориентиры, превратившемся в хаос невозможен даже переход в смерть / вечность, роман обрывается в момент ожидания смерти физической, но традиционных кодов, сопровождающих переход в инопостранство, нет, что также свидетельствует о необходимости обретения новых оснований.

Ключевые слова: традиционализм, новый реализм, Прилепин, герой-интеллектуал, герой-воин, герой патриархального склада.

Постановка проблемы. Роман З. Прилепина «Санькя» (2006) принято трактовать в аспекте социально-политической картины мира Новейшего времени. Кризис национальной идентичности, репрезентация нового «русского бунта», проблема очередного «потерянного поколения» – очевидные предпосылки для использования социологического подхода к анализу текста. Тем не менее осмысление романа требует и диахронического подхода: произведения «новых реалистов», к числу которых исследователи относят З. Прилепина, так или иначе являются откликом на слом культурной парадигмы, связанный с перестройкой, на утрату ориентиров (идеологических, культурных, ценностных), утрату универсалий как таковых; «новый реализм» продолжает, переосмысляет и трансформирует тенденции, заданные традиционалистской прозой 1960–1990-х гг. Примечательно, что сам автор в эссе «Ваше императорское величие» говорит о себе: «я последний писатель деревни» [Прилепин, 2012, с. 430]. Но если традиционалисты, осмысляя кризисность литературного направления, ставят под сомнения способы достижения идеала, но не их ценность, новое поколение писателей переосмысляет и сами ценности, и саму возможность их достижения. В этом ключе – разочарования в прежних ориентирах и поиска новой системы координат – написаны поздние произведения В. Распутина, Б. Екимова, эта же тенденция, но уже без попытки воссоздания традиции присутствует в текстах М. Тарковского «Замороженное время», «Енисей, отпусти», «Бабушкин спирт», Р. Сенчина «Елтышевы», «Зона затопления», С. Шаргунова, Г. Садулаева, А. Варламова и т.д.

Критика обращается к теме «деревни» в прозе Прилепина [Богатырева, 2014; Селеменева, 2014], как правило, в контексте оппозиции «деревня – город», включающей в себя противостояние «прошлое – будущее», «традиция – прогресс», но в этой оппозиции уже неизбежно возникает третье звено: столица – провинциальный город – деревня. Надо сказать, что преодоление бинарных пространственных и социокультурных оппозиций, выход к тернарности характерен для «постдеревенской прозы». Так, в произведениях В. Распутина появляется троичность: «старая деревня» (затопленная) – новая деревня (или райцентр) – город. У М. Тарковского несколько иное решение: город – деревня – тайга.

В рамках данной статьи мы рассмотрим роман З. Прилепина «Санькя» через призму традиционалистской картины мира. *Цель* статьи – рассмотрение социокультурных, ценностных аспектов традиционалистской картин мира в их модификации.

Само название романа отсылает нас к «деревенскому прошлому» – так зовет героя только бабушка. Старик (у «деревенщиков» чаще старуха) и внук – архетипическая пара, символизирующая цикличность жизни, но в «новом реализме» внуки уже взрослые и чужие, а выросшие дети, как правило, глупо гибнут в изменившемся мире. Противостояние молодых, юношей, представителей нового поколения, и поколения «отцов», которые покинули родовые пределы, заявлено с первых строк романа. Мир взрослых представлен как статичный, мертвый, а члены «Союза созидателей» сосредоточены в действии, но – при этом – постоянно находятся в пути, ведущем в неизвестность (подобное описание новых революционеров дает и С. Шаргунов в романе «1993», Р. Сенчин в произведении «Лед под ногами» и т.д.). В поведении народа, собравшегося на митинг, подчеркивается обреченность: «словно они пришли сюда из последних сил и желают здесь умереть» [Прилепин, 2009, с. 7], при этом на молодых «союзников» еще возлагаются надежды: «крепкие, ясные старики с интересом, надеждой и легким сомнением всматривались в Сашу и Веню» [Прилепин, 2009, с. 8]. Уже в самом начале подчеркивается потенциал разрушения, определяющий саму деятельность: «Мы маньяки, мы докажем! – истово, ладно, хором орал строй» [Прилепин, 2009, с. 12]. Погром улиц города – как первая репрезентация деятельности «Союза созидателей» – сопровождается дорогой, устланной цветами, среди которых гвоздика – так вводится похоронная символика: изуродованные, расчлененные манекены только усиливают данную коннотацию.

В романе последовательно осмысляются и отвергаются предложенные традиционалистами 1960–1980-х гг. выходы из ситуации кризиса. Не срабатывает **обращение к слову** (у В. Распутина в последней повести «Дочь Ивана, мать Ивана» слово остается одним из немногих сохранившихся оснований бытия), так, бабушка в роман «Санькя» говорит: «Как же, Васькя так много книг прочел, нешто ни в одной книге не написано, что водку нельзя пить?» [Прилепин, 2009, с. 38]. Среди персонажей присутствует и **герой-интеллектуал** – Безлетов, чья говорящая фамилия уже маркирует его стратегию как нежизнеспособную, так проявляется стигматизирующая функция слова. Безлетов – доцент, преподава-

тель философии, сначала с сочувствием относится к деятельности «союзников» (его образ неразрывно связан с сюжетом о похоронах отца Саши), но эта позиция дана ретроспективно, в плане повествования же герой говорит о бессмысленности действий. Именно в диалогах между Сашей и Безлетовым заявлены и раскрыты противоречия таких ценностных ориентиров, как идея национальной идентичности или религиозной, духовной жизни. Философ формулирует свою позицию: «И родины уже нет. Все, рассосалась! <...> Здесь пустое место. Здесь нет даже почвы. Ни патриархальной, ни той, в которой государство заинтересовано, как модно сейчас говорить, геополитически. И государства нет» [Прилепин, 2009, с. 72]. Рассуждения Алексея Константиновича отсылают к теории пассионарности Л. Гумилева, идее повторяющегося цикла развития этноса, в котором взрыв формирует новый этнос. Но его позиция – позиция невмешательства, самоустранения, отказ от жизни. Более того, во второй развернутой беседе героев Безлетов прямо сошлется на концепцию евразийства, но уже с негативной коннотацией: «Основываясь на чем вы будете строить будущее? На детских стихах Костенко? Или на его безумной философии кочевника евразийских пространств?» [Прилепин, 2009, с. 261]. Саша видит Безлетова «холуйствующим либералом» и выносит приговор: «от вашего поколения не останется и слова, которое можно за вас замолвить. Труха гнилая вы» [Прилепин, 2009, с. 267]. Ставший чиновником при губернаторе, философ продолжает проповедовать: «Саша, ужас в том, что твоя душа умрет раньше, чем ты сам!» [Прилепин, 2009, с. 363]. Однако слова, выдаваемые за истину, опровергаются самим статусом Безлетова. Так, тип **героя-интеллектуала** дискредитируется в романе, а в финале именно Безлетов будет выброшен «союзниками» из окна. Нежизнеспособность данного типа подтверждается и смертью от пьянства Сашиного отца – философа. При этом очевидно, что причины нежизнеспособности – разные: духовное предательство Безлетова и отказ от убийственной жизни отца – так воплощаются стратегии репрезентации бессилия поколения.

Другой категорией, основополагающей для картины мира «деревенщиков», является труд. Бытование патриархальных героев неизменно связано с трудом, с необходимостью приносить пользу («распутинские старухи», образ Михаила Пряслина в тетралогии Ф. Абрамова, в рассказе «Вдова Ньюра» В. Личутина и т.д.). Отход от труда, от земледельческого цикла, замена труда торгашеством неизменно оборачивается опасностью, утратой себя и в прозе «новых реалистов» (Сергея из «Стройки бани» М. Тарковского, Артем из романа «Елтышевы» Р. Сенчина и т.д.). В романе «Санькя» в изменившемся мире труд тоже утратил свою ценность: «Для стариков работа – это землю пахать или – завод, или больница, или школа... И они правы. Но сегодня такой труд стал – в большинстве случаев – уделом людей не очень удачливых, загнанных жизнью» [Прилепин, 2009, с. 40]. Более того, и деревня не живет больше привычным трудом: остались одни старики, хозяйство пришло в запустение. В романе описывается, как постепенно опустошилось деревенское хозяйство, а с ним распался и уклад жизни.

Уходит и **герой патриархального склада**: в деревне не осталось мужиков. Вообще мотив смерти молодых мужчин, детей «распутинских старух», лейтмотивом проходит через прозу «нового реализма» (М. Тарковский, Р. Сенчин, В. Распутин, Б. Екимов), при этом старухи остаются «зажившимися», в романе бабушка замечает: «Мы с дедом думали – ляжем рядом с младшим сыночком, а Колька и Васья в наши могилки улеглись. Нам и лечь теперь негде» [Прилепин, 2009, с. 38].

Раннюю гибель этого поколения нарратор объясняет просто: «...ездили все пьяные. И сразу же начали биться. Разбивались жутко, вдрызг» [Прилепин, 2009, с. 41].

Бабушке Саньки еще открыта связь с метафизическим: ей снится вещий сон, что сыну Васе плохо, она приезжает в город, и сын после операции оправляется. Но второй раз ей уже не дано ни прозреть, ни отвести смерть. Сашино письмо приходит бабушке уже после смерти отца: «Ты в письме писал, что отцу хорошо. Я читаю, а он уж в могиле. Не то ему там хорошо стало. Мучился всю жизнь...» [Прилепин, 2009, с. 43]. Смерть как избавление от мук, как переход в инобытие – традиционный мотив текстов «деревенщиков». Но умирание деда выписано уже в ином ключе: во-первых, умирание связано не с подошедшим сроком, но «последний сын ушел, и дед раздумал жить» [Прилепин, 2009, с. 44]. Более того, память – основная характеристика патриархальных героев – утрачена дедом, остались лишь «отзвуки, недоговорки, обмылки воспоминаний» [Прилепин, 2009, с. 44].

Еще не зная о смерти деда, Саша, избитый, в больнице назовет себя сиротой, именно эта утрата связи с родом воспринимается как необратимая: «Дед умер... Нет теперь больше других Тишиных. Он один – Саша» [Прилепин, 2009, с. 198]. При этом смерть отца явлена прежде всего через неурядицу проводов: автобус застрянет в сугробе, раскрывшийся при падении гроб, который затем волокут на веревках, угроза замерзнуть в лесу и – Хомут, друг отца, которого ночью «как толкнули»: «Фуфайку набросил, запряг и поехал было. Моя проснулась, зашумела, крикунья-то, давай меня раздевать, коня распрягать, а я говорю: “Вася там замерз. Поеду”» [Прилепин, 2009, с. 111], – так проводы Василия все-таки становятся путем домой, что подтверждает и пришедшее письмо.

Но опустошение деревни затрагивает и Хомута: он покончил с собой после ссоры с сыновьями. Самоубийство патриархального героя (а о его принадлежности к данному типу говорит и прозвище, и нахождение при лошадях, и то, что ему «все нипочем») – признак катастрофы, нежизнеспособности этого типа в новом мире, недаром Саша отмечает, что друга отца мучает «смертная тоска».

Отец Саши умирает от сердца, эта же причина смерти Комиссара, который «последние лет пять ни черта не делал, только наблюдал за селянами, с самого утра стоя у загородки, на нее оперевшись» [Прилепин, 2009, с. 40]. Бездеятельность деревенского мужика – характеристика онтологической катастрофы, ухода от взаимодействия с внешним миром. Подобный же сюжет подробно описан в повести М. Тарковского «Бабушкин спирт»: Дядька «так сократил количество действия, что почти впал в некий анабиоз <...> В оцепенении его не было ничего жалкого» [Тарковский, 2014, с. 239]. Его бездеятельность, созерцатель-

ность – уход от мира, он отказывается принимать его новые законы, но и восстановить старые не в состоянии, соответственно, оцепенение – возможность не участвовать в происходящем: «если бы все так забастовали, то проучили бы извертевшийся мир, и жизнь снова обрела бы тот вдумчивый строй, когда говорил человек с природой без посредников» [Тарковский, 2014, с. 244].

У Э. Прилепина, однако, другие акценты: бездеятельность означает уход витальности, оборачивается смертью. Тема «безотцовщины» как признака поколения осмысливается в романе в нескольких аспектах. Так, Саша замечает, что «отец никогда им не занимался, даже разговаривал с сыном редко. Так сложилось: отец и не нуждался в общении, а Саша не навязывался; впрочем, можно и наоборот – отец не навязывался, а Саша тогда не нуждался еще» [Прилепин, 2009, с. 69]. Парень объясняет себе суть деятельности через родство, кровную связь со страной, но при этом рассуждает, что «союзовцы» – «безотцовщина в поисках того, чему мы нужны как сыновья...» [Прилепин, 2009, с. 145]. Но тут же дискредитирует отцов реальных: «Есть и с отцами “союзники”. Но им не нужны отцы... Потому что – какие это отцы... Это не отцы» [Прилепин, 2009, с. 145]. Так, тип патриархального героя, мужика, вышедшего из деревни, вообще поколение отцов тоже признается нежизнеспособным и бессмысленным.

Следующий тип, который возникает в романе, тип **героя-воина**. В традиционалистской прозе воин, как правило, наделялся функцией защитника, был связан с образом Георгия Победоносца, сама же война была его священным долгом (и, разумеется, речь шла о Великой Отечественной). В романе «Санькя» воины – солдаты локальных конфликтов – Афганистан, Чечня, что сразу придает их образам иной статус. Более того, когда к «союзовцам» подходит афганец, его принимают за пьяного. Он сам определяет свое бытие так: «Я здесь на людей смотрю» [Прилепин, 2009, с. 80]. Бездеятельность его юноши понимают как страх: «тебе ведь, как я понимаю, надо, чтобы все вокруг стреляли – тогда и самому начать проще. В толпе, да?» [Прилепин, 2009, с. 82]. Воин уже не может стать освободителем, он – один из толпы. При этом Костенко, основатель партии «Союза создающих», сочетает военное прошлое (офицер в отставке) и интеллектуальное начало (философ и поэт), совокупность которых и порождает действие. Но и он закрыт в тюрьме, лишен возможности сопротивляться.

По сути, функцию освободителей берут на себя «союзовцы», однако их деятельность, изначально называемая клоунадой лишь противниками, в итоге превращается в перформанс и в их глазах: «В Питере пацаны-“союзники” насадили прямо на шпиль здания администрации чучело президента, что, собственно, и послужило поводом для вызова Матвея в Кремль, а в Рязани вывели на митинг стадо баранов, голов в тринадцать, с табличками, на которых значилось название главной президентской партии. Баранов пытались изъять как вещественное доказательство, но “союзники” отдали только таблички...» [Прилепин, 2009, с. 212]. Клоунада / шутовство подразумевает взаимопроницаемость двух миров: профанного и сакрального (в данном контексте – идеологического). При этом миссия

шута (этот образ отчасти восходит к архетипу трикстера) требует отречения от себя. Шутство одних «союзников» вынуждает других перейти к решительным действиям: последние акции – суть акт заклания себя ради идеи. А. Макариус подчеркивает: «сакральность не имеет ничего общего с добродетелью, интеллектом или достоинством: трикстер производит священное, нарушая табу, что и придает ему магическую силу – которая, в свою очередь, отождествляется со священным» [Makarius, 1993, p. 84]. Акт сознательного саможертвования подтверждают и слова Саши: «Такие, как ты, спасаются, поедая Россию, а такие, как я, – поедая собственную душу» [Прилепин, 2009, с. 363]. Трикстер, по Е. Мелетинскому, действует в паре с культурным героем, который может упорядочить мир. Раздвоение внутри партии – отражение персонажей-двойников: когда действие трикстера приводит к краху, должен появиться культурный герой. Но в романе саможертвование героев не приводит к упорядочиванию, гармонизации мироздания, что свидетельствует о хаотичности изменившегося мира: жертва не релевантна в мире хаоса. Дуальность мировосприятия в 1990–2000-х гг. трансформируется в плюрализм, структура мира становится децентрализованной, ризоматичной: нет ориентиров, разрушена идентичность, нет единой идеологии.

Попытку простроить идентичность предпринимают «союзники», в тексте представлена рефлексия о национальной и религиозной идентичности. Очевидно, что эти идеи – одни из ключевых конструктов традиционалистской прозы. Крушение прежнего, патриархального мира констатирует Безлетов: «Россия не вынесет еще одной ломки – сама разломится на части – и уже никаким совком ее не собрать тогда. <...> Ни общего Бога, ни веры в будущее, ни общих надежд, ни общего отчаянья – ничего нет, ни одной скрепы! Только власть» [Прилепин, 2009, с. 266]. Переосмыслению прежних конструктов и поиску новых оснований и посвящены искания героев.

Идея национального самосознания во многом определяет развитие традиционалистской прозы, в 1990–2000-е гг. мотив сохранения / самоспасения нации звучит все настойчивее (повесть В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана», Б. Екимова «Пастушья звезда» и т.д.). В романе З. Прилепина национальная идея, во-первых, отмежевывается от национализма. Окружающие люди, тот самый «народ», интересы которого представляет партия, воспринимают их через код национализма: их называют «эсэсовцами», актуализируя связь с фашизмом как радикальную националистскую стратегию, милиционер, выпускающий «союзников», арестованных за столкновение с кавказцами, принимает их за националистов. Но нарратор отмечает: «И еще потому было немного гадко, что милиционер решил, будто пацаны с ним заодно – против тех, кого он назвал “чернозадыми”. Но они не были заодно...» [Прилепин, 2009, с. 93].

Само столкновение с кавказцами фиксирует трансформацию оппозиции «свой – чужой» в национальном аспекте. С одной стороны, место столкновения традиционное – рынок. С другой – столкновение происходит не на национальной почве. Причиной конфликта становится шутка, ерничество, и – хотя шутка пар-

ней затрагивает национальную идентичность – тем не менее суть насмешки – потребление и торговля. Саша, убегая от милиции, прячется вместе с пареньком-кавказцем: «Вот устроим революцию, всех гадов перебьем, я приеду к тебе в Алма-Ату, будем чай пить на веранде» [Прилепин, 2009, с. 88].

Вообще национальный аспект подчеркивается на протяжении всего романа: один из «союзников» – хохол, в больнице Саша знакомится с евреем, а Верочкина мама переписывалась с дагестанской девочкой. Усиление конфликта на национальной почве отчасти связано с попыткой обрести новую национальную идентичность: разные нации, чьи государства входили в состав СССР и воспринимались как «свои», часть Советского Союза, теперь атрибутируются как «чужие» и враждебные. Тем не менее название партии «Союз» отсылает и к СССР тоже, закономерно, что национализм – не основная идея «союзников». «Этноцентризм» З. Прилепина подробно рассмотрен в статье М. Липовецкого «Политическая мотторика Захара Прилепина», где он представлен как механизм формирования «негативной идентичности» [Липовецкий, 2012].

В разговоре с Безлетовым Саша настаивает: «Я сказал, что не нуждаюсь ни в каких национальных идеях. Понимаете? Мне не нужна ни эстетическая, ни моральная основа для того, чтобы любить свою мать или помнить отца...» [Прилепин, 2009, с. 71]. Попытка определить границы национальной идентичности затрагивает и отношения понятий «родина» и «государство», и оппозицию «деревня – город».

Уже в позднем рассказе В. Распутина «В ту же землю» сказано: «Деревня, продолжая еще стоять под небом, под государством больше не стояла» [Распутин, 2007, с. 244]. Отчужденность деревни от государства – важный знак, деревня принадлежит не внешнему законопорядку, но подчиняется надмирным законам, связана с природным, архетипическим началом, отделена от производства и торговли. В повести Б. Екимова «Предполагаем жить» (2008) главный герой призывает всех к уединению и покою (уехать в деревню, отречься от суеты), отказ отстраниться от мирского неизменно и прямолинейно приводит к смерти. М. Тарковский рассматривает деревню / поселок как промежуточное звено и сакрализует пространство тайги.

М. Селеменова в статье «Пространственные образы романа З. Прилепина “Санья”» выделяет «три образа-топоса – Москва, провинциальный город («пятьсот верст от столицы»), деревня» [Селеменова, 2014, с. 64]. Провинциальный город представляется пограничным пространством (аналогичным райцентру в текстах традиционалистов). Очевидно, что деревня – пространство «дедов», прошлого; при этом коннотации детства, принадлежности роду в тексте демонстрируются как утрачиваемые. Избывание деревенского хозяйства: в стойле нет «ни одной мохнатой души» [Прилепин, 2009, с. 34] – отражает утрату витальности, разрушение традиционного уклада (ср. с рассказом А. Солженицына «Матренин двор», повестью Б. Екимова «Холушино подворье»). Деревенские новости сводятся к перечислению умерших. З. Прилепин прямо ассоциирует деревню с Россией: «Каждый

русский писатель хоть немного деревенщик, если он – русский. Вся Россия – деревня, и чуть-чуть рассыпано провинциальных городов» [Прилепин, 2008, с. 242–243].

В финале романа молодые ребята стараются скрыться в деревне: их путь дублирует похоронный путь отца Саньки: тот же мороз, бездорожье. Но если похороны завершаются в деревне, путь пройден, и отец обрел свое место в родовых пределах, то путь бегства обрывается, требует возвращения. Дед, у которого нашли приют «союзовцы», отмечает: «скоро побежите все, как поймете, что от вас устали. Но бежать будет некуда: все умерли, кто мог приютить. В сердцах ваших все умерли, и приюта не будет никому...» [Прилепин, 2009, с. 320]. По сути, деревня, т.е. Россия, Родина, перемещается в пространство инобытия. Обращенность в вечность – признак энотопоса – уже невозможно обрести в пространстве реальном (в традиционализме повестью «Прощание с Матерой» завершаются попытки найти «землю обетованную» в пространстве географическом, поиск становится ментальным), соответственно, поиск осуществляется в пространстве инобытия.

В этом ключе возвращение «союзовцев» в город приобретает иной контекст: невозможно обрести себя, найти ориентиры в пространстве деревни, однако возвращение в город – как акт заклятия себя, т.е. перемещение не пространственное, а ментальное, дает надежду на приобщение к вечности.

С мортальными мотивами тесно связан и религиозный контекст. Так, в разговоре с Безлетовым Саша говорит: «Лучше тихо отойти в мир иной». Безлетов отвечает: «Лучше. Перед Богом это – лучше» [Прилепин, 2009, с. 72]. Стратегия героя-интеллектуала кажется «союзовцам» нежизнеспособной, поэтому их способ перехода в инобытие перекликается с революционными мотивами (хотя, по сути, они оспаривают именно пассивность перехода): Саше приходит в голову искаженная строчка из стихотворения Н. Гумилева «Старые усадьбы»: «Русь бредит Богом, красным пламенем, где видно ангелов в дыму...». В оригинале – «сквозь дым», искажение совмещает образы ангелов с пространством пожара (=безумия).

В традиционном пространстве деревни старик (патриархальный герой) фиксирует изменение позиции Бога: с милосердного на карающего: «Господь нетерпеливый стал: знать, устал от нас. Раз знак подаст, поставит вешку, два, на третий раз оглоблей по хребту, напополам ломает» [Прилепин, 2009, с. 319]... Старик же разоблачает следование формальным церковным ритуалам: «Вы там в церкву, говорят, все ходите. Думаете, что, натоптав следов до храма, покроете пустоту в сердце. Люди надеются, что Бога приручили, свечек ему наставив. <...>. А откуда им, глупым, знать, что Он задумал, что по Его воле, а что от попустительства Его?» [Прилепин, 2009, с. 320].

Один из молодых «союзовцев», Олег, отвечая на вопрос о вере в Бога, рассказывает: «У нас снайпер был. Иногда нательный крестик клал в рот перед выстрелом. Говорил, помогает» [Прилепин, 2009, с. 327]. Соединение религии с насилием развивает мысль о том, что в мире не осталось ничего, кроме власти и силы. В финале Саша повторит этот жест: «Извлек нательный крестик, положил в рот. <...>

В голове, странно единые, жили два ощущения: все скоро, вот-вот прекратиться, и – ничего не кончится, так и будет дальше, только так» [Прилепин, 2009, с. 367]. Это описание перекликается с явившимся Саше пониманием того, как человек создан по образу и подобию Божиему. Сашин жест понимается двояко: это не столько готовность к убийству (как в рассказе Олега), сколько готовность умереть.

Санька говорит: «Россию питают души ее сыновей – ими она живет. Не праведниками живет. А проклятыми. Я ее сын, пусть и проклятый» [Прилепин, 2009, с. 363]. По сути, смерть / самозаклание (гибнет самый юный из «союзников» – Позик, остальные находятся в состоянии готовности к неизбежности) является единственной возможностью приобщиться к Родине. Былые идеалы на протяжении всего романа подчеркиваются как нежизнеспособные, ушедшие в небытие, а мир реальный – мир хаоса, утраченной Родины и ориентиров. Переход в смерть суть продолжение поиска новых оснований.

В «новом реализме» этот поиск предполагает несколько стратегий: переход в инобытие (Прилепин, Сенчин, Садулаев («Иван Ауслендер»)), уход от цивилизации (М. Тарковский), но достаточно часто встречается мотив растерянности и неизвестности («1993» С. Шаргунова, «Лед под ногами» Р. Сенчина, «Неизвестность» А. Слаповского, «Патриот» А. Рубанова).

Библиографический список

1. Богатырева А.И. Деревня в творчестве Захара Прилепина (на материале романа «Санькя» и сборника рассказов «Ботинки, полные горячей водкой») // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2014. № 3. С. 9–13.
2. Липовецкий М. Политическая моторика Захара Прилепина // Знамя. 2012. № 10. С. 167–183.
3. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. Исследования по фольклору и мифологии Востока. М.: Восточная литература, 2000. 406 с.
4. Прилепин З. К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. М.: Астрель, 2012. 447 с.
5. Прилепин З. Санькя. М.: Ад Маргинем Пресс, 2009. 368 с.
6. Прилепин З. Я пришел из России. СПб.: Лимбус Пресс, 2008. 256 с.
7. Распутин В.Г. В ту же землю // Собрание сочинений: в 4 т. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. Т. 4: В ту же землю: повесть, рассказы. С. 237–285.
8. Селеменова М.В. Пространственные образы романа З. Прилепина «Санькя» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. № 3. С. 63–71.
9. Тарковский М. Бабушкин спирт // Избранное. Новосибирск: Издательский Дом «Историческое наследие Сибири», 2014. С. 238–272.
10. Makarius L. The Myth of Trickster: The Necessary Breaker of Taboos // Mythical Trickster Figures: Contours. Tuscaloosa: University of Alabama Press, Contexts, and Criticisms, 1993. P. 66–87.

Сведения об авторе

Степанова Василина Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: burivouh@mail.ru

Z. PRILEPIN'S NOVEL «SANKYA»: TRANSFORMATION OF TRADITIONALISM

V.A. Stepanova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The article is devoted to interpreting the traditional system of coordinates – socio-cultural, value-based – in the novel “Sankya” by the “new realist” Z. Prilepin. The preservation in the memory of sacral nature of clan ties is intertwined with inviability of the previous strategies: the images of character-warrior, character-intellectual, character of patriarchal mindset are leveled out. Successively, the strategies which traditionally allowed to find the way out of crisis situations – resorting to Word, to the national idea – are down-graded. In the new, considerably changed world, that lost value orientations and turned into chaos, even the transition to death or eternity is impossible. The novel ends at the moment of physical death approach but there are no traditional codes accompanying one to some other space. Nothing like this. And it testifies to the necessity of obtaining new foundations.

Keywords: *traditionalism, new realism, Prilepin, character-intellectual, character-warrior, character of patriarchal mindset.*

Bibliograficheskij spisok

1. Bogaty`reva A.I. Derevnaya v tvorchestve Zaxara Prilepina (na materiale romana «San`kya» i sbornika rasskazov «Botinki, polny`e goryachej vodkoj») // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2014. № 3. S. 9–13.
2. Lipoveczkij M. Politicheskaya motorika Zaxara Prilepina // Znamya. 2012. № 10. S. 167–183.
3. Meletinskij E.M. Poe`tika mifa. Issledovaniya po fol`kloru i mifologii Vostoka. M.: Vostochnaya literatura, 2000. 406 s.
4. Prilepin Z. K nam edet Peresvet: otchet za nulevy`e. M.: Astrel`, 2012. 447 s.
5. Prilepin Z. San`kya. M.: Ad Marginem Press, 2009. 368 s.
6. Prilepin Z. Ya prishel iz Rossii. SPb.: Limbus Press, 2008. 256 s.
7. Rasputin V.G. V tu zhe zemlyu // Sobranie sochinenij: v 4 t. Irkutsk: Izdatel` Sapronov, 2007. T. 4: V tu zhe zemlyu: Povest`, rasskazy`. S. 237–285.
8. Selemeneva M.V. Prostranstvenny`j obrazy` romana Z. Prilepina «San`kya» // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2014. №3. S. 63 – 71.
9. Tarkovskij M. Babushkin spirt // Izbrannoe. Novosibirsk: Izdatel`skij Dom «Istoricheskoe nasledie Sibiri», 2014. S. 238–272.
10. Makarius L. The Myth of Trickster: The Necessary Breaker of Taboos // Mythical Trickster Figures: Contours. Tuscaloosa: University of Alabama Press, Contexts, and Criticisms, 1993. P. 66–87.

About the author

Stepanova Vasilina Andreevna – Candidate of Philology, senior lecturer of the Department of World Literature and Methodic's of teaching Faculty of Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail: burivouh@mail.ru

УДК 81'23

ТОЧКА ЗРЕНИЯ И ОЦЕНКА В РУССКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ НАЧАЛА XVII в.

Т.В. Михайлова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Статья посвящена проблеме функционирования оценочных номинаций исторических лиц, ставших героями позднерусских Повестей Смутного времени. *Цель* статьи – рассмотреть взаимоотношения различных типов точек зрения на исторических персонажей, присутствующих в нарративе русских публицистических текстов начала XVII в. (далее в тексте – ПСВ), опираясь на анализ оценочных номинаций.

Анализ научной литературы по проблеме показывает, что исследователи форм представления образов автора и персонажей опираются на труды представителей русской «формальной школы». Выясняется, что повествовательный публицистический текст характеризуется оценочностью, выражаемой через точки зрения. Характер оценки, по мнению автора, зависит от точки зрения, выраженной в нарративе. В настоящей статье описаны три точки зрения, которые влияют на тип номинации. В рассмотренных текстах представлены все типы точек зрения, но более частотными являются нарраториальная недиегетическая и персональная недиегетическая, а персональная диегетическая представлена лишь в «самозванческих» контекстах.

Методы исследования опираются на анализ контекстов, где выявляются приемы оценки персонажей – политических деятелей эпохи.

Результаты исследования заключаются в описании разновидностей точек зрения, представленных в текстах ПСВ.

Выводы, к которым приходит автор, таковы: система оценочных номинаций, представленная в ПСВ, зависит от типа точек зрения, присутствующих в конкретном тексте.

Авторский вклад в изучение проблемы функционирования оценочных номинаций исторических лиц поздней древнерусской эпохи состоит в точном и подробном определении средств номинации, применяемых для характеристики отдельных лиц и групп лиц в текстах, в характеристике средств указания связи между идеологиями книжников и их персонажей и средств выражения их оценки.

Ключевые слова: *начало XVII в., повести Смутного времени, нарратология, точки зрения в тексте, оценка политических персон, система оценочных номинаций, двунаправленность оценки, субъектная перспектива высказывания.*

Постановка проблемы. Точка зрения и оценка – понятия достаточно близкие, т.к. предполагают одного субъекта речи. Субъект *видит* (наблюдатель), *говорит* (субъект речи – повествователь, рассказчик) и *оценивает* (субъект оценки). Все три вида субъектов могут совпадать в высказывании и в тексте, могут различаться, могут совпадать частично. Современные филологические исследования с большим интересом рассматривают различные соотношения типов субъектов в пространстве текста.

Цель данной статьи – рассмотреть взаимоотношения различных типов точек зрения на исторических персонажей, присутствующих в нарративе позднерус-

нерусских текстов Повестей Смутного времени начала XVII в. (далее в тексте – ПСВ), опираясь на анализ оценочных номинаций.

Обзор исследований по проблеме работы. «Точка зрения» – это важная категория теории повествования, т.е. нарратологии. В рамках этой теории объектом исследования считается повествовательный текст «любого жанра и любой функциональности» [Шмид, 2008, с. 9], противоположный по структуре изложения дескриптивному тексту.

Как известно, нарратология сложилась как самостоятельная научная дисциплина на Западе в русле структурализма в 1960-е гг., хотя разработкой основных категорий обязана исследованиям русских формалистов 1920-х гг. В.Б. Шкловскому, Б.В. Томашевскому¹. Сильное влияние на становление нарратологии оказали также исследования конца 1920 – начала 1930-х гг. В.Я. Проппа, М.М. Бахтина², а позднее, в 1970-е гг., – работы Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, Б.О. Кормана³.

Концепция Б.А. Успенского рассматривает проявление точки зрения на различных уровнях и в разных планах анализа. Для нашего исследования актуальным является уровень «оценки, или идеологии». Согласно Б.А. Успенскому, это «самый общий уровень, на котором может проявиться различие авторских позиций» [Успенский, 1995, с. 19]. Функция «точки зрения» в плане идеологии – показать, каким образом автор оценивает и идеологически воспринимает изображаемый им мир. Идеологическая оценка может даваться как с одной, доминирующей (авторской) точки зрения, так и с точки зрения персонажа. Возможны случаи смены авторских позиций – тогда можно говорить о различных идеологических точках зрения. Носителем идеологической точки зрения может быть автор, рассказчик или персонаж.

Лингвистика подошла к проблеме изучения точки зрения в рамках антропоцентрического подхода к языку и тексту. Работами А.А. Потебни, В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, Л.В. Щербы были заложены принципы современного анализа текста. Сближается с понятием «точки зрения» понятие «наблюдатель», принятое в лингвистических исследованиях с середины 1980-х гг. [Апресян, 1986; Падучева, 1995]. Развивая идею о включенности в языковую семантику параметров коммуникативной ситуации, Е.В. Падучева рассматривает понятие «наблюдателя», выступающего в качестве «заместителя говорящего» в нарративных текстах. Нарратив, с точки зрения лингвиста, «характеризуется неполноценной коммуникативной ситуацией, и лингвистика нарратива – это лингвистика неполноценных коммуникативных ситуаций» [Падучева, 1995, с. 41]. Вследствие этого повышается значение субъективной модальности и дейксиса, выраженных в нарративном тексте, поскольку позволяет произвести ряд корректировок в сознании читателя с той целью, чтобы воспринимать речевую ситуацию нарратива как «каноническую коммуникативную ситуацию» [Там же, с. 42].

¹ Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 266 с.; Томашевский Б.В. Теория литературы: Поэтика. Л.: Госиздат, 1925. 233 с.

² Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969. 168 с.; Бахтин М.М. Слово в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 7–180.

³ Успенский Б.А. Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970. 256 с.; Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.; Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. 113 с.

Один из самых авторитетных современных исследователей в области нарратологии В. Шмид сделал анализ различных подходов к изучению проблемы функционирования точки зрения в тексте. Среди большого множества классификаций видов текстов, основывающихся на различных типологиях точки зрения и нарратора, он выделяет два важнейших бинарных противопоставления в повествовательном тексте «недиегетический» – «диегетический» и «нарраториальный» – «персональный» [Шмид, 2008, с. 124]. Современная теория повествования, опираясь еще на платоновское понимание «диегесиса» ('повествование'), *диегетическим* называет нарратора, «который повествует о самом себе как о фигуре в диегесисе» [Шмид, 2008, с. 82]. «Недиегетический нарратор» повествует только о других фигурах повествования. Вторая оппозиция («нарраториальный» – «персональный») связана с тем, что нарратор может выражать свою точку зрения и персональную точку зрения одного или каждого из нескольких персонажей [Там же, с. 82].

Основываясь на данной классификации текстов, рассмотрим функционирование оценочных номинаций лица в публицистических текстах о Смуте начала XVII в. Публицистический характер повестей Смутного времени предполагает выражение точки зрения в первую очередь на уровне идеологии (по классификации Б.А. Успенского), тогда как другие уровни (планы) – фразеологический, пространственно-временной, психологический – в рассматриваемых текстах, по-видимому, не представлены.

Авторы ранних произведений об эпохе Смуты, появившихся еще до окончания смут, чаще всего преследуют идеологические или политические цели. Они менее заботятся о точной передаче событий для потомков, нежели о политическом или нравственном влиянии на читателей-современников: поэтому они более обсуждают и оценивают факты, чем описывают их.

Публицистические черты характерны для двух крупнейших повествований о Смуте, составленных в первые годы царствования Михаила Федоровича, – Временника Ивана Тимофеева и Сказания Авраамия Палицына. И в том и в другом труде над изложением фактов преобладает желание обличить пороки московского общества и ими объяснить происхождение смут. В зависимости от такой задачи и наблюдаем отсутствие хронологической последовательности у обоих писателей, пробелы в фактических показаниях, обилие отвлеченных рассуждений и нравоучений.

Позднейшие труды о Смуте времени царя Михаила и царя Алексея отличаются от ранних произведений большей объективностью и большей фактической точностью в изображении Смуты. Но и в них изложение часто бывает подчинено или условным риторическим приемам (что особенно заметно в произведениях князя Семена Шаховского), или одной общей точке зрения (например, агиографической – в житиях, официальной – в рукописи Филарета и т.п.) общего литературного шаблона.

Далее рассмотрим, как оценивались некоторые важные русские персоны конца XVI – начала XVII вв., с каких и чьих точек зрения производилась их оценка в

анализируемых текстах. По нашим наблюдениям, в ПСВ представлены все типы точек зрения, но наиболее частотными являются нарраториальная недиегетическая и персональная недиегетическая. Персональная диегетическая представлена лишь в «самозванческих» контекстах. Нарраториальная диегетическая точка зрения, как представляется, в данных публицистических текстах не выражена.

Нарраториальная недиегетическая точка зрения – это «панорамная точка зрения». Автор в позиции «всеведущего» и «вездесущего» субъекта знает, что делают герои повествования, о чем думают, чего желают и чем все для них закончится.

Авторы, от имени которых строится историко-публицистическое повествование, не являются персонажами самого текста. Оценка, репрезентированная ими в текстах, является точкой зрения определенной социальной группы, к которой они принадлежат. Возможно, что это и их собственная точка зрения, а возможно, что собственную точку зрения они не смеют выразить. Дело в том, что многие создатели анализируемых повестей в действительности часто сами являются участниками исторических событий. Так, например, Авраамий Палицын в 1610 г. ходил вместе с великим посольством под Смоленск к Сигизмунду III Августу и, получив от польско-литовского короля охранные грамоты на земли и права монастыря, уехал обратно в Москву. Закончил он свою жизнь в Соловецком монастыре, куда был сослан в 1620 г. С.И. Шаховской в период Смуты «отбегал» в Тушинский лагерь к Лжедмитрию II, служил Сигизмунду III Августу. И.А. Хворостинин занимал почетную должность кравчего при дворе Лжедмитрия I. Позднее И.А. Хворостинин был обвинен в еретичестве и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь.

Именно в это время и были написаны самые религиозные из всех историко-публицистических произведений о Смуте. Все эти факты говорят, по мнению автора статьи, о том, что «у писателей были особые цели риторического воздействия на читателя – оправдательные. Основной задачей автора была самореабилитация, он хотел отвести от себя обвинения...» [Коротченко, 1998, с. 15].

Реальный автор, участник событий, описанных в ПСВ, и абстрактный автор, нарратор, строящий свой текст по образцам и эталонам, соответствующим, в его представлении, жанру «сказаний», «слов», «временников», не идентичны друг другу.

Персональные точки зрения – это точки зрения персонажей. Персонаж, как известно, это важнейшая текстовая категория. «Через систему персонажей выражается единое авторское представление о человеке в его взаимоотношениях с природой, обществом и историей...» [Тамарченко, 1997, с. 36]. Русская филологическая школа, как литературоведческая, так и лингвистическая, рассматривала категорию персонажа в ряду таких категорий, как «образ автора», «точка зрения», «хронотоп»⁴.

¹ Бахтин М.М. Автор и герой в пространстве художественного текста // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1989; Виноградов В.В. О художественной прозе // Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 56–175; Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л., 1987.

Методы исследования. Как уже говорилось выше, согласно нарративной теории, персональные точки зрения могут быть двух видов.

Персональная диегетическая точка зрения – это точка зрения какого-либо персонажа на самого себя.

Персональная недиегетическая точка зрения – это точка зрения какого-либо персонажа на другого участника событий.

Рассмотрим систему оценочных номинаций, функционирующих в тексте ПСВ, на основании трех точек зрения.

1. Нарраториальная недиегетическая точка зрения и оценочные номинации. Оценка, которую получают персонажи повествования с этой точки зрения, строится, как уже отмечалось выше, на групповой оценке, основывающейся на идеологии православных элит того времени. Этим и объясняется одна характерная особенность номинаций, принадлежащих к данной точке зрения, – большинство из них относится к постоянным оценочным номинациям. В повествовании можно выделить персонажей с постоянной положительной оценкой.

Постоянную положительную оценку, с какой бы точки зрения она ни давалась, в ПСВ всегда имеют царь Иван IV Васильевич, царь Феодор Иванович, царевич Дмитрий. К именам этих персон всегда добавляется оценочная номинация. В ПСВ имена этих персон практически никогда не употребляются в нейтрально-информативных контекстах. Оценочные номинации при характеристике этих лиц можно воспринимать как постоянные эпитеты, принятые как образцовые и имеющие жанровую закрепленность, например:

Благочестивому и храброму во царьхъ великому князю Ивану Васильевичю всеа Росіи самодержцу, дошедшу кончины лѣтъ, его же скипетра и всея державы... (САП, стлб. 476);

И по немъ ошашася его царскаго корене двѣ пресвѣтліи отрасли, сынове его, царевичъ Феодоръ Ивановичъ всеа Русіи, да мній его братъ царевичъ Дмитрей Ивановичъ всеа Русіи... (ИС, стлб. 1);

Великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Росіи сынъ его, благовѣрный царевичъ Дмитрій Ивановичъ... (ИС, стлб. 82);

Святая же душа благочестиваго и добробобѣднаго мученика царевича Димитрія... (ЖЦД, стлб. 881).

В ПСВ присутствуют персонажи с постоянной отрицательной оценкой.

Характеристика этих лиц допускает два уровня: нейтрально-информативный и оценочно-идеологический. К таким персонажам в текстах ПСВ можно отнести Марину Мнишек. Оценка Марины почти всегда выражена с точки зрения недиегетического нарратора, и эта оценка постоянна и строится примерно на одних и тех же основаниях во всех текстах ПСВ.

Нейтрально-информативный уровень. Этот персонаж может быть представлен в повествовании в нейтральных контекстах (что, по нашим наблюдениям, почти невозможно для двух главных «злодеев» ПСВ – для Бориса Годунова и для Григория Отрепьева).

Например, автор может сообщить о персонаже, опираясь на релятивную семантику, выраженную в номинациях (*дщерь, жена*):

*...пребываючи у Юрья Мнишка въ Сердомиръ городе, и возлюби у него **дщерь, именемъ Маруху**...* (СГО, стлб. 721);

*...да **Ростригина жена Маруха** зъ женами...* (СГО, стлб. 753).

Оценочно-идеологический уровень. Точка зрения автора на Марину Мнишек эксплицируется с помощью оценочных номинаций. В нарративе ПСВ семантика оценочных номинаций, относящаяся к этому персонажу, основывается на отношении лица к той или иной конфессии. Для автора данных оценочных высказываний важным является то, что Марина не православная:

*...той же злый еретикъ Гриша многіе гонцы посылая въ Литву зъ драгими дары, а **прося Люторки за себя**.* (СГО, стлб. 737);

*...Гришка Отрепьевъ женился въ Полишь у пана Юрья Сердоминскаго, взялъ дочь ево дѣвку, именемъ Маринку... **такову же понялъ еретицу и врагоугодницу въры и ерести Римской**...* (СЦФИ, стлб. 822–823).

Думается, что и значение лексемы «*блудница*» актуализирует в первую очередь сему ‘принадлежность к ненастоящей вере’ и лишь затем характеристику сексуального поведения Марины:

*и тое же **прежеписанную Маринку блудницу** на ложе къ себѣ **пріят*** (ППРМГ, стлб. 227).

Оценочные номинации при характеристике Бориса Годунова почти всегда обязательны. Наиболее к частотным номинациям этого персонажа можно отнести «*лукавый, окаянный, святоубийца, лукавый рабъ*». Количество номинаций столь велико, что можно выделить несколько групп, отличающихся различными основаниями для экспликации оценки.

Номинации репрезентируют качества характера Бориса Годунова:

*Той же **лукавый** Борисъ... и посла своихъ злосовѣтниковъ **вослѣдѣ князя Ивана Петровича*** (ИС, стлб. 6);

*Онъ же **зломысленный проиырь лукавый**, за много лѣтъ сего желая и до-ступая...* (ИС, стлб. 12);

*Сицевая же зря царь Борисъ, иже вознесся отъ магистрскаго чина, владыка самодержавець поставися, **яко нѣкогда и Василій Македонскій: аще и ненаучень сый писаніамъ и вѣщемъ книжнымъ, но природное свойство цѣлоносно имѣя*** (ПКХ, стлб. 531);

*И еще повѣле правителю **злонравному и лукавому властолюбцу** Борису Годунову...* (СЦФИ, стлб. 779);

*Борисъ же **злонравный** Годуновъ...* (СЦФИ, стлб. 774);

*...**злонравной и лукавый прелестникъ** Борисъ Годуновъ* (СЦФИ, стлб. 777).

Номинации репрезентируют социальное положение Бориса Годунова – Борис не царского рода, «рабъ»:

*пумышдяти **лукавый той рабъ*** (ИС, стлб. 6);

отъ перваго рабоименнаго въ Росіи царя Бориса... (ВИТ, стлб. 389),
а родственник:

И по малъ времени, отъ боляръ никто, ему же имя Борисъ Федоровнчъ Годуновъ, и единокровнымъ союзомъ царю близочень (ПККР, стлб. 565).

Номинации репрезентируют действия и результат действий Бориса Годунова:

...сей Борисъ, злолестный и лукавый святоубийца... (СЦФИ, стлб. 792);

...Борисъ же, злонравной и лукавой прелестникъ и губитель православной вѣры... (СЦФИ, стлб. 777);

злпроклятому Борису Годунову... (СЦФИ, стлб. 783).

Постоянство оценки, выраженное в номинациях рассмотренных исторических лиц, говорит о сформированном общественном отношении (во всяком случае, на уровне официальной идеологии) к данным лицам. В текстах ПСВ есть лицо, по отношению к которому не выработалось единства взглядов среди авторов, – речь идет о Василии Шуйском.

В повествовании этот персонаж, как и персонажи с постоянной отрицательной оценкой, представлен на двух уровнях – нейтрально-информативном и оценочно-идеологическом.

Нейтрально-информативный уровень. Нейтральные по своей оценке номинации могут касаться «доцарского» периода жизни Василия Шуйского:

И сотвори царь тако, послуша того словеси его, посылаетъ отъ своего лица нѣкоего вѣрнаго своего болярина, зовома князя Василія Ивановича Шуйского... (ЖЦДМ, стлб. 907).

Кроме того, безоценочные номинации данного лица объясняются необходимостью выразить оценку другим персонажам микротекста:

Слышавъ же царь и великій князь Василей Ивановичъ всеа Русіи неистовыхъ сихъ плотоядныхъ звѣрей стремленіе... (ИС, стлб. 115).

И все же номинаций нейтрально-информативного характера, относящихся к Василию Шуйскому, в повествовании очень мало.

Оценочно-идеологический уровень. Все оценочные номинации, данные с рассматриваемой нарраториальной недиегетической точки зрения, можно разделить на две группы.

Положительно-оценочные номинации.

«Страдалец за правду» – положительная оценка строится на основании борьбы с еретиком «Гришкой»:

*И открь Богъ преждепоминаемому **первострадалцу** болярину князю Василию Ивановичю Шуйскому того законопреступника и розстригу, богомерскую его ересь разумѣти...* (ПКВНЦП, стлб. 161);

*...и всѣ возлюбили великаго князя болярина князь Василія Ивановича Шуйскаго, **прежняго страдал да за православную христіанскую вѣру...*** (СЦФИ, стлб. 832).

«Богом избранный»:

*Въ лѣто отъ созданія всероднаго Адама 7116 году, въ царство благочестивыя державы **Богомъ вѣнчаннаго, и Богомъ помазаннаго, и Богомъ почтенна-***

го, и христоролюбиваго поборника святых православных христіанскія вѣры... (ПНБ, стлб. 250–251);

...иже по благочестіи поборатель, благовѣрный и благочестивый, Богомъ избранный и христоролюбивый царь государь и великій князь Василей Ивановичъ всея Русіи, истинный наставникъ православныхъ вѣры... (ЖЦД, стлб. 887–888).

«Выбран от всего народа»:

И от всего царскаго синклита, и отъ христоролюбиваго воинства и отъ всего народа... возведенъ бываетъ на высочайший прародительскій престолъ всеа великия Росія... (ЖЦД, стлб. 887–888);

боляре же и началницы, вкупѣ же и весь народъ, почтиша его по царскому достоянью, яко и прежнихъ великихъ государей. И по малъ времени возлагаетъ на ся царьскій вѣнецъ и помазася міромъ, и бысть царь Московскому государству и всеа Русіи... (ПККР 2, стлб. 659).

Отрицательно-оценочные номинации.

«Самовольное избрание – избран не по Божией воле, а по своему собственному хотению»:

Во время же последнее dneшнихъ временъ Шуйского, порекла Василя, самоизбранна глаголема всеа Русіи царя, на первыхъ предержавныхъ и преобладателнѣйшихъ престолѣхъ безъ Божія, мню, его избранія же и благоволенія стѣша, ниже по общаго всеа Русіи градовъ людцаго совета себѣ составляша, по самоизволнѣ... (ВИТ, стлб. 389);

По паденіи же сего, иже смерти ходатай, дуксъ Василей улести люди благословеннымъ сана смиреніемъ и свое хотѣніе въ нихъ покладая, да его сотворятъ царя, яко же и бысть... (ПКХ, стлб. 541).

Оценочные номинации, относящиеся к Василию Шуйскому, показывают, что это действительно одна из самых противоречивых фигур русской истории.

2. Персональная недиегетическая точка зрения и оценочные номинации.

Номинаций с этой точки зрения (один персонаж оценивает другого) в тексте ПСВ достаточно много. Один и тот же участник повествования может по-разному оцениваться различными персонажами. Поэтому к одному лицу могут относиться различные, иногда противоположные по оценочной семантике номинации.

Оценочные номинации с точки зрения персонажей – участников повествования интересны по многим причинам. Одна из них – это характеристика самого персонажа, оценивающего другого.

Рассмотрим, какую оценочность имеют номинации, выраженные персонажами ПСВ по отношению к Борису Годунову. В текстах оценочная номинация с положительной коннотацией высказана лишь одним персонажем – царем Феодором Иоанновичем, «святым и праведным государем», как его регулярно называют в анализируемых нарративах:

о любимый мой приятель Борисъ Феодоровичъ... (СЦФИ, стлб. 773).

Все остальные номинации, высказанные с точки зрения персонажей, имеют отрицательную оценочность.

Даже родная сестра Годунова, вдова Феодора Иоанновича, в ситуации отказа благословения Годунову выстраивает яркий экспрессивно-оценочный номинативный ряд, выражающий глубокое негативное чувство по отношению к брату:

Онъ же съ лестію поиде къ сестрѣ своей, царицѣ Иринѣ Феодоровнѣ, прося у нее благословенія и царскаго посоха, и она его не благословила и посоха не дала и отказала ему: иди отъ меня, окаянный, прочь! нѣсть ты братъ мнѣ, но губитель и разлучникъ и властолюбецъ по вражескимъ навѣтамъ... (СЦФИ, стлб. 792).

Точка зрения самозванца Гришки Отрепьева на Бориса Годунова одновременно характеризует и объект оценки и субъект оценки. И возможно, характеристика субъекта оценки, т.е. самого Отрепьева, даже более выразительна, чем объекта оценки, т.е. Годунова. В высказываниях номинации, относящиеся к Годунову, даются Отрепьевым на тех же основаниях, что и в оценочных высказываниях с нарраториальной недиегетической точкой зрения: «изменникъ, наемникъ, душегубецъ и разбойникъ, злой властолюбецъ и убийца», например:

...хочеть приитти на царя Бориса, но не яко на царя, яко на наемника (ИС, стлб. 39):

...именуя себя сице: Отъ царя и и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи... отъ нашего изменника Бориса Годунова... (ИС, стлб. 27);

[письмо Григория Отрепьева] *...и вы, не вѣдаючи про насъ, прирожаннаго государя своего, цѣловали крестъ измѣннику нашему Борису Годунову* (ИС, стлб. 43).

Оценка с точки зрения казаков, примкнувших к войскам Отрепьева, совпадает с нарраториальной недиегетической точкой зрения на Бориса:

Егда Гришка же роурига хотяше в Литву бѣжати, гражане же и вси людіе, кои за него задалися, начаша его молити со слезами...: О великій государю! Или предаши насъ в руки измѣннику своему Борису...? (ИС, стлб. 35).

Но номинации Отрепьева в данном высказывании вступают в сильнейшее противоречие друг с другом. С точки зрения автора, Отрепьев – «роурига», с точки зрения казаков – «Великій государь». Тогда кто же все-таки Борис?

Как видим, субъектная перспектива высказывания очень сложная. Столкновение двух субъектов оценки (с точки зрения автора и с точки зрения коллективного персонажа) создает особую напряженность в характеристике «изменника» Бориса.

Особенностью номинаций, высказанных с персональной недиегетической точки зрения, является их двунаправленность. С одной стороны, с их помощью характеризуется объект оценки, с другой – сам субъект оценки «самовыражается» и оценивается имплицитно присутствующими в тексте автором и абстрактным читателем.

3. Нарраториальная диегетическая точка зрения и оценочные номинации. Оценочные номинации с этой позиции – это то, что персонаж говорит о самом себе, т.е. аутономинации. В ПСВ таких номинаций наблюдается немного,

кроме тех ситуаций, где говорит или пишет самозванец. Коммуникативная ситуация, в которой Отрепьев конструирует свой образ, сложная и запутанная: «Инок Чудова монастыря “превращается” в самого царевича Дмитрия – личность одновременно раздваивается для будущего и соединяется с прошедшим» [Ульяновский, 2006, с. 294].

Отрепьев соединяет себя с прошлым Руси, восстанавливая в своем ложном, созданном им виртуальном мире прервавшуюся царскую династию:

и онъ учаль прелциати его, именучи себя суцаго быти царевича Дмитрея, приснаго сына благовѣрнаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи самодержца (ИС, стлб. 22–23).

Сакральные смыслы (Божий промысел) сопровождают его «самозванческие» номинации постоянно:

именуя себя сице: Отъ царя и великаго князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи... Божиємъ произволеніемъ... (ИС, стлб. 27).

Отрепьев, говоря о себе как о «прирожденном государе», создает в своих посланиях к «боярамъ и служилымъ людемъ» образы лучшего будущего для них (ИС, стлб. 44–46).

Автономинации Отрепьева в рассылаемых им письмах являются сильным аргументом в убеждении «народов» перейти на сторону самозванца:

...и я, крестьянскій государь, по своему царскому милосердому обычаю... (ИС, стлб. 44);

...и мы, христіанскій государь, не хотя... (ИС, стлб. 46).

Оценочные смыслы в рассмотренных высказываниях создаются взаимодействием дейктических слов с номинациями, неистинность которых ясна автору «Иного сказания», точка зрения которого имплицитно присутствует в тексте.

Субъектная перспектива высказывания осложняется наличием косвенной речи персонажа. Две точки зрения – нарраториальная диегетическая (персонаж рассказывает о самом себе) и нарраториальная недиегетическая (автор рассказывает о персонаже) – сталкиваются в одном высказывании. Авторская точка проявляется в номинациях «*Рострига, названный царевичъ*», «*ложная писанія*». Точка зрения персонажа, антонимичная по своему значению авторской, проявляется либо в придаточной части предложения, соединенной с главной с помощью союза «яко», либо в качестве полупредикативного оборота:

Той же Рострига, названный царевичъ, приходитъ къ единому порубежному городку от... Монастыревской зовомый, и посылаетъ писаніе свое во градъ, яко онъ есть царевичъ Дмитрий... (ПККР, стлб. 571);

той же, отишедъ отъ Росіи, вселься въ предѣльхъ королевства Полскаго и, тамо живя, составляше ложная писанія, и посылая повсюду, проповѣдая, жива царевича Димитрія себе иарица... (САП, стлб. 490–491).

Результаты. Сочетание различных оценок в тексте и в высказывании позволяет выразить широкий спектр идеологических и политических идей, характерных для общественной жизни русского общества начала XVII в.

Авторский вклад. Система оценочных номинаций, представленная в ПСВ, зависит от типа точек зрения, присутствующих в данном тексте.

Сокращения и источники

ВИТ – Временник Ивана Тимофеева // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 261–472.

ЖЦД – Житие царевича Дмитрия Иоанновича, внесенное в Минеи Германа Тулупова // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 877–898.

ЖЦДМ – Житие царевича Дмитрия Иоанновича, внесенное в Минеи Германа Тулупова // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 899–922.

ИС – Так называемое Иное сказание // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 1–144.

ПКВНЦП – Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 145–176.

ПККР – Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго по второй редакции // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 625–712.

ПККР 2 – Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго по второй редакции // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 625–712.

ПКХ – Повесть князя Ивана Андреевича Хворостинина // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 525–558.

ПНБ – Повесть о некоей брани, належащей на Великую Россию // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 249–260.

ППРМГ – Плач о пленении и разорении Московского государства // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 219–234.

САП – Сказание Авраамия Палицына // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 473–524.

СГО – Слово и Гришке Отрепьеве // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 713–754.

СЦФИ – Сказание о царстве Федора Иоанновича // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 755–836.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М.: Наука, 1986. Вып. 28. С. 5–33.
2. Коротченко М.А. Образ автора в исторических повестях Смутного времени (на материале «Временника» Ивана Тимофеева) // Филологические науки. 1998. № 2. С. 14–23.
3. Падучева Е.В. В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 54, № 3. 1995. С. 39–48.
4. Тамарченко Н.Д. Система персонажей // Литературоведческие термины: материалы к словарю. Коломна: Коломенский пед. ин-т, 1997. 265 с.
5. Ульяновский В.И. Смутное время. М.: Европа, 2006. 456 с.
6. Успенский Б.А. Поэтика композиции // Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 9–221.
7. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.

Сведения об авторе

Михайлова Татьяна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева (Красноярск); e-mail: ta.rada@mail.ru

POINT OF VIEW AND ASSESSMENT IN RUSSIAN PUBLICISTIC TEXTS OF THE EARLY SEVENTEENTH CENTURY

T.V. Mikhaylova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Problem statement. The article is devoted to the problem of historical figures evaluative nominations functioning. These persons became personages of late-Old Russian Tales of Dark Times.

The purpose of the article is to consider the interrelations of different types of viewpoints on historical characters present in the narrative of Russian publicistic texts in the early XVIIth century on the basis of evaluative nominations analysis.

The review of scientific literature on the problem. The analysis of scientific literature on the problem shows that the researchers of the forms of representation of the authors' images and characters are based on the works of the Russian "formalistic school" representatives. It turns out that the narrative publicistic text is characterized by evaluation, expressed through the point of view. The nature of the assessment, in the author's opinion, depends on the point of view expressed in the narrative. This article describes three points of view that affect the type of nomination. In the examined texts there are all types of points of view, but more frequently narratorial non-diegetic and personal non-diegetic viewpoints are used. And personal diegetic point of view occurs only in "impostor contexts".

The research methods are based on the analysis of the contexts in which the approaches to personage-evaluation are disclosed. As a rule these personages are political figures of the epoch.

The results of the study consist in the description of various points of view presented in the texts of the Tales of Dark Times.

The conclusions which the author of the article makes are as follows: the system of evaluative nominations presented in the Tales of Dark Times depends on the type of the viewpoint used in each concrete text.

The author's contribution to the study of the problem of historical figures of late-Old Russian epoch evaluative nominations consists in precise and detailed definition of the means of nomination used to characterize individuals and groups of personages in the texts. It also consists in characterizing the means of revealing the ties between ideologies of the scribes and those of their personages. The scribes' means of expressing their evaluation are also highlighted in the article.

Keywords: *beginning of the XVIIth century, Tales of Dark Times, narratology, points of view in the text, evaluation of political figures, system of evaluative nominations, subjective- perspective statements.*

Abbreviations and sources of research

VIT – Vremennik Ivana Timofeeva // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, otnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 261–472.

ZHCD – ZHitie carevicha Dimitriya Ioannovicha, vnesennoe v Minei Germana Tulupova // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, otnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 877–898.

ZHCDM – ZHitie carevicha Dimitriya Ioannovicha, vnesennoe v Minei Germana Tulupova // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, otnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 899–922.

IS – Tak nazyvaemoe Inoe skazanie // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 1–144.

PKVNCP – Povest', kako voskhiti nepravdoyu na Moskve carskij prestol Boris Godunov // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891 T. XIII. Stlb. 145–176.

PKKR – Povest' knyazya Ivana Mihajlovicha Katyreva-Rostovskago po vtoroj redakcii // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 625–712.

PKKR 2– Povest' knyazya Ivana Mihajlovicha Katyreva-Rostovskago po vtoroj redakcii // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 625–712.

PKKH – Povest' knyazya Ivana Andreevicha Hvorostinina // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 525–558.

PNB – Povest' o nekoj brani, nalezhashchej na Velikuyu Rossiyu // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 249–260.

PPRMG – Plach o plenenii i razorenii Moskovskogo gosudarstva // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 219–234.

SAP – Skazanie Avraamiya Palicyna // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 473–524.

SGO – Slovo i Grishke Otrep'eve // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 713–754.

SCFI – Skazanie o carstve Fedora Ioannovicha // Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k Smutnomu Vremeni / Russkaya istoricheskaya biblioteka. Spb.: Arheograficheskaya komissiya; Tip. I.N. Skorohodova, 1891. T. XIII. Stlb. 755–836.

Bibliograficheskij spisok

1. Apresyan Yu. D. Dejksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira // Semiotika i informatika. M.: Nauka, 1986. Vyp. 28. S. 5–33.
2. Korotchenko M.A. Obraz avtora v istoricheskikh povestyah Smutnogo Vremeni (na materiale «Vremennika» Ivana Timofeeva) // Filologicheskie nauki. 1998. № 2. S. 14–23.
3. Paducheva E.V. V.V. Vinogradov i nauka o yazyke hudozhestvennoj prozy // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. T. 54, № 3. 1995. S. 39–48.
4. Tamarchenko N.D. Sistema personazhej // Literaturovedcheskie terminy: Materialy k slovarju. Kolomna: Kolomenskij ped. in-t, 1997. 265 s.
5. Ul'yanovskij V. I. Smutnoe vremya. M.: Evropa, 2006. 456 s.
6. Uspenskij B.A. Poehtika kompozicii // Semiotika iskusstva. M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1995. S. 9–221.
7. Shmid V. Narratologiya. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2008. 304 s.

About the author

Mikhaylova Tatiana Vitalyevna – Candidate of Philological Sciences, associate professor, Department of Public Relations, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology; e-mail: ta.rada@mail.ru

УДК 811.161.1+81'33

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ РОССИИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ ГАЗЕТЫ «ЖЭНЬМИНЬ ЖИБАО»: ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Сун Даньданы (Ляосчэн, Китай)

Аннотация

В статье рассматривается языковой образ России в русскоязычной версии газеты «Жэньминь жибао» на основе анализа употребляемых на ее страницах наименований городов и других территориальных образований. В качестве материала исследования выступили тексты, опубликованные в газете с 9 февраля по 10 марта 2018 г. Автор приходит к выводу, что в газете «Жэньминь жибао» языковой образ России формируется главным образом на основе наименований территориальных образований в западной части страны, он представлен преимущественно топонимами *Москва* и *Санкт-Петербург*. Этот факт объясняется тем, что внимание журналистов сосредоточено на важных международных событиях, а также на информации о катастрофах.

Ключевые слова: лингвоимагология, языковой образ страны, образ России, топоним, онлайн-газета «Жэньминь жибао».

В эпоху развития глобализации и связанного с ней информационного противоборства государств изучение образа страны становится важной задачей гуманитарных наук. Развивается особое направление исследований, связанное с изучением «образа “чужого” (чужой страны, народа и т.д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи» [Ощепков, 2010, с. 251].

Объем понятия «образ страны» определяется учеными по-разному. Так, Д.Н. Замятин пишет, что «образ страны <...> можно определить как устойчивый и диверсифицированный географический образ» [Замятин, 2000, с. 107]. И.С. Панкрухин считает, что образ страны является совокупностью разнородных представлений о стране, как эмоциональных, так и рациональных [Панкрухин, 2006, с. 14]. В нашем исследовании «образ страны» понимается как совокупность представлений о территории, имеющей собственное государственное управление, которая формируется журналистами в тексте газеты. Это могут быть представления географические, темпоральные, государственно-политические, духовно-культурные [Ступницкая, 2008, с. 29] и др. Речевой (языковой) образ страны в географическом аспекте тем самым является лишь частью ее общего образа и представляет собой устойчивые пространственные представления о той или иной стране, которые формируются и выражаются языковыми или речевыми средствами в конкретном тексте.

Объектом нашего исследования является языковой образ России в китайской русскоязычной газете «Жэньминь жибао» (далее – «Жж»). Этот образ занимает

важное место в указанном газетном издании, поскольку в последнее время наблюдается большое внимание Китая к России.

Одним из основных является вопрос, какое место занимает образ России на фоне других стран в текстовом пространстве газеты. Чтобы ответить на него, мы сделали выборку топонимов-наименований стран, встречающихся на первой газетной странице в текстах рубрики «Главные новости дня» с 25 февраля по 6 марта 2018 года. В этот период времени было опубликовано 170 новостей. В заголовках новостей (их темах) представлено 26 топонимов-наименований стран, среди которых топоним *Россия* по частотности употребления занимает четвертое место (табл. 1).

Таблица 1

**Частотность употребления названий стран в заголовках рубрики
«Главные новости дня» с 25.02 по 06.03.2018**

**The frequency of the countries's name in the headings
“Main news of the day” from 25.02 to 06.03.2018**

Топоним-наименование	Частотность
Китай (КНР)	61
США (Соединенные Штаты Америки)	10
КНДР (Корейская Народно-Демократическая Республика)	6
Россия	5
РК (Республика Корея)	4
Франция	2
Иордания	2

Об интересе Китая к России говорит и специальная рубрика «В России и СНГ» на первой странице газеты, а также специальные темы, связанные с Россией и находящие отражение в статьях типа «Россия в глазах китайца», «Такой России Вы еще не видели!».

Одним из средств формирования географического языкового образа России являются наименования городов и других территориальных образований (субъектов РФ), которые были выбраны в качестве предмета исследования. Именно в газете «вокруг топонимов развивается сюжет сообщений, статей, репортажей и т.д.» [Данильченко, 1991, с. 20], поэтому их рассмотрение оказывается значимо для лингвистического описания образа страны.

«Поскольку в языке газеты создаются благоприятные условия для приобретения топонимом экспрессивной, оценочной окраски, – пишет А.В. Данильченко, – следует ожидать увеличения количества и частотности этого разряда собственных имен в текстах газет» [Данильченко, 1991, с. 20–21]. Отсюда можно предположить, что в китайской русскоязычной газете «Жэньминь жибао» топонимы-наименования городов используются преимущественно в переносном значении, выполняя экспрессивные функции.

Цель статьи – охарактеризовать языковой образ России, формируемый в русскоязычной газете «Жэньминь жибао» с помощью языковых единиц, служащих наименованиями городов и других территориальных образований (субъектов РФ).

Материал и методы исследования. Материалом исследования послужили языковые репрезентанты образа России, а именно топонимические слова и словосочетания – наименования городов и других территориальных образований (субъектов РФ) в русскоязычной китайской газете «Жж» (онлайн) (в переводе – «Народная ежедневная газета»). Это издание было основано в 1948 г. как официальный печатный орган ЦК КПК (Центрального Комитета Коммунистической партии Китая), подписанный в печать Мао Дзэдуном. С 1997 г. газета размещается в интернете, а с 2001 г. имеет свои порталы и сайты на тринадцати языках, включая русский. Печатный тираж этой газеты на китайском языке на сегодняшний день приближается к трем миллионам. Таким образом, «Жж» является одним из ведущих официальных информационных порталов КНР.

В процессе исследования использовался метод контент-анализа, позволяющий по внешним (количественным) характеристикам текстов на уровне используемых в них слов и словосочетаний делать выводы об особенностях мышления и сознания авторов текстов и создаваемых ими образов.

Результаты исследования. На материале текстов рубрики «В России и СНГ» газеты «Жж» рассмотрим языковой образ России на основе анализа использованных в ней наименований городов.

Языковой образ России, репрезентированный наименованиями городов. Методом случайной выборки нами были отобраны 323 статьи, опубликованные с 9 февраля по 10 марта в 2018 г. в рубрике «В России и СНГ». Выявлено, что из 323 статей 95 тематически связаны с Россией. В них указан 21 топоним-наименование городов России. Представим частотность их употребления (табл. 2).

Таблица 2

**Частотность наименований городов России в рубрике «В России и СНГ»
Frequency of cities's names in Russia under the heading “In Russia and CIS”**

Наименование города	Частотность	Тематика публикаций, в которых используется топоним
1	2	3
Москва	77	1. Международное отношение (с Китаем, Украиной, США, Узбекистаном, Францией, Казахстаном, Турцией, Сирией). 2. Экономика. 3. Вооруженные силы. 4. Внутренняя политика (выборы президента, политические меры). 5. Образование и наука. 6. Спорт. 7. Катастрофа (крушение самолета Ан-148)

Окончание табл. 2

1	2	3
Санкт-Петербург	39	1. Международное отношение (взаимодействие с Китаем, Украиной, США, Узбекистаном, Францией, Казахстаном, Турцией, Сирией). 2. Экономика. 3. Внутренняя политика. 4. Катастрофа (теракт, взрыв). 5. Спорт (чемпионат мира-2018 по футболу)
Владивосток (Приморский край)	19	1. Внешняя политика. 2. Экономика (заседание итоговой коллегии Минвостокразвития РФ). 3. Туризм. 4. Катастрофа (пожар на корабле Тихоокеанского флота)
Орск (Оренбургская область)	9	Катастрофа (крушение самолета Ан-148)
Сочи (Краснодарский край)	5	1. Конгресс сирийского национального диалога. 2. Зимние Олимпийские игры 2014
Железногорск (Красноярский край)	2	Создание территории опережающего социально-экономического развития
Озерск (Челябинская область)	2	Создание территории опережающего социально-экономического развития
Снежинск (Челябинская область)	2	Создание территории опережающего социально-экономического развития
Саратов (Саратовская область)	2	Катастрофа (крушение самолета Ан-148)
Плесецк (Архангельская область)	2	Испытание ракеты
Калининград (Калининградская область)	2	Задержание члена террористической группировки
Чусовой (Пермский край)	1	Катастрофа (пожар)
Пенза (Пензенская область)	1	Катастрофа (крушение самолета Ан-148)
Волгоград (Волгоградская область)	1	Артиллерийские салюты в ознаменование Дня защитника Отечества
Мурманск (Мурманская область)	1	Артиллерийские салюты в ознаменование Дня защитника Отечества
Новороссийск (Краснодарский край)	1	Артиллерийские салюты в ознаменование Дня защитника Отечества
Керчь (Крым)	1	Артиллерийские салюты в ознаменование Дня защитника Отечества
Севастополь	1	Артиллерийские салюты в ознаменование Дня защитника Отечества
Смоленск (Смоленская область)	1	Артиллерийские салюты в ознаменование Дня защитника Отечества
Тула (Тульская область)	1	Артиллерийские салюты в ознаменование Дня защитника Отечества
Улан-Удэ (Республика Бурятия)	1	Катастрофа (столкновение автобуса и КамАЗа (Камский автомобильный завод))

Данные, представленные в табл. 2, и тематический анализ контекста новостей позволяют сделать следующие выводы.

1. Газета «Жж» в названной выше рубрике уделяет основное внимание событиям в Москве и Санкт-Петербурге. Поэтому топонимы *Москва* и *Санкт-Петербург* являются самыми частотными по употреблению. На третьем месте по частотности использования стоит *Владивосток* (19 раз).

Остальные наименования городов России упоминаются в связи с отдельными произошедшими в них событиями. Например, топоним *Чусовой* употребляется в газете при описании пожара в городе: *Ночью 27 февраля 2018 года в общежитии, расположенном по улице 50 лет ВЛКСМ города Чусовой, произошел пожар* (27.02.2018); о городе *Плесецк* написали два раза в связи с запуском ракеты: *Эту ракету испытывали бросковыми испытаниями в Плесецке – там легендарный полигон* (12.02.2018).

Итак, языковой образ России, который складывается на основе выявления наименований городов в рубрике «В России и СНГ», является тематически ограниченным.

Как известно, выбор тех или иных топонимов, используемых в газетных текстах, зависит от типа газетного издания (государственное / негосударственное): «Каждая газета располагает определенным топонимическим массивом (совокупностью различных топонимических единиц)» [Данильченко, 1991, с. 23]. Газета «Жж» как официальный печатный орган КНР делает акцент на международных отношениях, военной политике и экономическом развитии. Москва как столица России и Санкт-Петербург как северная столица часто представляют Россию на международной арене. Поэтому журналисты газеты «Жж» уделяют особое внимание этим двум городам. В центре внимания журналистов находится также Владивосток как важный морской порт и военно-морская база России, территориально расположенный близко к Китаю.

2. Наименования городов России используются как в прямом, так и в переносном значении, выполняя разные функции. Чтобы выявить эти функции, для анализа нами выбирались наиболее частотные топонимы *Москва*, *Санкт-Петербург* и *Владивосток*, поскольку «чем чаще употребляется топоним, чем богаче его значимость» [Данильченко, 1991, с. 22].

Прямое значение слова *Москва* представлено, например, в таких контекстах: *Речь идет о спецоперации, в результате которой российским и аргентинским спецслужбам удалось предотвратить отправку в Москву из Буэнос-Айреса почти 400 килограммов кокаина* (25.02.2018). «Ни одна ракета до **Москвы** не долетит», – сказал Виктор Баранец (12.02.2018); ...В ознаменование праздника Шойгу приказал произвести артиллерийские салюты в 21:00 по местному времени с привлечением воинских частей ВС РФ в **Москве**, Волгограде, Керчи, Мурманске, Новороссийске, Санкт-Петербурге, Севастополе, Смоленске, Туле и в городах дислокации штабов военных округов, флотов, общевойсковых армий и Каспийской флотилии (23.02.2018).

Переносное значение (Москва как представитель всей России, ее власть) наблюдаем в предложениях: *Гораздо большее значение для **Москвы** и Астаны имеют иные вопросы: политическое и экономическое сотрудничество, научное сотрудничество, обучение студентов из Казахстана в российских вузах, сохранение и развитие миллионов личных, деловых, семейных связей* (07.03.2018); ***Москва** пока не подтвердила факт обмена пограничниками* (02.03.2018).

Слово *Москва* может выступать и как наименование восточного третьего географического часового пояса, например, *Первые дебаты запланированы на «Радио России» 26 февраля в 13:10 по **Москве*** (26.02.2018).

Слово *Санкт-Петербург* используется только в значении «город России» и не имеет тех переносных значений, которые свойственны топониму *Москва*. Наименование *Санкт-Петербург* используется в связи с характеристикой международных отношений, экономикой и т.д. Например: *Бизнесмены из Китая и России, а также петербургские чиновники и эксперты сегодня обсудили проблемы и перспективы российского экспорта в Китай и развития инициативы «Пояса и пути» на Российско-китайском деловом форуме в **Санкт-Петербурге*** (22.02.2018).

Кроме того, Санкт-Петербург в газете «Жж» перифрастически именуется «северной столицей России». Например, *Концерты, выставки, мастер-классы, кинопоказы и лекции в рамках празднования пройдут в **Северной столице России** с 9 февраля по 2 марта* (10.02.2018).

Владивосток упоминается в газете «Жж» как город России или морской порт, военно-морская база, например: *Об этом заявил министр РФ по развитию Дальнего Востока Александр Галушка на заседании итоговой коллегии Минвостокразвития РФ во **Владивостоке*** (06.03.2018); *Среди которых такие сложные, новаторские законы, как закон о территориях опережающего развития, закон о свободном порте **Владивосток**, о дальневосточном гектаре, снижении энерготарифов, электронной визе для иностранных туристов. Все эти законы заработали. Мы их принимали не ради законов, а ради людей* (06.03.2018); *Пожар на большом противолодочном корабле (БПК) Тихоокеанского флота (ТОФ) ВМФ России «Маршал Шапошников», стоящем у причала «Дальзавода» во **Владивостоке**, ликвидирован* (16.02.2018).

3. Некоторые города России, например *Сочи* и *Орск*, неоднократно упоминаются в газете «Жж» при описании важных в международном плане событий. Так, *Сочи* становится центром внимания прессы как город Олимпийских игр: четыре статьи из пяти связаны с зимними Олимпийскими играми, которые проходили в этом городе. Например, *Две олимпийские медали у Надежды Скардино – золото (Пхенчхан-2018) и бронза (**Сочи**-2014)* (25.02.2018). Таким образом, зимние Олимпийские игры становятся частью образа *Сочи*.

Топоним *Орск* (Оренбургская область) появляется в материалах девять раз, и каждый раз в связи с крушением самолета Ан-148, конечным пунктом прибытия которого являлся этот город. Например, *В Подмоскowie обнаружены облом-*

ки самолета Ан-148, выполнявшего рейс из Москвы в **Орск** Оренбургской области (12.02.2018).

Однако следует признать, что образы городов, созданные специальными событиями, с течением времени претерпевают изменения.

4. Рубрика «В России и СНГ» газеты «Жж» охватывает широкий диапазон событий, происходящих в России, однако большая часть публикаций посвящена международным отношениям, политике, экономическому развитию, военным силам страны, что связано со статусом газеты «Жж» как официальной. Особое внимание уделяется катастрофам, например: пожар в Чусовом и Санкт-Петербурге, столкновение автобуса и КамАЗа (автомобиль Камского автомобильного завода) в Улан-Удэ, крушение самолета, взрыв, теракт и т.д. Таким образом, Россия предстает на страницах газеты как страна катастроф.

Языковой образ России, репрезентированный наименованиями других территориальных образований (субъектов РФ).

В новостных текстах, представленных в рубрике «В России и СНГ», используются наименования 27 субъектов РФ (из 85 существующих). Это наименования республик (*Чечня, Башкортостан, Крым, Республика Бурятия, Карачаево-Черкесская республика*), областей (*Оренбургская область, Челябинская область, Саратовская область, Архангельская область, Калининградская область, Мурманская область, Смоленская область, Тульская область, Курская область, Орловская область, Ульяновская область, Московская область, Пензенская область, Волгоградская область*), края (*Приморский край, Красноярский край, Пермский край*), автономного округа (*Ненецкий АО*).

Отметим на карте России те субъекты РФ, которые так или иначе упоминаются в анализируемой газете (рис.).

Рис. Субъекты РФ упомянуты в рубрике «В России и СНГ»

(Subjects of the Russian Federation mentioned in the heading "In Russia and the CIS")

Как видим, основное внимание газеты «Жж» сосредоточено на западной части России, то есть ее европейской части. В меньшей степени уделяется внимание срединной и восточной частям, представленным в газетных текстах только тремя субъектами России: *Республика Бурятия* (городом *Улан-Удэ*), *Красноярский край* (городом *Железногорском*) и *Приморский край* (городом *Владивосток*). Большинство районов Уральского федерального округа, Сибирского федерального округа и Дальневосточного федерального округа (если не принимать во внимание Владивосток), занимающие около 77 % территории России, не входят в сферу внимания газеты «Жж».

Заключение. В географическом аспекте языковой образ России в газете «Жж» репрезентирован наименованиями субъектов РФ, находящихся главным образом в западной части страны. В газетных текстах встречается 21 наименование городов, наиболее часто используются топонимы *Москва* и *Санкт-Петербург*. Высокая частотность топонима *Москва* связана с его употреблением не только в прямом (в качестве наименования города-столицы), но и в метонимическом значении (как обозначение центральной власти России в сочетаниях типа *Москва считает*, *Москва не подтвердила факт* и т.п.). Языковой образ Санкт-Петербурга как составляющая компонента образа России оценочно репрезентирован перифразой *северная столица России*.

Внимание журналистов сосредоточено на международных отношениях, политике, экономическом и военном развитии России. Поэтому, кроме топонимов *Москва* и *Санкт-Петербург*, используется часто *Владивосток*, поскольку город Владивосток является важным морским портом и военно-морской базой России. Наименования других городов (*Саратов*, *Чусовой*, *Улан-Удэ*, *Орск* и т.д.) встречаются в текстах, которые посвящены трагическим событиям: пожару, крушению самолета, взрывам, терактам и т.д., что формирует тематически и географически односторонний образ России.

Библиографический список

1. Данильченко А.В. Функционирование топонимов в русском газетном тексте: дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1991. 200 с.
2. Замятин Д.Н. Образ страны: структура и динамика [Электронный ресурс] // *Общественные науки и современность*. 2000. № 1. С. 107–112. URL: <https://ecsocman.hse.ru/data/801/561/1216/010yAMQTIN.pdf> (дата обращения: 19.03.2018).
3. Ощепков А.Р. Имагология // *Знание. Понимание. Умение*. 2010. № 1. С. 251–253.
4. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий. СПб.: Питер, 2006. 416 с.
5. Ступницкая М.И. Репрезентация образа России в публицистическом дискурсе Франции // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2008. № 3. С. 28–29.

Сведения об авторе

Сун Даньдань – аспирант кафедры русского языка и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; e-mail: songdan0301@yahoo.com

LANGUAGE IMAGE OF RUSSIA IN THE RUSSIAN-LANGUAGE VERSION OF THE NEWSPAPER «RENMIN RIBAO»: GEOGRAPHICAL ASPECT

Song Dandan (Liaocheng, China)

Abstract

In the article, the speech image of Russia in the Chinese Russian-language on-line newspaper “Renmin Ribao” is examined by analyzing the names of cities and subjects of Russia used on the pages of this newspaper. Linguistic analysis was carried out on the materials published from February 9 to March 10, 2018. The author comes to the conclusion that in the newspaper “Renmin Ribao” the image of Russia basically includes the western part of the country (represented mainly by the cities of Moscow and St. Petersburg). The attention of journalists is focused mainly on important international events and disasters.

Keywords: *linguimagology; speech image of the country; image of Russia; toponym; on-line newspaper “Renmin Ribao”.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Danil'chenko A.V. Funktsionirovanie toponimov v russkom gazetnom tekste [Functioning of place names in the Russian newspaper text]: *dis. ... kand. filol. Nauk [thesis of the Candidate of Philology]*. Odessa. 1991. 200 p.
2. Zamyatin D.N. Obraz strany: struktura i dinamika [Image of the country: structure and dynamics]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]*. 2000. no. 1. Pp.107–112. Available at: ecsocman.hse.ru/data/801/561/1216/010yAMQTIN.pdf (accessed 19.03.2018).
3. Oshchepkov A. R. Imagologiya [Imagology]. *Znanie. Ponimanie. Umenie. [Knowledge. Understanding. Skill.]* 2010. №0. 1. P. 251–253.
4. Pankrukhin A.P. Marketing territoriy [Territory Marketing]. SPb.: Piter publ., 2006. 416 p.
5. Stupnitskaya M.I. Rezentatsiya obraza Rossii v publitsisticheskom diskurse Frantsii [Representation of the image of Russia in the publicistic discourse of France]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East]*. 2008. No. 3. P. 28–29.

About the author

Song Dandan – graduate student of the Department of Russian Language and Speech Communication, Siberian Federal University; e-mail: songdan0301@yahoo.com

УДК 81'23

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «МОРЕ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И ИСПАНЦЕВ

Е.В. Устьянцева, К.Е. Устьянцева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Россия и Испания – страны с похожими историческими судьбами, но совершенно разными культурными традициями. К сопоставительному анализу языкового сознания русских и испанцев обращались многие исследователи, среди них Ю.Н. Караулов, А.А. Оганова, А.А. Яковлев и др. Поскольку одним из факторов, влияющих на формирование и развитие национального менталитета, является природная среда, в данной статье предпринимается попытка выявления особенностей психолингвистического восприятия образа моря русскими и испанцами. В рамках данного исследования был проведен ассоциативный эксперимент среди русских и испанцев. Анализ смысловой структуры полученных в ходе исследования ассоциативных полей показал, что образ моря в языковом сознании испытуемых связан прежде всего с представлением о месте отдыха, месте обитания животных и о большом водном пространстве. В целом образ моря в двух рассматриваемых культурах различается незначительно.

Ключевые слова: *море, русские, испанцы, национальный менталитет, языковое сознание, ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, стимул, реакция.*

Постановка проблемы. «Уникальность каждого народа определяется спецификой его истории, культуры, менталитета» [Пак, 2008, с. 142]. Сходство исторических судеб России и Испании невозможно не заметить, но менталитет и культура столь самобытных народов совершенно разные.

Языковое сознание русских и испанцев в сопоставительном аспекте не становилось предметом исследований. Так, Ю.Н. Караулов провел сопоставительное изучение образов языкового сознания и особенностей национального менталитета испанцев и русских на материале вербально-ассоциативных сетей двух языков [Караулов, 2000].

А.А. Оганова в рамках диссертационного исследования предприняла попытку определить содержание концепта «Профессия» в обыденном сознании носителей современного испанского и русского языков [Оганова, 2015]. В ходе свободного ассоциативного эксперимента исследователю удалось выделить когнитивные признаки исследуемого концепта, а направленный ассоциативный эксперимент позволил получить важный материал для описания концепта, который, по заключению А.А. Огановой, по-разному объективируется носителями двух языков.

А.А. Яковлев, В.В. Манхирова, Е.К. Случаева рассмотрели особенности наименований дней недели в языковом сознании русских и испанских студентов и пришли к выводу, что в значении рассматриваемых слов не представлено культурно обусловленное содержание [Яковлев, Манхирова, Случаева, 2016].

Одним из многих факторов, влияющих на формирование и развитие национальных и культурных особенностей того или иного народа, является природная сре-

да. Влияние природы на психологические свойства личности доказано многими исследователями. «Человек как биологический объект является неотъемлемой частью природы. Его характер, привычки и язык складывались под воздействием биологических механизмов адаптации к окружающим условиям среды обитания на протяжении тысячелетий, что, в свою очередь, отразилось на его культуре, социально-бытовом укладе, совокупности сфер его деятельности» [Пестрикова, 2009, с. 58].

К примеру, Россия ассоциируется прежде всего с равнинами, полями, лесами и реками, в то время как Испания – страна солнечных пляжей, гор и плоскогорья. Испанцы не мыслят жизни без моря, тогда как для многих русских, особенно для сибиряков, море – это место отдыха в период отпуска, куда можно попасть в лучшем случае только раз в год.

Цель данной статьи – выявление особенностей психолингвистического восприятия образа моря русскими и испанцами.

Методология. «Национальный менталитет проявляет себя, дает о себе знать только в присутствии другого менталитета, т.е. в межкультурном общении. Однако “лабораторные” исследования, наблюдения над составом и соотношением фрагментов ассоциативно-вербальных сетей разных языков тоже могут приблизить нас к пониманию особенностей видения мира и его оценки национальным языковым сознанием» [Караулов, 2000, с. 192].

Одним из способов выявления культурных и национальных образов, представленных в языковой картине мира, является ассоциативный эксперимент (АЭ). Он фиксирует актуальное для человека психологическое значение слова, очевиднее проявляет отличие его реальной семантики от значения, представленного в словаре [Устьянцева, 2015, с. 240].

Нами был проведен АЭ, в рамках которого респондентам предлагалось в течение минуты записать ассоциации к стимулу «море». В эксперименте приняли участие 45 русских и 42 испанца. Возраст русских составил от 16 до 27 лет, возраст испанцев – от 16 до 41 года. Место проведения эксперимента – города Красноярск и Мадрид.

Результаты исследования. В ходе АЭ, проводимого среди испанцев, была получена 181 реакция на стимул «море». Формальная структура ассоциативного поля (АП) «море» представлена 144 существительными, 18 сочетаниями, 15 прилагательными, 2 наречиями, 1 глаголом и 1 причастием. Смысловая структура определяется ядром, околядерной и периферийной зонами.

У испанцев наиболее частотными реакциями на слово-стимул «море» являются: рыба – 26; пляж – 21, волны; солнце – 16; песок – 14; синий – 13; водоросли; лодка (лодки) – 12; соль – 11. Именно эти ассоциации составляют ядро АП «море» и свидетельствуют о первичном представлении испанцев о море, во-первых, как о месте обитания рыб и растений, во-вторых, как о месте отдыха.

Среди менее распространенных реакций можно выделить следующие: вода, спокойствие – 9; лето, плавание, свобода – 7; осьминог, кит, акула – 5; серфинг – 4; друзья, Средиземноморье, океан, ночь, медуза, любовь, бриз, пена, чайки, ска-

ла, необъятность, морепродукты, жара – 3; кораллы, пластик, расслабление, прилив, дом, ветер, беженцы, тепло, горизонт, релаксация, глубокий, полотенце, побережье, парусник, отдых, остров, особенный, магический, люди, луна, кокос, животные, дельфины, тайна, рыбаки, веселье – 2.

Проанализировав полученные ассоциации по идеографическому принципу, можно заметить, что самую многочисленную категорию околядерной зоны АП «море» составляют реакции, свидетельствующие о представлении испанцев о море как о большом водном пространстве (вода, океан, прилив, глубокий, горизонт, побережье и др.). Второе место по количеству реакций составляет тематическая категория, которая отражает представление испанцев о море как о месте обитания животных (осьминог, кит, дельфин и др.). Многочисленную группу составили также реакции, которые можно объединить в тематическую категорию «Место отдыха» (отдых, веселье, лето и др.).

Наименее многочисленными являются такие тематические категории, как «Чувства» (любовь, свобода, спокойствие, релаксация), «Географическое пространство» (Средиземноморье, остров, необъятность), «Дом» (дом, друзья, люди), «Таинственность» (тайна, особенный, магический), «Еда» (морепродукты, кокос), «Ночь» (ночь, луна).

В ходе данного АЭ были выявлены реакции, которые нельзя отнести к определенной тематической категории. Это ассоциация «беженцы», встретившаяся два раза, связанная, по-видимому, с политическим решением испанского правительства принимать на своей территории мигрантов и беженцев из стран Азии и Африки. И ассоциация «пластик», упоминающаяся также два раза, возникновение которой объяснить для нас не представляется возможным.

Число единичных реакций составило 124. Среди них: Амаки, анемон, бикини, Бразилия, буря, бухта, ванна, великий, величие, весло, вечеринка, вечный, влажная кожа, гавань, галоклин, головокружение, головоногие, голод, город, грязный, депрессия, детство, дикий, дождь, досуг, еда, жажда, загрязнение, закат, запах соли, звезда, здоровье, зеленый, зуд, Ибица, игры, изменение климата, кальмар, капитан, касатка, кораблекрушение, коричневый, краб, красиво, креветки, кристальный, купальник, ладони, лошадь, марикосовые вина, матрос, маяк, меланхолия, много спать, моллюски, мороженое, морская пальмы, морской конек, мутность, наслаждаться, небо, неподвижность, огромный мир, одинокий, одиночество, одонтоцеты, ожоги, окружающая среда, опасный, опасность, отвлечение, передышка, пикноклин, планктон, пляжный бар, подводная лодка, порифера, порты, прибой, призвание, приключения, природа, прогулка, птицы, путешествия, разливы нефти, ракообразные, раковина, ракушки, рыбалка, русалка, ручей, севиче, семья, сети, сила, сифонофоры, смелый, смерть, соленый, солнечный берег, соленость, сосуд, спиртные напитки, стоки, счастье, темный, тень, термоклин, течение, Тихий океан, тьма, угрожающий, удовлетворение, улитки, флора и фауна, холод, хорошая жизнь, черепаха, черный, чистота, чистый, энергия, яхта – 1.

Сгруппировав единичные реакции по идеографическому принципу, мы получили следующие тематические категории: «Счастливая жизнь» – 22 реакции (хорошая жизнь, путешествия, здоровье и др.), «Профессиональная деятельность, связанная с морем» – 18 реакций (капитан, матрос, призвание и др.), «Место обитания животных» – 17 реакций (черепашка, морская звезда, ракушки и др.), «О негативном» – 16 реакций (опасный, депрессия, одинокий и др.), «Море как часть природы» – 12 реакций (закат, буря, небо и др.), «Географические названия» – 5 реакций (Бразилия, Ибица, Тихий океан и др.), «Еда» – 3 реакции (еда, мороженое, сэвиче), «Цвет» – 3 реакции (зеленый, коричневый, черный), «Чистая вода» – 3 реакции (чистота, чистый, кристальный), «Семья» – 2 реакции (детство, семья).

В ходе АЭ были выявлены ассоциации, которые отнести к какой-либо тематической категории достаточно затруднительно: лошадь, зуд, игры, вечный, головокружение, ванна, раковина, влажная кожа, ладони, анемон и др.

От носителей русского языка в ходе АЭ было получено 113 реакций. Формальная структура АП «море» представлена 91 существительным, 10 прилагательными, 10 сочетаниями, 2 глаголами.

Ядерную зону АП «море» составили реакции волны (волна) – 15 и пляж – 10. Таким образом, являясь самыми частотными, данные ассоциации свидетельствуют о первичном представлении русских о море как о месте отдыха.

Околоядерную зону АП «море» составили следующие реакции: вода – 9; солнце – 8; песок, рыба – 7; соль – 6; дельфины, жара, загар, синий (синее) – 5; лето, отдых, ракушки, тепло – 4; парус, свобода – 3; бриз, ветер, воздух, el mar, жизнь, люди, море, небо, скалы, слезы, спасательный круг, счастье, черное, чайки – 2.

Сгруппировав данные реакции по идеографическому принципу, мы выявили категории, наполняемость которых составила от 2 до 6 реакций: «Море как часть природы» (небо, бриз, воздух и др.), «Место обитания животных» (ракушки, чайки, дельфины и др.), «Нравственные понятия» (жизнь, свобода, счастье), «О большом водном пространстве» (вода, соль).

Самую многочисленную категорию составили реакции, свидетельствующие о представлении русских о море как о месте отдыха (лето, загар, отдых и др.), что совпадает с выводами, сделанными относительно ядерной зоны АП «море».

Число единичных реакций составило 78, среди них следующие: Айвазовский, акула, атмосфера, Бали, берег, бирюзовый цвет, брызги, буйки, водный транспорт, водоросли, голубое, горячая кукуруза, грязное, дайвинг, дети, детство, друзья, живое, загорелая жопка, закат, здоровье, зонтик, камни, капитан, корабль, краб Себастьян, красивое, красота, купальник, купаться, лазурь, Лена, медуза, мечта, моллюск, мусор, недостижимость, огни, океан, опасное, острые камни, отпуск, пингвины, пирс, плавание, поверхность, полотенце, понтон, русалки, русалочка, свежесть, семья, сигареты, сильное, синева, скука, слезы, спокойствие, суши, таинственное, телки в купальниках, тонуть, торговцы, тоска, Турция, умиротворение, Устя, фильм про эвтаназию «Море внутри», фрукты, хорошие люди, цунами, чистота, чурчхела, шашлыки, штиль, шторм, Яковлев, Ялта – 1.

Проанализировав единичные реакции по идеографическому принципу, мы получили следующие тематические категории: «Место отдыха» – 24 реакций (купальник, отпуск, буйки и др.), «Благополучие» – 9 реакций (спокойствие, здоровье, хорошие люди и др.), «О негативном» – 9 реакций (грязное, опасное, скука и др.), «Люди» – 7 реакций (Лена, Яковлев, Устя и др.), «Место обитания животных» – 5 реакций (медуза, моллюск, пингвины и др.), «Еда» – 5 реакций (суши, горячая кукуруза, чурчхела и др.), «Таинственность» – 5 реакций (таинственное, недостижимость и др.), «Цвет» – 4 реакции (бирюзовый цвет, синева и др.), «Герои мультфильмов» – 3 реакции (краб Себастьян, Русалочка и др.), «Географические названия» – 3 реакции (Турция, Бали, Ялта).

Не вошла ни в одну тематическую категорию реакция «Айвазовский», которая легко объясняется широкой известностью и популярностью русского художника-мариниста Ивана Константиновича Айвазовского, реакция «сигареты», реакция «фильм про эвтаназию “Море внутри”», которая, по всей вероятности, является прецедентным выражением для респондента, и реакция «огни».

Сравнивая АП «море», полученные в ходе АЭ среди русских и испанцев, мы пришли к следующим выводам.

1. Формальная структура АП «море» русских практически идентична формальной структуре АП «море» испанцев: русские – 81 % существительных, 9 % прилагательных, 9 % сочетаний, 1% глаголов; испанцы – 80 % существительных, 8 % прилагательных, 10 % сочетаний, 1 % наречий, 0,5 % глаголов и 0,5 % причастий. Таким образом, сравнение АП по формальным показателям не позволяет получить какие-либо значительные результаты.

2. Ядерная зона АП «море» у испанцев составляют ассоциации, свидетельствующие о том, что для них море в первую очередь, место отдыха (57 % от общего количества реакций), а также место обитания животных и растений (21 %). При этом тематическая категория «Место обитания животных» присутствует как в околоядерной зоне АП (5 %), так и в периферийной зоне (9 %), тогда как тематическая категория «Место отдыха» отражена в околоядерной зоне АП (4 %), но не присутствует в периферийной.

Ядерная зона АП «море» у русских представлена всего двумя реакциями (волны и пляж), составляющими тематическую категорию «Место отдыха» (31 %), которая является самой многочисленной по количеству реакций в околоядерной (13 %) и периферийной (18 %) зонах. При этом тематическая категория «Место обитания животных» наблюдается в околоядерной (3 %) и периферийной (4 %) зонах АП, но представлена наименьшим количеством реакций.

Таким образом, рассматривая ядерную зону АП «море», можно заметить, что, в отличие от русских, испанцы практически в полтора раза чаще приводят реакции, вошедшие в категорию «Место отдыха». В то же время данная категория является самой наполняемой по количеству реакций в околоядерной и периферийной зонах АП «море» в языковом сознании русских, тогда как в околоядерной зоне АП «море» испанцев данная категория содержит всего 4 % реакций от их общего количества.

3. Сравнивая околядерные зоны АП «море» русских и испанцев, можно заметить, что, кроме тематических категорий «Место отдыха» и «Место обитания животных», наблюдается совпадение категории «Большое водное пространство», однако у испанцев эта группа представлена 6 % от общего количества реакций, а у русских – 2 %. Стоит отметить, что реакции, входящие в данную тематическую категорию, отражают основное лексикографическое значение слова «море» (ср.: Море – часть океана – большое водное пространство с горько-соленой водой [Ожегов, 2010, с. 252]).

4. Сравнение периферийных зон АП «море» русских и испанцев показало совпадение тематических категорий «Счастливая жизнь (благополучие)», «Семья (люди)», «Цвет», «Географические названия», «Еда» (категория представлена также в околядерной зоне АП «море» испанцев) и «О негативном». Тематическая категория «Таинственность» присутствует в околядерной зоне АП «море» испанцев и периферийной зоне АП «море» русских.

Помимо представленных совпадений при анализе АП «море» русских и испанцев были обнаружены различия. Так, в околядерной зоне АП испанцев имеет место быть тематические категории «Чувства», «Ночь», в периферийной зоне – «Профессиональная деятельность, связанная с морем», «Чистая вода».

В околядерной зоне АП русских встречается тематическая категория «Нравственные понятия», в периферийной зоне – «Герои мультфильмов».

Как видим, различий в восприятии образа моря русскими и испанцами намного меньше, чем совпадений. Так, у испанцев наблюдается связь стимула 1) с профессиональной деятельностью моряков; 2) с оценкой свойств воды; 3) с временем суток; 4) с определенными чувствами. Если первые два пункта можно объяснить влиянием географического фактора, то вторые, на наш взгляд, отражают горячий темперамент жителей этой страны.

Выводы. Таким образом, незначительные, на наш взгляд, различия в восприятии образа моря разными в культурном отношении народами могут быть объяснены развитием исследуемых лингвокультур в общеевропейском культурном контексте. При этом основополагающую роль в различии психологического восприятия образа моря представителями русской и испанской культуры играет географическое положение стран. Испания – страна, окруженная морем, добраться до которого из любой точки не представляет никакой трудности. В то время как красноярцам надо преодолеть более 4000 км, чтобы отдохнуть, например, на Черном море.

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000. С. 191–206.
2. Оганова А.А. Концепт «Профессия» в испанском и русском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Пятигорск. 2015. 22 с.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л.И.Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс: Мир и образование, 2010. 640 с.

4. Пак Е.С. Сравнительно-культурный анализ системы основных ценностей русских и испанцев // Вестник славянских культур. 2008. № 3–4. С. 142–152.
5. Пестрикова И.Е. К вопросу о влиянии географических факторов на формирование менталитета русского народа // Омский научный вестник. 2009. № 5 (81). С. 57–61.
6. Устьянцева Е.В. Лексикография и психолингвистическое значение слова «хлеб» // Вопросы психолингвистики. 2015. Т. 26. С. 240–248. DOI: 10.30982/2077 – 5911
7. Яковлев А.А., Манхирова В.В., Случаева Е.К. Особенности наименований дней недели в языковом сознании русских и испанских студентов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65): в 3 ч. Ч. 2. С. 174–178.

Сведения об авторах

Устьянцева Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: elena_ustianzeva@mail.ru

Устьянцева Кристина Евгеньевна – студентка 3 курса института филологии и языковой коммуникации, Сибирский Федеральный университет; e-mail: ustyaaa@gmail.ru

ASSOCIATION FIELD OF «SEA» IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS AND SPANIARDS

E.V. Ustyantseva, K.E. Ustyantseva

Abstract

Russia and Spain have quite similar historical destinies but their cultural traditions are completely different. Many researchers, including Y. N. Karaulov, A.A. Oganova, A.A. Yakovlev, etc., addressed themselves to the comparative analysis of the linguistic consciousness of the Russians and the Spaniards. Since the natural environment is one of the key factors influencing the formation and the development of national mentality. In this article an attempt is made to reveal the peculiarities of psycho-linguistic perception of the image of the sea by the Russians and the Spanish. Within the framework of this research an association experiment was held among Russians and Spaniards. The analysis of the association-field notional structure determined in the course of the research showed that the image of the sea in the linguistic consciousness of the testees is, first of all, connected with the concept of a holiday place, a place inhabited by animals and of a large water space.

Keywords: *sea, Russians, Spaniards, national mentality, language consciousness, associative experiment, association field, stimulus, response.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Karaulov Yu.N. Pokazateli natsionalnogo mentaliteta v assotsiativno-verbalnoy seti // Yazyikovoye soznanie i obraz mira: Sbornik statey / otv. red. N.V. Ufimtseva. M., 2000. S. 191–206.
2. Oganova A.A. Kontsept “Professiya” v ispanskom i russkom yazyikovom soznanii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Pyatigorsk. 2015. 22 s.
3. Ozhegov S.I. Tolkovyy slovar russkogo yazyika / pod obsch. red. prof. L.I.Skvortsova. 24-e izd., ispr. M.: Izdatelstvo Oniks: Mir i obrazovanie, 2010. 640 s.
4. Pak E.S. Sravnitelno-kulturnyy analiz sistemyi osnovnyih tsennostey russkih i ispantsev // Vestnik slavyanskikh kultur. 2008. № 3–4. S. 142–152.
5. Pestrikova I.E. K voprosu o vliyaniy geograficheskikh faktorov na formirovanie mentaliteta russkogo naroda // Omskiy nauchnyy vestnik. 2009. № 5 (81). S. 57–61.
6. Ustyantseva E.V. Leksikografiya i psiholingvisticheskoe znachenie slova “hleb” // Voprosy psiholingvistiki. 2015. T. 26. S. 240–248. DOI: 10.30982/2077 – 5911
7. Yakovlev A.A., Manhirova V.V., Sluchaeva E.K. Osobennosti naimenovaniy dney nedeli v yazyikovom soznanii russkih i ispanskih studentov // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 11 (65): v 3 ch. Ch. 2. S. 174–178.

About the author

Ustiantseva Elena Viktorovna – senior lecturer, Department of General Education, KSPU named after V.P. Astafieva; e-mail: elena_ustianzeva@mail.ru

Ustiantseva Kristina Evgenyevna – 3rd year-student, Siberian Federal University, School of Philology and Language Communication; e-mail: ustyaaa@gmail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объем не менее 0,5 печатного листа (20 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад).

3. При цитировании обязательно указание ссылок на *все* источники из библиографического списка: «...» [Иванов, 2017, с. 119].

4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. *Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов_статья», «Иванов_таблица»).*

Названия таблиц, рисунков *обязательно сопровождаются переводом на английский язык*, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.

5. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения *на русском и английском языках:*

заглавие – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора / авторов, УДК;

адресные сведения об авторе – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (*все сведения предоставляются полностью без сокращений*);

аннотация статьи – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи (кратко): постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution;

ключевые слова (10–15);

пристатейный список литературы – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформля-

ется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 и международными стандартами, принятыми редакцией (транслитерация);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным переводом названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерации фамилий авторов; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы. Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)

1. Библиографический список на русском языке и транслитерация на латинице.
2. На английском языке:

И.О.Ф. автора

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

3. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

ОБРАЗЕЦ

УДК 378

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ А.Г. Сидорова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Ключевые слова

Текст

.....

Библиографический список

1. Голуб Г.Б., Фишман И.С., Фишман Л.И. Общие компетенции выпускников высшей школы: что стандарт требует от вуза // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 156–173.
2. Двulichанская Н.Н. Интерактивные методы обучения как средство формирования ключевых компетенций [Электронный ресурс] // Наука и образование: науч.-технич. издание. 2011. № 4. URL: <http://technomag.edu.ru/doc/172651.html> (дата обращения: 12.02.2018).
3. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск: Изд-во БГУ, 1976. 274 с.

4. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 21–26.

5. Шкерина Л.В. Междисциплинарные модули в программе бакалавриата педагогического направления подготовки: проектирование и реализация // Образование и общество. 2015. № 1 (90). С. 65–70.

6. Shershneva V.A., Shkerina L.V., Sidorov V.N., Sidorova T.V., Safonov K.V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia // European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. P. 357–367. DOI:10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

Сведения об авторе

Сидорова Алевтина Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, e-mail:...

NEW STANDARDS – NEW CONTENT
AND TECHNOLOGY EDUCATION
A.G. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

Annotation (английский перевод аннотации)

Key words (английский перевод ключевых слов)

Bibliograficheskij spisok (Transliteration)

About the author

Alevtina G. Sidorova – PhD in Education, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail:...

Научное периодическое электронное сетевое издание

**СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В.П. АСТАФЬЕВА**

2018. № 4 (4)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Редактор английского текста В.Е. Пэшко
Технический редактор В.В. Ингул
Верстка Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 217-17-82

Подготовлено к изданию 29.11.18.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 15,6